

9 (Даг)
С 56

ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ДНЦ РАН
МИНИСТЕРСТВО ПО ДЕЛАМ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ И ВНЕШНИМ СВЯЗЯМ РД

**СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ
ДАГЕСТАНА
И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА**

Тезисы докладов научной конференции

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Махачкала 1997

9 (Даг)
С 56

Дагестанский научный центр РАН
Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН
Министерство по делам национальностей и внешне
связям РД

**СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ
ДАГЕСТАНА И СЕВЕРНОГО
КАВКАЗА**

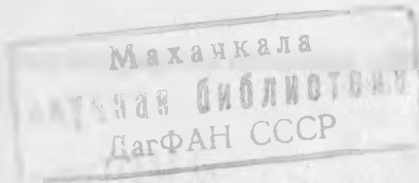
Тезисы докладов научной конференции

Махачкала, 1997

Махачкала, 1997

Редколлегия: Г.Г. Гамзатов (гл. редактор), В.Г. Гаджиев, М.Г. Гаджиев, О.М. Давудов, Г.Ш. Каймаразов, А.И. Османов (зам. гл. редактора), М.-З. О. Османов, А.Р. Шихсаидов.

Современное состояние и перспективы развития исторической науки Дагестана и Северного Кавказа. Тезисы докладов научной конференции / Дагестанский научный центр РАН. Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. Министерство по делам национальностей и внешним связям РД. - Махачкала, 1997. 175 с.

159946

Историческая наука Дагестана: проблемы и перспективы

Бурные научные дискуссии и обсуждения, в недавнем прошлом как бы вычеркнутые из нашей практики и возродившиеся с конца 80-х годов с небывалой остротой и размахом, не только свидетельствуют, как это нередко подчеркивается, о переживаемом кризисе массового исторического сознания, но и говорят о позитивных тенденциях, направленных на смелый пересмотр устаревших стереотипов мышления, переосмысление многих устоявшихся оценок и выводов, относящихся к нашему прошлому и еще недавно казавшихся нам непререкаемой истиной. В центре таких дискуссий не только драматические страницы истории, но и актуальные проблемы современности, стремление на историческом опыте, пусть порой нелегком, познать глубину и масштабность задач, стоящих перед обществом, ответить на вопросы, которые волнуют сейчас многих.

Однако беспокоит то, что пользуясь возросшим интересом общественности к истории, отдельные дилетанты от науки и публицисты выдвигают и широко распространяют концепции и учения по древней, средневековой, новой и, особенно, новейшей истории, которые далеки от подлинной истории. На щит поднимаются хорошо известные из истории теории, связанные со стремлением приукрасить и подчеркнуть, вопреки фактам, былую неординарную, историческую роль своего народа в мировом развитии, его древнейшем происхождении и восхождении к крупным народам, носителям всемирно известных культурных цивилизаций, занимавших обширные территории.

Не остается в стороне от такого нашествия и история Дагестана. Каждый ее пласт, каждая ее эпоха, идет ли речь о происхождении дагестанских народов, Кавказской Албании, Хазарском каганате, других ранних государственных образованиях, народно-освободительных движениях, мощно прокатившихся в XIX в. по Северо - Восточному Кавказу, и других событиях, вызывающих интерес общественности и поэтому особо привлекательных для публицистов, любителей истории и даже историков, всегда готовы переориентироваться по политическому курсу: все подвергается бесшабашной фальсификации, принимающей невиданные масштабы.

Особые антипатии реформаторы от науки питают к истории

советского общества, которую они под предлогом нового чтения не прочь бы вовсе перечеркнуть или, по крайней мере, преподнести ее в духе новых всякий, вне связи с исторической эпохой и реалиями. При этом достается и ученым - обществоведам, остающимся в основном на своих прежних позициях, но тем не менее считающим необходимым переосмыслить многое из того, что создано советской историографией.

Такой пересмотр не должен сводиться только к очернению всего того, что наработано советской исторической наукой лишь на том основании, что она руководствовалась марксистской идеологией. Серьезные исследователи не могут согласиться с такой нигилистической позицией в оценке истории исторической науки. Как известно, подобный нигилизм, имевший место в 20-30-х годах, когда историки, называвшие себя марксистами, предлагали все, что создавали до них "буржуазные историки", выбросить на помойку, привел к подмене науки вульгарным и абстрактным социологизированием.

И сегодня увлечение ниспровержением всего созданного нашими предшественниками может привести нас в новый тупик. Отсутствие исторической памяти, бездумный макуртизм не служили путеводной нитью в будущее, а могли лишь запутать и завести в тупик.

Причины столь радикальных метаморфоз в исторической науке нужно искать в неожиданном для многих и скоротечном распаде многонациональной державы - Союза Советских Социологических Республик, и кризисе ее осколков, охватившем экономическую, политическую и культурную сферы, нарастании национальных и социальных проблем, приведших к необходимости смены устоявшихся научных концепций и подходов в оценке общественных процессов. Все это способствовало появлению условий, благоприятствующих верхоглядским наскокам на историческое сознание, извращениям исторической истины, особенно участвовавших в последние годы.

Выход из кризиса, в который ввергнута историческая наука, видится в разработке и совершенствовании новых концепций, подходов, в серьезном пересмотре традиционно сложившихся представлений о профессии историка, о месте истории в системе научного познания, общественного развития и связанных с этим исследовательских задачах, особенно в работах фундаментального характера.

В этой связи перспективными для дагестанской историографии представляются следующие направления научных поисков:

- изучение процессов становления и развития древних культур на Восточном Кавказе, выявление закономерностей культурно-исторического взаимодействия ранних цивилизаций Юго-Восточной

Европы, Закавказья и Ближнего Востока, роли и значения древнего города в государственно - политической, культурно-экономической структурах мировых цивилизаций, памятников эпохи ранней и средней бронзы, камнерезного искусства, бронзового литья, резьбы по дереву, духовного мира древнего населения.

- комплексные исследования по проблемам этногенеза народов Дагестана, их материальной и духовной культуры, хозяйственной деятельности, семейного и общественного быта. Подготовка историко-этнографических очерков по всем дагестанским народам, дагестанской зарубежной диаспоре;

- в контексте истории России и Кавказа освещение особенностей экономического развития, социальной структуры, политической системы и духовной культуры народов Дагестана в эпоху феодализма, рассмотрение их исторических судеб на фоне мировой цивилизации, историю взаимоотношений дагестанских народов между собой и с народами Кавказа, Средней Азии, России, ближневосточных и западноевропейских стран;

- изучение истории национальных отношений, культуры народов Дагестана в новое и новейшее время, социально - экономических процессов в дагестанском селе, особенно в период аграрных преобразований 80-90-х годов XX в., количественных и социальных изменений в составе рабочего класса, раскрытие роли транспорта и строительной индустрии в экономическом и социальном развитии Дагестана;

- продолжение и дальнейшее развитие исследований по выявлению, фиксации, систематизации, подготовке каталогов памятников письменной культуры народов Дагестана (на арабском, персидском, турецком и дагестанских языках), а также по выявлению, отбору, археографической обработке и изданию ранее неопубликованных ценных архивных источников по истории Северного Кавказа и Дагестана нового и новейшего времени;

- выявление путем социологических опросов основных социально - экономических, политических и этно - культурных параметров современного дагестанского общества, проблем национальных отношений в Дагестане, занятости населения, социально - экономических отношений на селе, социальных и демографических тенденций развития дагестанской семьи, отслеживание общественного мнения населения республики;

- издание обобщающих трудов, научно - популярных книг, брошюр, статей по наиболее актуальным, дискуссионным проблемам

истории, доведение их до широкой читательской массы;

- проведение археологических, археографических, этнографических экспедиций с целью выявления, фиксации, учета и сбора материалов исторического, культурного, эпистолярного наследия народов Дагестана, архивных и иных материалов, представляющих историческую ценность;

- организация с привлечением специалистов, в том числе из ближнего и дальнего зарубежья, научных конференций, сессий, конгрессов, "круглых столов" для обсуждения дискуссионных проблем исторической науки.

Магомедов Р.М. (Махачкала)

Взгляд историка на Дагестан на рубеже двух веков

1. Среди малых народов Российской Федерации дагестанцы принадлежат к тем немногим, у которых рано определились ценность своей истории и усилия по сохранению фактов прошлого. Попытки создать на основе богатого исторического фольклора, исторических памятников, письменных источников, серьезных исторических сочинений видны уже в XIX веке. Это известные труды первых наших историков А. Бакиханова, Г. Алкадари ("Гюлистан - и Ирам" и "Асари Дагестан"), положивших начало дагестанской историографии.

2. Попытка вывести историю Дагестана на современный научный уровень начались после Октябрьской революции. Много сил и времени было отдано при этом построению социологических схем, освоению новых понятий и терминов, не обошлось и без схоластических споров в этих областях. Чувствительной потерей после репрессий 1937-1938 гг. стал разрыв с арабоязычной письменной традицией и утрата массы накопленных ею материалов. И все же материалистический период развития дагестанской историографии бесспорно был плодотворным. В последние двадцать лет особенно быстро шло накопление и обработка эпиграфических, археологических и этнографических материалов. На их основе написаны сводные работы по истории Дагестана, издано большое количество монографий, разработаны ряд сложных периодов по древней и средневековой истории.

3. Социально-политический переворот 1991-93 гг. сильно повлиял на условия исторических исследований. Реальная ситуация в стране (отсутствие средств, криминальная вседозволенность) свела к нулю полевые исследования, особенно в археологии и этнографии. Здесь приходится довольствоваться обработкой ранее добытого материала. В то же время "перестроечный период" открыл для исследования те

вопросы нашего прошлого, которые раньше искусственно осложнялись идеологическими интересами - особенно это относится к национально-освободительной войне 20-50-гг. XIX в., к личности Шамиля и его сподвижников. Политические спекуляции вокруг имени Шамиля (как имперско-шовинистического, так и национально-экстремистского характера) все еще продолжают. Учитывая это необходимо безотлагательно начать работу над фундаментальным историческим исследованием обобщающего характера по истории национально-освободительного движения горцев XIX в.

4. Для создания истории Дагестана в полном объеме необходимо использовать комплекс источников на всех языках. В этих целях надо воспользоваться открытым доступом к архивохранилищам не только в стране, но и в Турции, Иране, Ближнем Востоке. Здесь могут оказаться самые неожиданные сведения и по истории Дагестана. Для примера достаточно упомянуть хотя бы явление т.н. "восточного ренессанса" XV-XVI в. - отмеченного востоковедами внезапного культурного подъема периферии исламского мира, где были возрождены многие формы арабской классической культуры, бывшие уже в упадке в арабском мире. По свидетельству акад. И.Ю. Крачковского, Дагестан сыграл заметную роль в этом культурном движении.

5. Перестроечные процессы открыли путь бурному росту национального самосознания народов СССР - отсюда и широкий интерес к прошлому. В Дагестане это проявилось несколькими попытками создания очерков истории отдельных наших народов и малых этносов, отдельных дагестанских этносов и сельских союзов, отдельных сел. Это явление последнего десятилетия надо признать естественным и оправданным. Однако в них можно отыскать массу фактических ошибок и натяжек, методологическую беспомощность. Есть попытки перенести сегодняшние политические проблемы и интересы какого-то этноса на картину его прошлого.. Так создаются элементы новой мифологии. Бывает и так, что национальное возрождение трактуется как преемственность "своего" этноса над другими.

Однако в целом интерес к родному прошлому надо поддержать, и сделать это должны историки-профессионалы. В наше время стало совершенно очевидным, что изучать прошлое Дагестана "в общем - совершенно невозможно. Подлинная история Дагестана может быть лишь переплетением, сложным слагаемым конкретных, местных историй каждого из его народностей, включая и самые малые, и более того - включая факты прошлого десятков земель и обществ, сотен джамаатов.

Изучение истории малых исторических образований Дагестана -

его земель, этносов и сельских союзов - должно стать важной задачей историков Дагестана в XXI веке. Среди таких исторических исследований окажутся такие сложные и крупные, как история Лакза - Лекзистана и история Серира.

6. Не решена в Дагестане и проблема местного самоуправления. Местное самоуправление есть первое звено, соединяющее каждого человека с общественным порядком, поэтому оно и есть самая основа и опора, без которой рассыпаются все более высокие, более сложные и заметные структуры власти. Многие поколения дагестанцев в прошлом выработали эффективные и устойчивые формы демократического самоуправления - это была дагестанская сельская община - джамаат. Джамаатские и тухумные традиции еще живы доньяне. Они являются общими для всех дагестанцев. Учет традиционных особенностей в системе местного самоуправления может развязать проблему особенностей правовой системы в Дагестане.

7. Возрождение нравственных ценностей дагестанских народов одна из важных проблем. Ослабление их значит для общества примерно то же, что тяжелое заболевание для человека: невнимание и забвение ведет в этом случае к гибели, а выздоровление их - выздоровлению и жизни.

8. Сохранится ли дагестанское единство и в XXI веке - вот в чем вопрос.

Налицо процесс преобразования этническо-национального самосознания, проявляются черты изоляционизма и противопоставления. Сегодня Дагестан стал перед проблемой как сохранить мир и спокойствие в многонациональной среде. До сих пор существование каждого народа в той или иной степени было обусловлено существованием остальных в едином Дагестане. Его распад стал бы началом конца для каждой из его народностей. Идея дагестанского единства - это национальная идея Дагестана. Конец целостности Дагестана, в результате распада единства, означал бы конец культурно-исторической общности нашего края. Предотвратить это удастся, если основой дагестанского национального сознания, по-прежнему останется общепатриотическая идеология, которая будет базироваться на морально - патриотическом единстве.

9. Очередной проблемой для всех гуманитарных работников в XXI веке станет исследование понятия "дагестанская цивилизация". Начать эту работу надо с выяснения закономерностей, одинаковых для развития всех исторических обществ и типологических отличий в развитии и структуре обществ. История Дагестана дает возможность выделить ряд таких типобразующих черт, которые позволяют говорить и о "дагестанской цивилизации", занимающей свое отдельное место рядом

с известными и лучше изученными цивилизациями Запада и Востока.

10. Первым контактам Дагестана с Русью - около тысячи лет, первым русским письменным сведениям о Дагестане - более пятисот лет, непрерывные отношения начались около четырехсот лет тому назад. Последние 120 лет двухсторонних военных столкновений уже не было. Зато эти годы при полной внешней безопасности в составе России много дали для развития Дагестана, для приобщения его к современным формам жизни. Российская держава и ее великий народ переживает сейчас тяжелейший исторический кризис. Сейчас плохо России - плохо и нам. В трудное время мы должны быть вместе. Иных перспектив на XXI век реальный исторический опыт Дагестана не указывает. Уместно вспомнить, что русские люди среди нас играли сближающую, интегрирующую, уравнивающую роль, способствуя сближению наших народов и стабилизации нашего общества. Могут ли дагестанцы не принимать этого во внимание, думая о своем будущем?

Шнирельман В.А. (Москва)

Уроки националистической археологии

1. Мы живем в век национализма, когда национальные государства, как правило, формируются на основе культурно-языковых общностей, осознающих себя как тесно спаянные единства, корни которых уходят глубоко в древность. Как правило, такое историческое видение прошлого является искусственной конструкцией, упрощающей гораздо более сложную историческую реальность. Но именно в такой конструкции нуждается общество в определенные моменты своего развития. Само по себе это явление далеко не уникально, что доказывают многочисленные примеры из истории самых разных народов в 19-20 вв. Этногенетический миф нужен людям в критические моменты их истории - когда этнической группе грозит утрата культуры и языка, когда этнические меньшинства борются против расовой дискриминации и ее последствий, когда народ ведет борьбу за политическую самостоятельность, когда на развалинах империи в прошлом народ испытывает дискомфорт, теряя свой прежний статус, когда два соседних народа предъявляют права на одну и ту же территорию, которую оба они издавна занимали, когда на данной территории пришельцы разного этнического происхождения сплываются в новую этническую группу; и, наконец, когда единый в прошлом народ оказывается разорванным на части и образует новую диаспору. В любом случае миф о прошлом призван воспитать в людях самоуважение, сплотить их и придать им творческую

энергию с целью преодоления кризиса.

2. Националистический подход используется всеми - и теми группами, которым грозит распад, и теми, кто выражает желание от них отпочковаться и образовать новую общность. Его важнейшей особенностью является предельный этноцентризм, т.е. каждая этническая группа интерпретирует прошлое, исходя из своих вполне конкретных сиюминутных этнополитических целей. Нет нужды говорить, что построенные на этом фундаменте этноцентристские версии истории сплошь и рядом не совпадают друг с другом. И это ведет к бесконечным бесплодным спорам между представителями различных национальных исторических школ.

3. Вместе с тем, обнаруживая несовершенство методологической процедуры, принятой в науке об этногенезе, эти споры заставляют обновлять наши методологические приемы, что может благотворно сказаться на дальнейшем развитии наук. В этом отношении внимания заслуживают следующие проблемы:

а) Сейчас мало кто будет спорить с тем, что все современные народы выросли на гетерогенной основе и имеют многокомпонентный состав. Но решить вопрос о том, какой из компонентов главенствовал, не просто трудно, но зачастую и невозможно. Ведь решение такого вопроса требует предварительно определить, что понимается под главенством, кто и в какой сфере мог главенствовать: идет ли речь о политическом доминировании, о преобладании какого-либо языка, о культурном влиянии и в какой именно области, о межкультурном разделении труда, о практике межплеменных браков или о чем-либо еще. К сожалению, археологи обычно избегают такого дифференцированного подхода и ограничиваются чересчур обобщенными замечаниями.

б) Опираясь терминами "этнос", "этнический" и др., мало кто задумывается о том, применимы ли они вообще к первобытным или раннеклассовым обществам, а если да, то в каком смысле. Ведь групповая лояльность в ту эпоху определялась прежде всего клановой и племенной принадлежностью, перед которой языковые и культурные факторы отступали на второй план.

в) обычно специалисты по этногенезу молчаливо соглашались с достаточно жестким отождествлением археологической культуры с этносом. Между тем, абсолютизация этого тождества вызывает серьезные сомнения.

г) До сих пор остается неясным, какие именно элементы древней культуры являются надежными и устойчивыми этническими показателями. Поэтому оценка их этнодифференцирующей роли достаточно субъективна и зависит от того, насколько они удовлетворяют

априорной авторской концепции.

д) Нет единства взглядов относительно того, какие именно археологические данные могут свидетельствовать о появлении нового этнического компонента, а какие - об обмене или взаимовлиянии

е) Националистические версии нередко основываются на партикуляристском подходе, который искусственно ограничивает кругозор ученого и заставляет видеть этноспецифическое там, где речь идет о достаточно распространенном явлении.

ж) Археологи очень часто весьма небрежно обращаются с лингвистическими материалами. Они нередко прибегают к механическим языковым сопоставлениям, даже не задумываясь о динамическом характере языкового процесса. Иными словами, они игнорируют одно из основных требований сравнительно-исторического языкознания о необходимости выделения хронологических языковых пластов, реконструкция которых обязательно должна предшествовать каким бы то ни было сопоставлениям. В противном случае велика вероятность случайных совпадений, и сравнительный анализ утрачивает какой-либо смысл.

4. Одним словом, занимаясь этногенетическими реконструкциями, специалисты должны серьезнее подходить к используемым методикам. Необходимо уделять гораздо больше внимания сравнительным кросс-культурным исследованиям, которые позволяют строить модели этногенетических процессов, изучать воздействующие на них факторы и выявлять зависимости между этими факторами и результатами происходящих процессов. Особое внимание следует уделить развитию этноархеологических исследований, которые позволяют преодолеть бытовые представления о характере зависимости между этносоциальными процессами и их материальными результатами и ведут к получению гораздо более надежных выводов. В частности, этноархеология дает превосходную возможность для проверки надежности ретроспективного метода (об этноархеологии см. Шнирельман 1984; 1990а; 1990б; 1993; 1995). При обсуждении проблемы древних лингвистических процессов необходимо шире опираться на данные социо- и этнолингвистики и применять лингвоархеологические приемы, разработка которых уже ведется в отечественной науке (библиографию см. в статье Шнирельман 1996). Наконец, следует более осторожно обращаться с понятием "археологическая культура" и воздерживаться от прямых и некритических отождествлений ее с этносом. Возможно, следует отказаться и от использования понятия "этнос" в применении к первобытным группам.

Использование на Кавказе далекого прошлого для этнической идентификации

Концепцию национальности, этноса и этногенеза современных западных исследователей целесообразно сопоставить с теми характеристиками, которые даны в советских и постсоветских дискуссиях в этнологии и антропологии. В этих последних дискуссиях неверно подчеркивалась долговечность этнических образований. Принятие более динамической концепции этноса, выдвинутой современными западными историками, серьезно подрывает основные поиски советской, а теперь и постсоветской археологии, определения этногенеза отдельного народа на основе доисторических материальных остатков. Использование концепции этногенеза должно быть критически пересмотрено и “историзировано” в условиях меняющихся нужд советского государства. Сегодня эта практика не может быть поддержана научно, так как она основывается на неверной теории этноса и должна быть отвергнута, поскольку способствует крайне националистическим попыткам искажения далекого прошлого в угоду современным политическим целям (служит предлогом для территориальных притязаний или обоснования культурного превосходства одной этнической или национальной группы над другими - их соседями).

Здесь целесообразно привести обзор некоторых современных злоупотреблений далеким прошлым на Кавказе, которые появились как в популярных, так и “научных” публикациях. Надо признать, что древность является не только предметом спора, но и конкуренции на всем Кавказе. Эта конкуренция приводит к гиперболическим и нелепым оценкам, которые не могут быть серьезно восприняты с точки зрения их исторической достоверности, но которые преуспевают в противопоставлении одной этнической группы другой. Таким образом, они способствуют разжиганию этнических (национальных) конфликтов, которые опустошают Кавказ в течение последних восьми лет. Концепция далекого прошлого или древности также должна быть пересмотрена и приведена в соответствие. Человеческая память и человеческие поколения по сравнению с археологическими данными чрезвычайно коротки и этот факт не должен быть сброшен со счета или недооценен при использовании этих данных для определения занятий или суверенитета в определенном регионе. Это подтверждается рассмо-

трением материальных остатков южной Грузии (Джавахети) и конфликтных притязаний на эти земли со стороны грузин и армян. Современная государственная политика по отношению к определенному региону должна отмежеваться от попыток узнать и реконструировать историю, особенно древнюю историю этого региона. Археологи должны привести в порядок свои материалы. При этом они обязательно используют категории, подобные понятиям "археологическая культура", которая в общем, если не сказать исключительно, определяется на основании остатков материальной культуры, и не может считаться эквивалентом этноса, и этот факт лишний раз ставит под сомнение практику попыток идентифицировать этнос при помощи давних захоронений и заброшенных археологических остатков.

В заключение хочется еще раз высказать убеждение о том, что археологи откажутся от практики своих, как правило, неуловимых, уклончивых поисков этногенеза современных народов.

Чеченов И. М. (Нальчик)

Причинно-следственные аспекты фальсификации историко-археологической науки на Северном Кавказе (сер.80-90-е гг.)

Многочисленные псевдонаучные концепции и учения по древней и средневековой истории народов северокавказского региона, особенно широко распространяемые через всевозможные каналы информации в течение последних 10-12 лет, как правило, настолько далеки от подлинной науки, что первые выступления с обобщающими критическими докладами на эту тему (В. Марковин, 1988; И. Чеченов, 1988, 1990) представлялись для многих исследователей недостаточно актуальными. Сегодня стало очевидным, что небывалые прежде масштабы вульгаризации и фальсификации исторического прошлого северокавказских народов следует рассматривать в целом как крайне негативное, далеко небезобидное, можно сказать, опасное явление с характерными для паранауки методами, тенденциями и факторами развития, которое подпитывается определенными идеями и целями. Об этом в той или иной мере свидетельствуют неоднократные критические выступления кавказоведов, число которых заметно стало возрастать с начала 90-х гг. (В. Марковин, 1988, 1990, 1993, 1994; 1996-а, 1996-б; И. Чеченов, 1988, 1990-а, 1990-б, 1990; Ю. Гагловс, 1987; В. Каминский, 1988; Д. Василенко, А. Ждановский, В. Каминский, 1991; Р. Магомедов, 1995; З. Доде, 1996; В. Шнирельман, 1996 и др.).

Феномен паранауки в его разных проявлениях имеет глубокие и

довольно разветвленные корни (О. Мороз, 1989; В. Торчилин, 1991). Сказанное относится и к современному мифотворчеству в историографии Северного Кавказа. Но основополагающие причины необычайно ускоренного и угрожающего разрастания этого явления за последнее десятилетие в регионе и на всей территории бывшего СССР, массовое вторжение любителей псевдосенсационных открытий и учений во многие сферы обществоведения и естествознания, связаны главным образом со всеобщим кризисом экономической, политической и административной системы страны. Развал многонациональной державы и дальнейшее углубление всех противоречий в СНГ, усиление сепаратистских тенденций и ожесточение межнациональных столкновений, крутой спад производства и финансирование фундаментальных исследований по остаточному принципу, - таков неполный перечень факторов, которые подрывают и разобщают научные силы, подводят науку и образование к критической черте.

Правда, за последний период на Северном Кавказе весьма заметно увеличилась численность дипломированных ученых - кандидатов и докторов наук и особенно членкоров и академиков разных провинциальных, национальных и международных академий, но от этого мягко говоря, отнюдь не возросли глубина и объективность научных исследований, не поднялся престиж науки. Все острее ощущается проблема стационарной подготовки в центральных академических учреждениях России молодых высоко профессиональных кадров - специалистов по кавказской истории и археологии. В то же время, особенно с начала 90-х годов, явно ослабли традиционные связи и взаимосотрудничество между кавказоведами, сократились научные командировки, реально осложнился своевременный обмен новейшей научной информацией и необходимой литературой по обществоведению. В значительной части северокавказского региона существенно сократились экспедиционные изыскания в т.ч. и масштабы археологических работ. И хотя в последние годы издано множество серьезных монографий и тематических сборников по ранней истории и археологии региона (В. Марковин, 1996), но и они главным образом написаны на основании материалов полевых исследований, предшествовавших второй половине 80-х гг.

Естественно, при таком кризисном состоянии общества, охватившим все сферы его жизни, включая науку, сложились достаточно благоприятные условия для беспредельного разгула на Северном Кавказе и за его пределами приверженцев антинаучных исторических мифов и концепций, создателями и защитниками которых, являются люди самых

разных специальностей, начиная от представителей сугубо физического труда и разночинной интеллигенции и кончая доцентами и профессорами, в ряде случаев получившими ныне даже звания академиков.

Как неоднократно отмечалось нами (И. Чеченов, 1995, 1996), творцы и сторонники этих мифов и учений, при всех их национальных и профессиональных различиях, а также расхождениях по тематике "исследований", в принципе проявляют между собой очевидное сходство в одном - в сознательном или несознательном стремлении к чрезмерному приукрашиванию и идеализации, вопреки фактам, былой исторической роли своих народов, в способах внушения им чувства национальной исключительности. Нагляднее и чаще всего это выражается в попытках того или иного автора доказать, что его народ является одним из древнейших в Евразии и относительно "чистокровным" по происхождению, принадлежал в прошлом к числу весьма цивилизованных и крупных этносов, имел достаточно развитые формы своей государственности, занимал гораздо более обширную, чем сегодня, территорию и т.п.

Широкое распространение получили версии почти о прямолинейном этнолингвистическом родстве отдельных северокавказских народов с известными в истории древними народами (шумеры, хатты, хурито-урарты, индоарийцы и индоиранцы, этруски и др.), а также с племенами-создателями ряда северокавказских археологических культур (майкопская, кобанская, аланская). Причем, на такое родство с некоторыми из этих древних этносов нередко претендуют представители разных республик региона. Вместе с тем в их публикациях замалчиваются или в значительной мере игнорируются и вульгаризируются широко признанный в науке факт о глубоком генетическом родстве определенных групп северокавказских народов, различающихся по языку, но существенно сближающихся в антропологическом отношении, а также по психическому складу, материальной и духовной культуре (например, вайнахи, осетины, балкаро-карачаевцы и кабардинцы).

Показательно, что в большинстве случаев решение вопроса об этнолингвистической атрибуции тех или иных создателей древних цивилизаций и археологических культур в публикациях рассматриваемой категории явно детерминирован соответствующим национальным составом или конъюнктурной ориентацией их авторов и сторонников. Напомним, что подобная тенденциозность характера для фальсификаторов истории не только Северного Кавказа, но и многих других регионов.

Имеются реальные основания полагать, что беспрецедентно бур-

ный рост активности в создании и распространении мифов о “великих предках” вызван в последний период в северокавказском регионе и далеко за его пределами стремлением определенных групп псевдоисториков и их покровителей “научно доказать” правомерность определенных политических и территориальных притязаний. Как известно, те или иные суждения и выводы современных “новаторов” от археологии, наряду с подобными же сомнительными “открытиями” в области новой истории появились на страницах учебников (например, “История Кабардино-Балкарии”, 1995); они используются некоторыми представителями общественно-политических движений, специальных экспертных комиссий и даже официальных властей при выступлениях по вопросам административно - территориального устройства, межнациональных отношений, культуры. Можно сказать, что беспредельная вульгаризация, фальсификация и идеологизация историко-археологической науки на Северном Кавказе является и главной причиной, и следствием крутых и во многом хаотичных преобразований, которые произошли в нашем обществе во второй половине 80-х-90-х годах.

Гаджиев М.Г. (Махачкала)

Проблема происхождения народов Дагестана в свете новых исследований

1. Попытки решить проблему происхождения народов Дагестана, объяснить феномен его полиэтничности прежде сводились в основном к различным миграционным версиям. Узкая была источниковая база для решения данной проблемы, недостаточно учитывался ее комплексный характер, исследования в этой области носили, как правило, однобокий характер. Комплексное изучение накопленных данных смежных наук (археология, антропология, сравнительно - историческое языкознание) позволяет решить проблему этногенеза и ранней истории формирования народов Дагестана на широкой источниковой базе.

2. Археологические данные позволяют воссоздать основные этапы развития Дагестана с древнейших времен до I тыс. до н. э., когда в сочинениях античных авторов появляются первые сведения о его народах (формирование древнейшей культуры Дагестана эпохи мезолита и неолита (чохская культура VIII-VI тыс. до н. э.) с культурным субстратом находившимся на Ближнем Востоке (Южный Прикаспий); эволюция раннеземледельческой культуры горного Дагестана в эпоху энеолита (V-IV тыс. до н. э.), сложение куро-аракской культурной общности и ее северо-восточного кавказского локального варианта во второй половине IV - середине III тыс. до н. э.; закат куро-аракской культуры, распад северо-

восточного кавказского культурного единства (вторая половина III тыс. до н.э.) под давлением культур Юго-восточной Европы; формирование ряда новых археологических культур и комплексов в конце III тыс. до н.э. и их эволюция во II - I тыс. до н.э.

3. Изучение палеоантропологических данных позволило установить принадлежность древнего населения Дагестана V-I тыс. до н.э. к южно-индосредиземноморской ветви европеоидной расы, к которой относится также население Закавказья, Передней Азии того времени. Исследования антропологов свидетельствуют о преемственности антропологического типа, сохранении на территории Дагестана на протяжении всего указанного периода устойчивого этнического массива, об участии этого древнего населения Дагестана в формировании антропологических типов современных народов Дагестана: каспийского и кавказского.

4. Сравнительно - историческое изучение кавказских языков свидетельствует о генетическом родстве нахско-дагестанских языков между собой и о принадлежности к этой восточно-кавказской семье также хуррито-урартских языков. Установлено, что восточно-кавказская и западно-кавказская (абхазо-адыгская) семьи составляют северокавказскую надсемью языков. На древнейшем этапе своего развития протокавказский язык по одной из гипотез обнаруживает генетические связи с афро-азиатскими и сино - тибетскими языками (Николаев, Старостин, 1984, 1989).

Согласно глоттохронологии протокавказский язык распался на западно-кавказский и восточно-кавказский на рубеже V-IV тыс. до н.э. Не позже IV тыс. до н.э. хуррито-урартский отделился от восточно-кавказского. В III тыс. до н.э. распался протонахско-дагестанский язык, а во II-I тыс. до н.э. происходит его дальнейшая дифференциация, в чем нашел отражение процесс формирования языков современных народов Дагестана.

На всем протяжении своей истории нахско-дагестанские языки развивались во взаимодействии с индоевропейскими языками на всех этапах их развития (индоевропейский, индоиранский до распада, иранский), о чем свидетельствует множество лексических заимствований.

5. Рассмотрение всех приведенных данных в комплексе позволяет воссоздать обобщенную картину этногенеза народов Дагестана и Северо-Восточного Кавказа в целом. Так около 10 тысяч лет назад, в мезолите (VIII тыс. до н.э.) Дагестан был заселен людьми, вышедшими из ближнего Востока, вероятнее всего из Южного Прикаспия (Северный Иран). На протяжении около 6 тысяч лет древнее общество Дагестана развивалось более или менее стабильно эволюционно. Расселившееся

по всему Северо-Восточному Кавказу население создало единую культуру, сходным был его физический облик, говорило на общем языке. В III тыс. до н.э. начался процесс его распада на отдельные этносы, народы, на что большое влияние оказали индо-европейские племена, начиная с V тыс. до н.э. до конца I тыс. до н.э. Первоначально от нахско-дагестанских народов в IV тыс. до н.э. отделились хурриты, которые продвинулись на юг. В III тыс. до н.э. началось расхождение нахско-дагестанских народов, дифференциация которых продолжалась до конца I тыс. до н.э., когда по данным античных авторов здесь уже насчитывалось 26 племен, входивших в состав Кавказской Албании.

Магомедов Р.Г., Сагитова М.Д.
(Махачкала)

Об опасности политических и националистических манипуляций археологическими данными

(О кн.: *Nationalism, politics, and the practice of archaeology* /ed. by Philip L. Kohl and Clare Fawcett. Cambridge: University press, 1995. 330 p. + 4 maps)

Национализм – мировое явление, он живуч и вездесущ, и археология в этом плане не является исключением. Многие этнополитические конфликты, сотрясающие различные регионы Земли, прошли эмбриональное развитие именно в русле псевдоархеологического обоснования. Это хорошо показано в сборнике работ группы ученых США, Канады, Великобритании, Германии, Испании и России “Национализм, политика и практика археологии”, изданном в 1995 г. в Кембридже под общей ред. проф. Филиппа Кола и проф. Клер Фаусетт. Книга из пяти частей, библиографии, предметно-именного и географического указателя является своего рода изданием материалов симпозиума по изучению взаимосвязи национализма и археологической практики, проведенного Американской археологической ассоциацией в Чикаго в ноябре 1991 г. (статьи Б. Уэйльса и А. Золла, Б. Арнольда и Х. Хассмана, Д. Энтони, Т.Кейсера, Ф. Кола и Г. Цецхладзе, Л. Фалькенхаузен, К. Фаусетт). Вопреки первоначальному замыслу “глобального” охвата проблем национализма в археологии, для чего было привлечено более двух дюжин археологов, книга имеет отношение исключительно к европейской и восточноазиатской археологии. Для более полного освещения избранной проблематики в сборник включены также статьи и общие комментарии М. Диас-Эндрью, К. Т. Лиллиуса, Е.И. Черныха, В.И. Шнирельмана, Е. Тонга и С. Нельсона, Н.А. Зильбермана и Б.Г. Триггера, не участвовавших в симпозиуме.

Взаимоотношения археологии и национализма достаточно многогранны и не могут быть оценены только отрицательно. Анализируемая книга же принципиально посвящена злоупотреблениям во взаимоотношениях между национальной политикой и археологией, хотя, как пишут редакторы, может и “можно было бы восхищаться позитивной ролью этнически интерпретированной археологии, которая помогает построить законную гордость специфическими культурными традициями и стимулирует исследования этих традиций в прошлом” (с. 5).

Кол и Фаусетт выделяют несколько очевидных источников националистических тенденций в археологии, из которых более подробно описаны такие, как “желание археологов действовать “во имя службы государству” (с. 4-9) и глубокая вовлеченность их “в националистические предприятия, и больше всего, в конструкцию национальной идентификации” (с. 9-14). 1-й вид националистической археологии, вытекающий из излишней политизированности археологии, когда она очень близко “идентифицируется с политическим курсом, слишком охотно становится извращенной археологией” (с. 6), особенно характерен для нашего столетия, в чем убеждает опыт сталинского СССР, салазарской Португалии, франкистской Испании, гитлеровской Германии, маоистского Китая. Последние примеры этого ряда, приводимые редакторами книги, – это Грузия (при Гамсахурдиа) и Югославия (при Милошевиче). 2-й вид националистической археологии, как показывается в комментариях Зильбермана, возник еще в Раннем Возрождении как своего рода реакция протоитальянцев на высокую готику, но более всего он материализовался в XIX и особенно в XX вв., “когда националистические движения возникли как политическая сила, а археология созрела до академической дисциплины” (с. 10). В качестве подтверждения упоминаются те же упомянутые тоталитарные режимы, а также Корея, Зимбабве и ряд других стран. Основная предпосылка книги заключается в “том, что позитивные и негативные черты националистической археологии можно понять через дискуссию; извращенной археологии можно противостоять, но нельзя ее игнорировать” (с. 16). С этим мнением редакторов книги вполне можно согласиться.

Три последующих раздела книги (ч. II–IV) посвящены изучению проблемы национализма в Зап. Европе, Вост. Европе и Евразии (страны СНГ), а также Вост. Азии. 2-я часть книги включает подборку статей как общего (“Цивилизация, варварство и национализм в европейской археологии” Уэльса и Золла, “Нацистская и экофеминисткая доистории: идеология и эмпиризм индоевропейской археологии” Энтони), так и частного (“Археология и национализм в Испании” Диас-Эндрью, “Национализм и изучение медного века при салазарском режиме”

Лиллиоса. "Археология в нацистской Германии: наследие сделки Фауста" Арнольда и Хассманна) характера о проявлениях национализма в археологии некоторых стран Зап. Европы. Для нашего читателя более примечательна 3-я часть работы, где речь идет о двух, системно близких, регионах – Балканах и бывших странах СССР, погрузившихся после краха коммунистических режимов в этнополитические конфликты. Но прежде чем подробно остановиться на ней, скажем, что часть IV посвящена национализму в археологии Китая (Тонг и Фалькенхаузен), Кореи (Нельсон) и Японии (Фаусетт). С одной стороны, это, конечно, отличный от Европы и стран СНГ мир с его культурными, религиозными традициями и этническими менталитетами; с другой стороны, читатель может обратить внимание на близость некоторых националистических идей, например, коммунистического Китая или же Сев. Кореи и бывшего СССР. И, наконец, V-я часть книги – это общеметодологические комментарии Зильбермана и Триггера.

Итак, если о национализме в археологии западноевропейских стран говорилось больше в прошедшей форме, то в ч. III анализируется "живая история". К сожалению, статьи Крейсера ("Археология и идеология в Юго-Восточной Европе"), Шнирельмана ("От интернационализма к национализму: забытые страницы советской археологии в 1930-1940-х гг."), Черныха ("Постскриптум: Российская археология после распада СССР – инфраструктурный кризис и возрождение старого и нового национализма"), Кола и Цецхладзе ("Национализм, политика и практика археологии на Кавказе"), не отражают весь спектр затронутых проблем, т.к. последние получили свое полное развитие уже после написания статей. Особенно это касается балканских стран.

Статьи Шнирельмана, Черныха, Кола и Цецхладзе взаимосвязаны и хорошо дополняют друг друга. Шнирельман, обращая внимание на исключительную популярность в СССР проблематики этногенеза, что зачастую удивляло западных специалистов, пишет, что корни этого явления уходят в конец 30-х гг. До этого в советской исторической науке, как известно, господствовала т.н. "школа Покровского" с жестокой борьбой против дореволюционной историографии, оправдывавшей де угнетение колониальных окраин и отстаиванием интернационализма в идеологии, науке, в т.ч. и в истории. Но это был своего рода имперский интернационализм, прикрывавший унитарность многонационального государства (с фактическим неравенством наций) декларируемой свободной федерацией народов, каким объявлялся СССР. Широчайшее развитие сначала в лингвистике, а затем и в археологии, древней истории, этнографии и других дисциплинах в эти годы получили взгляды акад

Н.Я. Марра и его последователей. Марровское "новое учение о языке", приложенное к археологии, утверждало автохтонность развития древнейшего населения любого региона, подвергавшегося якобы лишь стадильным изменениям на основе развития материальной культуры. Это приводило к практическому отрицанию миграций в археологии, а западные специалисты, в первую очередь, германские (Коссина и др.), разделявшие миграционизм, отождествлялись "с расизмом, империализмом, милитаризмом и территориальным экспансионизмом" (с. 125). По Марру, в древности не было ни племен, ни народов, ни национальных или этнических групп с территориальными границами, а все культурные и лингвистические изменения в обществе объяснялись социально-экономическими и классовыми факторами.

Со 2-й пол. 30-х гг. в советской исторической науке произошла смена ценностей: школа Покровского была разгромлена, а марризм – развенчан и обвинен во всех смертных грехах. Воинственный интернационализм сменился идеологией, поощрявшей этногенетические исследования. "резко возросло ... внимание к проблемам национального самосознания, к обоснованию патриотической гордости, к поддержанию отечественных традиций" (Клейн, 1993). В археологии и этнографии были "реабилитированы" понятия "этнос", "миграция", "диффузия" и т.п. Особо поощрялись работы по русской и славянской истории. История других народов СССР осмысливалась сквозь призму их отношений с "великим русским народом". С другой стороны, как показывает Шнирельман, в союзных республиках отмечался рост национального самосознания, выросла новая интеллигенция со своими этнокультурными запросами. Последствиями "синдрома национальной уязвленности" (термин Клейна) были языковой сепаратизм, отстаивание автохтонности своих народов на "исконных" исторических землях, поиски великих предков, война на археологических картах. Москва иногда попустительствовала сомнительным, с точки зрения официоза, взглядам археологов с окраин, но чаще подвергала национальные кадры репрессиям, объявляя их "буржуазными националистами".

При хрущевском и брежневском режимах в советской исторической науке была достигнута оптимальная, по мнению властей, ситуация, исключавшая крайние трактовки этногенеза и этнической истории народов СССР и сопредельных земель. В литературе исчезла агрессивность к зарубежной научной мысли, что, правда, не исключало необходимости критического подхода к "буржуазным" авторам. Периодически выходили работы, в которых славяно-русская тема рассматривалась с понятным пристрастием, иногда в отрыве от научных

фактов ("Память" Чивилихина и т.п.), но они, как правило, получали критику в печати.

В небольшой статье Черных хорошо показаны корни некоторых шовинистических и националистических "вывихов", получивших особую остроту после развала СССР. Автор останавливается на мифах славянофильства, "татаро-монгольского ига", поисков древних предков тюрков. Не обошел вниманием Черных и последние антисемитские труды Л.Н. Гумилева, недоумевая "почему такой оригинальный "мыслитель" пытается объяснить секретную роль евреев в мировой истории в такой специальной форме, столь неумело апеллируя к высшим мистическим сферам" (с. 146).

Статья Кола и Цецхладзе посвящена Кавказу, который "вдобавок к языковому и этническому разнообразию ... характеризуется ярким историческим самосознанием, протянутым вглубь тысячелетий и документированным богатыми историческими и археологическими фактами" и где "археология и древняя история исключительно живы и значительны для многочисленных народов", населяющих его (с. 149). До рассмотрения кавказского узла проблем национализма в археологии авторы останавливаются на некоторых общеметодологических аспектах. Во-первых, считают они, критики достойны все группы археологов Кавказа и поэтому речи быть не может об осознанной или неосознанной поддержке кого-либо из них. Во-вторых, авторы оговаривают, что они не отрицают вклада в археологию тех ученых, национализм которых подвергается осуждению. В-третьих, обращается внимание на то, что по способу научного познания археологи, увлекшиеся ложнонациональными парадигмами, относятся к т.н. эссенциалистам, которые "предполагают, что культуры являются своего рода кристаллизовавшимися минералами; однажды образовавшись, они приняли особую форму, которая характеризует их 'с незапамятных времен' до наших дней" (с. 150-151). По концепции самих авторов, культуры – это открытые системы с постоянными трансформациями из-за внешних воздействий и внутреннего развития. Надо сказать, что эти методологические моменты хорошо соотносятся не только с кавказскими материалами, и поэтому были более уместны во введении книги.

Далее структурно статья распадается на две части: в одной Цецхладзе предметно рассматривает грузинскую историографию наследия колхов и греческих колоний, а другая (Кол) посвящена националистическим искажениям истории Кавказа, сгруппированным по регионам Кавказа. Кол, имеющий полевой опыт работы на Кавказе, знакомый со многими местными археологами, сумел удивительно деликатно рассмотреть наиболее показательные примеры националистических "толкований" археологии

Кавказа, несовместимых часто не только с научной истиной, но и со здравым смыслом. Таковы, например: настойчивость многих азербайджанских ученых и популяризаторов науки в показе исконных корней тюркского этноса и языка на Вост. Кавказе и Сев.-Зап. Иране вплоть до бронзового века, ассоциировать Кавказскую Албанию только с предками азербайджанцев и отрицать какое-либо историческое присутствие армянского культурного элемента на территории Азербайджана и т.д.; стремление определенной части армянских историков и археологов обосновать генетическую связь армянской этнокультурной среды не только с Урарту, но и с предшествующими археологическими культурами междуречья Куры и Аракса, Вост. Анатолии и других территорий, ревнивое отстаивание приоритета по сравнению с грузинами в распространении христианства и его ценностей (письменность, архитектура и др.) на Кавказе и т.д.; явная тенденция в грузинской историографии объяснять события древней истории Закавказья с позиции картвелоцентризма, приписывать культуру греческих колонистов местным племенам (колхам), объявлять территорию Грузии исконной землей только грузин-картвелов, а абхазов, юго-осетин и других представителей негрузин (по этносу) – пришлыми “гостями”, коих забросила судьба в разное время в пределы Грузии и т.д. и т.п.

К сожалению, автор уделил мало внимания в этом плане Сев. Кавказу, где “археология ... показывает время от времени те же искажения и политически мотивированные черты, которые характеризуют к югу Азербайджан, Армению и Грузию” (с. 162). Между тем интерес к этногенезу и этнической истории народов Кавказа, “раскрепощенный” в период перестройки и после от идеологических уз, вызвал здесь большую волну псевдонауки. Кол упоминает некоторые “сенсации” этого ряда: открытие т.н. абхазского письма, отождествление шумеров и ранних тюрков в лице карачаевцев, возведение албанов или урартов в прямые предки лезгин, расшифровка албанской письменности с лезгинского языка. Подобные химеры, вскользь замеченные в разделе, посвященном Сев. Кавказу, получили в действительности грандиозные масштабы. Опираясь на любые намеки археологов о связях археологических культур Сев. Кавказа с цивилизациями Передней Азии и Ближнего Востока, предположения лингвистов о генетическом родстве северокавказских и древневосточных мертвых (хаттский, хурритский, урартский, этрусский и т.д.) языков, а чаще полностью полагаясь на собственную “научную” интуицию и вкус, авторы многочисленных книг, брошюр, материалов и заметок в журналах и газетах создали беспредельное поле для любых националистических упражнений. Надо сказать, что среди творцов таких опусов, наряду с простыми дилетантами, есть и серьезные специалисты.

которые создают в массах стереотип научной обоснованности провозглашаемых “теорий”. К чести большинства археологов Сев. Кавказа националистический налет все же не возобладал в их разработках; многие не только не восприняли “новые толкования”, но и активно разоблачали их в печати, других средствах массовой информации, а также на научных конференциях. Особо следует сказать, что в отличие от Закавказья, на Сев. Кавказе обличение национализма происходило не только по линии “свой-чужой”, когда критикуются ученые-националисты исключительно другой республики, другого этноса. Этому способствовало, по-видимому, и то, что известные кавказоведы из Москвы, С.-Петербурга и др. центров России, не были нейтральны к националистическим поветриям на Сев. Кавказе, как это происходило по отношению к Закавказью. В статье Кола и Цецхладзе такой ракурс, на наш взгляд, не нашел должного отражения. Есть в статье и другие упущения. Речь не идет о таких частностях типа того, что почтенный Д. А. Ахундов назван как “молодой азербайджанский археолог” (с. 154), или среди лезгинских националистов названы археологи (с. 162), что также неточно. Мы имеем в виду, главным образом, некоторую упрощенность проблемы национализма в археологии Кавказа, просматривающуюся в статье Кола и Цецхладзе. Это выразилось, во-первых, в преимущественном построении материала по двоичной системе “азербайджанцы – армяне”, “армяне – азербайджанцы”, “грузины – армяне” и т.п. Но картина намного сложнее и неоднозначнее. Например, говоря о национализме в археологии Азербайджана, следовало оценивать его не только относительно армян, но и народностей лезгинской группы, живущих испокон в северо-восточной части Азербайджана. Авторы не обратили внимание также на такие факты, когда одна группа националистов поощряет гнев третьей стороны на своих противников (репринтное издание в Баку книжки Чавчавадзе “Армянские ученые и вопиющие камни” от 1902 г.; переиздание во Владикавказе дореволюционных антиингушских работ русских авторов и т.д.). Далее, создается впечатление, что в статье упущен такой аспект, как прямое воздействие коммунистической тоталитарной машины 20-50-х гг. на закономерности проявления национализма в археологии Кавказа, да и всех стран бывшего СССР (важно не только то, что археологи приспосабливались к “нуждам государства” и были услужливы, но и то, что они зачастую не могли физически поступить иначе, не рискуя попасть в лагерь).

В заключение хочется сказать, что профессорам Колу и Фаусетт удалось собрать и опубликовать чрезвычайно интересный и полезный

труд. Хотя в России и имется большой опыт осмысления национализма, манипулирующего археологическими аргументами (см.: работы В.И. Марковина, И.М. Чеченова, В.А. Шнирельмана и др.), российский читатель хорошо встретил бы перевод анализируемой книги на русский язык. Но это дело будущего. Верится, что проблема этим не исчерпана. Далее должны последовать работы, анализирующие национализм в археологии таких регионов, как Ближний Восток и Передняя Азия, Индия, Южная Америка, Африка и т.д., как это и планировалось авторами первоначально.

Гаджиев М.С. (Махачкала)

Современные тенденции в изучении проблемы этнической дефиниции племен Кавказской Албании

1. Последнее пятнадцатилетие отмечено повышенным интересом исследователей к истории Кавказской Албании - древнейшего государственного образования на Восточном Кавказе, выходом свыше десятка монографий, многочисленных статей, в которых рассматриваются различные аспекты ее истории и культуры, в том числе и вопросы этнической истории, этнической принадлежности собственно албан и других племен Албанской конфедерации.

Традиционная точка зрения на этническое определение кавказских албан, как представителей древнего восточно-кавказского (дагестанского) этнического массива и уже - близкородственного современным народам лезгинской языковой группы (особенно, удидам), специально не обосновывалась, воспринималась как аксиома, опирающаяся на ряд исторических фактов. В настоящее время это мнение со стороны ряда исследователей подвергается необоснованной ревизии, которая в значительной мере вызвана современной этнополитической ситуацией в кавказском регионе, обусловлена общественно-политической конъюнктурой, необъективными, тенденциозными исходными позициями, односторонним, предвзятым подходом авторов к анализу и интерпретациям исторических источников. В определенной степени данная проблема перешла из круга научных исторических исследований в разряд политических спекуляций, имеющих националистическую окраску и призванных обосновать национальную исключительность и территориальные претензии.

2. В исследованиях армянских албанистов (А.А. Акопян, Б.А. Улубабян и др.) обосновывается мнение, что "в собственно Албании (левобережье Куры - М.Г.) не существовало сложившегося этноса, носителя этнонима "албанцы", что "население собственно Албании

называлось "албанцами" только чужими и именно от названия их страны", что термин "албанцы" являлся описательным и собирательным этниконом, а термин "Албания" обозначал "территорию, но не ее население как этнически целое". Ими утверждается положение о р. Кура как границе между албанской и армянской общностями, об этнически армянском (со времен Ервандидов) населении правобережной Албании (Арцах, Утик), для которого в раннем средневековье понятие "Алуанк" (Албания, албаны) в силу ряда социально - идеологических факторов стало "родным", обозначающим "свою" страну и этнотерриториальную общность при сохранении армянского самосознания. А. А. Аюпяном гаргары (язык которых послужил основой при создании албанской письменности) объявляются пейоративным названием населения левобережной Албании и Северо-Восточного Кавказа, а генетическая связь между этнотопонимом Утик (Отена) и удинами отрицается (при допуске, что возможно на территории Утика в "ранней древности" проживало племя "ути", к IV в. до н.э. полностью арменизированное). Эти выводы, основанные на ухищренных, формально кажущихся правильными умозаключениях, представляются ошибочными, искажающими этническую историю Кавказской Албании и Армении.

3. Другая крайность наблюдается в современной азербайджанской историографии. Так, рядом исследователей (Г.А. Гейбуллаев, С.Б. Ашурбейли, К.Г. Алиев, Т.М. Мамедов) предпринимаются грубые попытки доказать исконную тюркскую этноязыковую принадлежность албан, гаргаров, удин. При этом умалчиваются и игнорируются исторические (и иные), факты, противоречащие этим суждениям; для этих построений характерны логические ошибки, софизмы и паралогизмы (напр.: в удинском языке сохранились древнетюркские слова, значит удины - древние тюрки, подвергшиеся ассимиляции, а их язык входит в тюркскую семью; этнонимы албан, гаргар включаются в конструктивный ряд тюркских этнонимов типа казан, куман, дуван, болгар, хазар, сувар, откуда следует, что албаны и гаргары -тюрки; албанские епископы проповедовали среди гуннов и хазар, перевели св.писание на гуннский язык, значит тюркские гуннский и хазарский языки были понятны албанам, следовательно, албаны-тюрки и т.п.).

4. В отличие от ранее существовавших мнений для современной грузинской историографии (Т.Г. Папуашвили, Д.Л. Мухелишвили) характерна тенденция включения в круг картлийских племен ряда восточнокавказских - эров, лпинов, чигбов, соджей, цанаров или доказательства их ранней иберизации. При этом допускаются те же, отмеченные выше методологические ошибки, субъективный подход к

проблеме.

5. Различные взгляды на этническое определение ряда племен кавказской Албании сопровождаются и полярными мнениями о ее границах. Так, южную (албано-армянскую) границу армянские исследователи проводят по Куре (принимая отторжение правобережных областей Арцаха и Утика в марзпанский период), азербайджанские - по Араксу и вплоть до оз. Севан (аз. Гёкча), включая в состав Албании Пайтакаран (Каспиана-Каспк), Сюник (Сисакан), Нахичеван Западную (албано-картлийскую) границу азербайджанские ученые очерчивают примерно по современным административным рубежам и включая междуречье Алазани-Иори, грузинские же историки видят в составе Картли-Иберии древние области Камбисену (Камбичован), Эрети-Шаки, Гардман, Сакасену (Шакашен). Касательно северной границы Албании (с Азиатской Сарматией) исследователями также высказаны различные версии, согласно которым она колеблется от Сумгаита до Терека.

Вышесказанное показывает современное состояние изучения проблем этнической истории и исторической географии Кавказской Албании, подчеркивает их научную важность и актуальность, указывает на необходимость их объективного, непредвзятого исследования, независимого от этнополитических воззрений ученого.

Гасанов М.Р. (Махачкала)

Вопрос о северной границе Кавказской Албании в литературе

Изучение прошлого дагестанских народов, государственных образований - актуальная задача исторической науки. Одним из важных периодов истории Дагестана является этап, связанный с вхождением в состав Кавказской Албании.

Кавказская Албания - страна древнейшей культуры и государственности. Период существования Албании является важным этапом в истории не только народов Дагестана и Северного Азербайджана, но и всего Кавказа.

Всестороннее и глубокое изучение истории Албании важно как в целях выявления специфических особенностей развития этого древнего государства, так и в плане формирования более полного и целостного представления о всемирно-историческом опыте развития человечества.

Одним из сложных и спорных вопросов истории Кавказской Албании является вопрос о северной границе. Для выяснения этого вопроса важное значение имеют письменные источники и исследования историков, археологов, антропологов, этнографов. Ряд исследователей

еще XVIII - XIX вв. (В.Н. Татищев, А.-К.А. Бакиханов, Н.Я. Марр и пр.) считали, что Дагестан - это Кавказская Албания. По мнению других (А. Яновский, В.В. Бартольд и пр.) границы Албании менялись.

Значительный вклад в изучении Албании и ее границ внес профессор С. В. Юшков, который еще в 1937 г. писал: "Изучение имеющихся в нашем распоряжении источников приводит нас к твердому убеждению, что территория современного Дагестана целиком входила в состав Албании". Данное мнение он отстаивал и в другой работе. Так он пишет: "В древности западное побережье Каспийского моря, долина реки Аракс, среднее и нижнее течение Куры, современный Дагестан назывались Албанией, т.е. страной гор". На основе археологических исследований известный ученый Е.И. Крупнов пришел к выводу о том, что границы Албании доходили до Северного Дагестана. Вопрос о границах Кавказской Албании получил освещение и в трудах дагестанских исследований, в первую очередь в "Очерках истории Дагестана", в "Истории Дагестана" Т.1 м.1967 г.

В "Истории Дагестана" проф. Р.М. Магомедов пишет "Албания - древнее название территории современного северного Азербайджана и прилегающего к нему Дагестана". В этом же сочинении он считает, что "граница Албании на юге Закавказья простиралась до нижнего течения Куры и Аракса и на Севере - возможно до Терека". В другой работе проф. Р.М. Магомедов пишет, что "источники позволяют в рамки Кавказской Албании включить Северный Азербайджан, Южный и частично Центральный и Приморский Дагестан". Вопрос о границах Кавказской Албании получил освещение в трудах и многих других дагестанских ученых - историков, археологов и пр.

В докладе "Дагестан и Кавказская Албания" археолог Д.М. Атаев, значительное место уделит северной границе Албании который считает, что "значительная часть Дагестана (горный Дагестан) входила в состав Кавказской Албании".

Из азербайджанских археологов обративших внимание на северную границу особо следует отметить профессора Д.А. Халилова. В своих трудах он подчеркивает, что "Албания, как и другие древние страны и государства не имела неизменных границ во все периоды своего существования" и "в начале н.э. в ее состав вошло население приморского Дагестана и северная граница Албании протянулась почти до реки Сулак".

В последние десятилетия в результате интенсивных археологических исследований в различных частях Дагестана дагестанскими учеными открыты новые памятники материальной культуры.

относящиеся к последним векам до н.э. и первым векам нашей эры, т.е. к эпохе Кавказской Албании - это работы Котович В.Г., Шейхова Н.Б., Пикуль М.И., Гаджиева М.Г., Мамаева М.М., Давудова О.М., Магомедова М.Г., Кудрявцева А.А., Абакарова А.И., Гаджиева М.С., Салихова Б.М. и др. По их мнению значительная территория Дагестана входила в Кавказскую Албанию. Из работ этих авторов особо следует выделить доклад О.М. Давудова "Проблема северной границы кавказской Албании и локализации племен на территории северовосточного Кавказа". "Письменные источники (Плиний, Птолемей) и данные археологии пишет О.М. Давудов,- свидетельствуют о том, что ко II веку до н.э. границы Албании продвинулись до Северного Дагестана, откуда начинается сарматская территория. Однако, около рубежа н.э., Албания под ударами римских легионов с одной стороны и сарматских кочевников с другой стороны значительно ослабевает". Вместе с тем группа исследователей (К.В. Тревер, К. Алиев и др.) считает, что в кавказскую Албанию входила лишь часть территории южного Дагестана.

В последние годы интерес к вопросам исторического прошлого дагестанских народов, возрос. Причем теперь к ним часто обращаются журналисты, архитекторы, врачи и др. весьма далекие от истории, археологии и не обладающие соответствующей подготовкой. Как правило, их построения напоминают скорее мифотворчество и не выдерживают сколько-нибудь серьезной критики. Поэтому до недавнего времени профессионалы считали их не заслуживающими внимания.

По мнению Л. Качалаева-Панича "Кавказская Албания и Хазарский каганат были внешними социальными формами и определяющего влияния на нашу историю (историю Дагестана -М.Г.) не оказали". В оценке роли Кавказской Албании и истории Дагестана не далеко от Л. Качалаева-Панича ушел и А. Гольдштейн писавший." Видимо, суждение о том, что будто бы весь Дагестан когда-то являлся частью Кавказской Албании, основано на желании видеть этот край в составе легендарного древнего государства (которое воевало с самим Римом). Но ничего выдающегося это государство собой не представляло. Кроме того, Гольдштейн пишет будто историки Дагестана желают видеть их край в составе легендарного государства - Албании. Все это опровергается выше изложенным.

В своей книге "Кавказская Албания-Лезгистан" Г. Абдурагимов Кавказскую Албанию отождествляет с Лезгистаном и пишет, что "в состав Албании входили только территории нынешнего Азербайджана и южного Дагестана".

Как вытекает из имеющихся данных Лезгистаном средневековые

авторы называли весь Дагестан. Это собирательное название всех владений Дагестана. Наряду с этим общим для всех народов названием существовали и названия отдельных политических образований. Для подтверждения своих доводов Г. Абдурагимов опирается на ошибочные положения М. Ихилова об Албании. У него отсутствует критический подход к высказываниям М. Ихилова по тому или иному вопросу, лишь бы они подтвердили его мнение.

Г. Абдурагимов в своей работе использовал далеко не все работы по теме, в частности такие важные исследования, как статью проф. С.В. Юшкова, проф. А.Д. Халилова "Кавказская Албания" из книги "Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии" М. 1985 с. 93-105 и многие другие. Ограничение границ Кавказской Албании на севере только лишь территорией южного Дагестана явно не соответствует действительности.

Даже К.В. Тревер, которая в работе "Очерки по истории и культуре Кавказской Албании" считала, что в Албанию входила лишь южная часть Дагестана, при выявлении новых материалов пришла к выводу о том, что в это государство входила значительная территория Дагестана до нынешнего Избербаша.

Подводя итог сказанному следует отметить, что история, исторические темы не должны быть фальсифицированы в угоду целей и задач, которые ставят перед собой отдельные национальные движения.

Биджиев Х.Х., Биджиева М.К.
(Черкесск)

Раннесредневековые тюрки и этногенез карачаевцев и балкарцев

Начиная с рубежа I - Пвв. н. э., многочисленные тюркские племена проникают в различные районы Северного Кавказа и принимают активное участие в политической жизни и в этнических процессах края. По данным письменных источников наиболее активными на Северном Кавказе были гунны, авары, савиры, тюркюты, болгары, хазары, печенеги, китчаки, которые были близки по языку и культуре и составляли отдельные части древнетюркского мира. Видимо, неслучайно так близки между собой современные тюркоязычные народы Евразии, являющиеся прямыми потомками древних тюрков.

Характерной особенностью изучаемого времени, как известно, является массовое переселение народов, войны, завоевания, конфликты. Но нет оснований рассматривать тюрков, как разрушителей культуры и цивилиза-

ции, мнение которое связано с концепцией об отсталости и об изначальной неспособности к культурному развитию этих народов.

Отношения тюрков с соседями были сложными и неоднозначными. Они не только воевали, но имели многосторонние экономические, культурные и брачные связи. Взаимодействие тюркских народов и кавказских аборигенов было двусторонним процессом, в котором были заинтересованы обе стороны, ибо эти процессы являлись характерной и важной особенностью исторического развития Северного Кавказа и других районов Евразии.

Тюркские правители, навязав свою власть местным племенам, занимались не только грабежом и войнами, но и являлись "стимуляторами технического и культурного развития" (Ельницкий Л. А.). В эпоху господства тюрков интенсивно развивается земледелие и скотоводство, активно функционировали внешние и внутренние торговые пути, развивались ремесло и феодальные отношения.

Первые раннефеодальные государства на Центральном и Северо-западном Кавказе были созданы тюрко-язычными народами - гуннами, болгарами и хазарами. В V-XII вв. те или иные народы Северного Кавказа входили в состав или в сферу влияния царства гуннов, великой Болгарии, Тюркского каганата, Хазарского государства, Кипчакского объединения.

Наконец, не потеряла остроты проблема происхождения современных тюркоязычных народов региона, непосредственно связанная с вышеназванными этнокультурными процессами и, являющаяся одним из спорных тем в кавказоведении и тюркологии. Об актуальности его свидетельствуют существующие диаметрально противоположные гипотезы: от попытки объявить многие древние этносы тюрками и до полного отрицания их роли в образовании современных карачаевцев и балкарцев.

Тюркские традиции в культуре названных народов - исторически более ранние, отличаются стабильностью и несут важную этническую нагрузку. Они говорят о решающей роли тюрков в их этногенезе. Поэтому представляется неубедительным мнение о том, что тюркоязычность изучаемых народов - результат "культурного взаимодействия а не генетического родства с тюркскими народами средневековья" (Алексеев В. П.). Малоаргументированы также попытки некоторых авторов связать их этногенез с шумерами, майкопцами, древнеямниками, объявив последних и другие древние народы тюрками.

В настоящее время не вызывает сомнения то, что "большинство этносов сложилось в результате смешения различных этнических групп как пришлых, так и автохтонных" (Бромлей Ю. В.). Если руководствоваться этими соображениями, то карачаевцы и балкарцы, как и все другие народы, имеют сложную этническую историю и содержат в своем составе различные

этнические элементы. Но их этническое ядро состоит, главным образом, из трех компонентов. Первый компонент - тюркский, восходящий к гунно-болгаро-хазаро-кипчакскому миру. Второй компонент аланский, генетически связан со скифо - сарматским миром, сыгравший важную роль в истории народов Евразии.

Третий компонент - кавказский, уходящий своими корнями в седую древность Кавказа. В пользу этих компонентов свидетельствуют данные языка, археологии и других наук. Отличительной особенностью их этнического облика является то, что они сочетают элементы культуры всех компонентов, участвовавших в формировании их этнического ядра - тюрков, алан и кавказоязычного субстрата.

Федоров Г.С. (Махачкала)

Половецко-кыпчакская проблема в этногенезе кумыков

1. За последние годы появились брошюры, солидные книги и множество статей, опубликованные в научных, научно-популярных и художественных изданиях, в которых искажают подлинную историю народов Северного Кавказа, в том числе кумыков. Как правило, авторы подобных работ не имеют никакого отношения к исторической науке и фальсифицируют ее с целью достижения определенных политических целей. Особенно назойливо звучит тезис, возводящий родословную карачаевцев, балкар и кумыков то, к шумерам, то к киммерийцам, то к скифам, то к гуннам. М. Аджиев в своих многочисленных статьях и художественно-публицистических книгах ("Мы из рода половецкого", "Полынь половецкого поля"), например, проповедует идею о том, что кумыки, карачаевцы, балкарцы, гагаузы, крымские татары, казаки, часть украинцев, белорусов и русских, являются потомками половцев - кипчаков. Эти авторы не имеют каких-либо исторических источников, позволяющих обосновать такие выводы и очень часто систему доказательств сводят к случайным созвучиям слов, не разбираясь при этом в законах языкознания и развития лексики.

2. И в более ранних работах кумыков выводили то от половцев, то считали сугубо местным населением. Но наиболее прочное обоснование получила точка зрения о том, что кумыки - это "отюреченные лезгины (дагестанцы)" (В. Бартольд). Процесс тюркизации местного дагестанского населения начался с IV в. н. э., когда в Прикаспийский Дагестан проникли тюркоязычные монголоидные кочевники. Суть этой "тюркизации" сводится к внедрению в местную среду тюркского языка и отдельных элементов культуры степных кочевников. Решающий этап процесса тюркизации

кумыков относится ко времени проникновения кыпчаков на Северный Кавказ и Прикаспийский Дагестан.

3. Кыпчаки по данным письменных источников появились на исторической арене в начале IX в. и занимали территорию к западу от кимаков (родственного им тюркского племени), живших в среднем течении реки Иртыша. Историческое значение кимаков состоит в том, что из их среды вышел народ кыпчаков, который первоначально был одним из племен кимаков. (В.В. Бартольд). С XI в. кимаки не встречаются в исторических источниках, а вместо них появляются у восточных авторов - кыпчаки, русских - половцы, западных - куманы. Все эти названия - суть наименования одного и того же народа.

На основе анализа письменных источников можем заключить, что кыпчаки появились на территории Дагестана в конце XI - начале XII вв. Об этом сообщает анонимный грузинский историк XII в., который писал, что в апреле 1123 г. царь Давид одержал победу над леками и кыпчаками дербентскими. Вторично сведения о кыпчаках в Дагестане мы встречаем у арабского автора XIII в. ал-Асира. Археологические материалы, исследованные нами на территории Северного Дагестана подтверждают сообщения письменных источников. Естественно, кыпчаки, кочуя в междуречье Терека и Сулака, оставили определенный след среди кумыков, как в диалекте, так и в материальной культуре. Из этого следует вывод о том, что кумыки представляют собой местное население, подвергнутое тюркизации в течение IV - XII вв. Окончательно свой этнический облик они обрели к XIII в.

Гмыря Л.Б. (Махачкала)

Проблема гуннов Прикаспия в историографии Северного Кавказа

Достоверная история прикаспийских (кавказских) гуннов начинается с 395 г. Их грандиозный военный поход в страны Закавказья и Передней Азии, отмеченный этой датой, был зафиксирован многими современниками этих событий. С этого времени племена гуннского круга, освоившие равнинные и предгорные районы дагестанского побережья Каспия, становятся значимой политической и военной силой в Восточном Предкавказье. В течение более 300 лет территория, подвластная прикаспийским гуннам, обозначалась в исторических сочинениях как "область гуннов", "страна гуннов", "земля гуннов", "пределы гуннов", а в некоторых источниках как "царство гуннов".

В отечественной и зарубежной историографии проблема гуннов является одной из сложных. Полемичными до сих пор остаются многие

аспекты истории гуннов, особенно европейского периода. Проблема гуннов, в том числе и прикаспийских (кавказских), давно и успешно разрабатывается многими авторитетными специалистами, главным образом на свидетельствах древних авторов. Глубокий, объективный анализ разносторонних аспектов политической истории гуннов Прикаспийского Дагестана, этнической истории региона в эпоху Великого переселения народов, религиозных воззрений в “стране гуннов” отмечают труды Н.В. Пигулевской (1940; 1941), М.И. Артамонова (1936; 1962), А.В. Гадло (1979; 1980), С.Г. Кляшторного (1981; 1983, 1984), Л.Н. Гумилева (1993), А.Р. Шихсаидова (1957; 1969) и др.

Однако в некоторых обобщающих исторических трудах (“Очерки истории Дагестана”, 1957; “История Дагестана”, 1967; “История народов Северного Кавказа”, 1988) отмечаются катастрофические сдвиги в социально-экономической сфере общественного развития, произошедшие в Прикаспийском Дагестане в период Великого переселения народов. Их сопровождали, по мнению авторов, гибель поселений, упадок экономики, разрушение торговых связей с сопредельными территориями, затухание политической активности местных племен.

Несобъективное, уничижительное представление об исторической роли племен гуннского круга сформировалось в историографии средневековой Европы. В основу ее были положены некоторые сочинения античных авторов, изобиловавшие ужасами гуннских погромов, учиненных в Европе и Передней Азии. Приходится признать, что “над сознанием историков еще довлеет представление о них обывателя римской империи” (Гадло А.В. 1979. С.10), в частности, при оценке Гуннского союза Прикаспия.

В “Очерках истории Дагестана” (автор раздела В.Г. Котович) декларируется, что гунны грабили и разрушали в Дагестане города, уничтожали и уводили в плен население; они не имели жилищ, жили вне городов, их материальная культура не прослеживается на археологических материалах (с.31-35). В “Истории Дагестана” (автор раздела Д.М. Атаев) резюмируется - “гунны... не смогли оказать заметного влияния на развитие материальной и тем более духовной культуры народов Дагестана” (с.116). В изданной через 20 лет “Истории народов Северного Кавказа (автор раздела А.А. Кудрявцев) воспроизведена оценка роли гуннских племен в историческом процессе Дагестана, заявленная в “Очерках истории Дагестана” и добавлен новый тезис о том, что “походы и погромы кочевников представляли прямую угрозу для существования самого населения гор и оно упорно отстаивало

свою независимость” (с. 96).

Историческая наука, однако, не располагает свидетельствами древних авторов о событиях, изложенных в вышеназванных трудах. Сохранилось достаточно много достоверных сведений о прикаспийских гуннах и “стране гуннов” у Каспийских ворот в многочисленных сочинениях, написанных на греческом, латинском, сирийском, древнеармянском, персидском, арабском, древнееврейском и древнегрузинском языках. Письменные источники свидетельствуют, что в Прикаспии достаточно полно развились экономика, политика и культура гуннов, впитавшая в себя некоторые черты культуры ираноязычных племен (маскутов) и оседлоземледельческого кавказского населения (идеология, система хозяйствования). На этой территории сформировалось государство - “страна гуннов” с развитым управлением, навыками хозяйствования, религиозными представлениями, градостроительством, искусством, ремеслом и торговлей, налаженными политическими связями с сопредельными государствами.

Археологическое изучение раннесредневековых поселений и укрепленных городищ Прикаспийского Дагестана, предпринятое дагестанскими археологами в 50-80-е гг., не выявило крупных изменений катастрофического характера в экономическом и культурном развитии региона. Более того, как показали раскопки, в V-VI вв. основываются многие поселения по всей равнинной полосе Дагестана и предгорьях. Продолжают развитие крупные городища, возникшие на рубеже нашей эры. Большинство поселений прекратили свое существование в VII-VIII вв. и их гибель можно связать с целенаправленной политикой Арабского халифата по уничтожению политических центров Гуннии, оказавшей вместе с другими народами Дагестана упорное сопротивление продвижению арабов на Северный Кавказ.

Решение проблемы гуннов возможно на основе комплексного использования разнообразных источников: археологических, письменных, этнографических, фольклорных, языковедческих и др. Тщательный и глубокий анализ данных источников, свободный от исторических стереотипов, субъективизма, конъюнктурной оценки и политизированного мышления, на наш взгляд, - залог решения многих сложных проблем исторического развития Дагестана.

М.С.Гаджиев (Махачкала)

Письменность Кавказской Албании: факты и фальсификации

“Никогда ложь не возвысила нацию”.

Э.Золя

1 Косвенные исторические свидетельства - сообщения античных

авторов о переписке албанского царя Орода (Оройса) и Гнея Помпея в 65 г. до н.э. (Тит Ливий, Флор. Евтропий, Оросий), о послании албан римскому сенату в 260 г. н.э. (Юлий Капитолин), факт установления в Албании династии Аршакидов, сведения Корюна (V в.) о том, что Месроп Маштоц "возобновил алфавит" албан и обучил их "новым письменам" - позволяют говорить о существовании в Кавказской Албании античного времени письменности в среде высшей знати и царской администрации. Можно осторожно полагать, что роль таковой выполняли арамейские письмо и язык - лингва франка Передней Азии и Закавказья. Возможно, с установлением в Албании Аршакидской династии употребительными в качестве письма и языка управления (царской канцелярии) становятся соответственно пахлавик и парфянский.

2. Создание Месропом Маштоцем при содействии священника и переводчика, албанина Бениамина в нач. V в. оригинального албанского алфавита открыло новую страницу в истории письменности Кавказской Албании. На албанском языке была создана религиозная, учебная литература, велась официальная переписка, изготовлялись эпитафические памятники. Ряд фактов - политическое и культурное влияние сасанидского Ирана, вхождение Албании в состав Ирана, династические связи албанских царей и Сасанидов, гемма со среднеперсидской надписью "Великий католикос Албании и Баласакана", среднеперсидские надписи Дербента - свидетельствуют, что среднеперсидский и парсик обладали статусом государственных языка и письма в раннесредневековой Албании.

3. Дешифровка подлинных памятников албанской эпиграфики (семь текстов), выявленных в 1947-1952 гг., затруднена рядом объективных причин (ограниченность и неудовлетворительность корпуса надписей, расхождения букв албанского алфавита рукописей XV-XVI вв. и графем надписей VI-VIII вв., неустановленность начертания и фонетических значений серии букв и др.), обусловивших существующие разночтения. Дальнейшие успехи в деле изучения и дешифровки албанской письменности связаны с будущими открытиями, с пополнением корпуса надписей. Вызывает сомнения в своей аутентичности табличка с албанским алфавитом из сел. В.Лабкомахи.

4. В нач. 1991 г. в ж. "Лезгистан" (№ 0) была опубликована копия рукописной страницы загадочного происхождения, но с утверждением, что это "страница из неизвестной албанской книги". В дальнейшем она и остальные "найденные" 49 страниц так наз. "Албанской книги" ("Алпадин улуб", далее: АУ) были дешифрованы д.т.н. Я.А. Яралиевым на основе современного лезгинского языка и переводы опубликованы в газетах "Риклин гаф" (1995, № 1) и "Лезги газет" (14 апреля 1995) с

предисловием, информирующим, что сохранившиеся фотокопии потерянной рукописи были переданы Р.Ризвановым (ныне - пресс-секретарь Госсовета РД) из архива поэта З. Ризванова.

Это "открытие" получило большой резонанс в прессе и было поднесено как "сенсация века", "открытие мирового значения", приравняваемое к открытию Трои, а сама "подлинность документа не вызывает сомнения" и Ученый совет Института "ЮжДаг" (ректор - проф., д.филол. н. Н.О. Османов) "собирается представить на соискание Нобелевской премии автора дешифровки. Следует отметить, что Р. Ризванов в своих публикациях в "ДП" не подчеркивал свою причастность к "обнаружению" рукописи, "чудом сохранившейся до наших дней".

"Открытие" дало повод некоторым деятелям ставить знак равенства между албанами и лезгинами, утверждать, что "в основе албанской письменности и государственного языка лежит лезгинский язык", родственный "хаттскому (протохеттскому), минойскому (микенскому)", что "народы, говорившие на пралезгинском или близком к нему языке, проживали на юге Балканского полуострова, территории Малой и Передней Азии, занимали большую часть Кавказа" (А.А. Мирзэбегов). Этим лжеутверждениям вторят поэт Р. Гаджиев, видящий в лезгинах потомков пелазгов, к пед.наук И.Асланов, считающий мазандеранцев лезгинами.

Суть этих поисков "славного предка", псевдонаучных заключений, рассчитанных на обывателя, ясна: показать исключительность и превосходство народа, древность его цивилизации и государственности, высокой культуры, что в итоге может (и должно) послужить основанием для далеко идущих политических претензий в условиях современного социально-экономического кризиса, процесса "суверенизации" и обострения этнополитической обстановки.

5. Анализ текста новоявленной АУ (написанной якобы - судя по тексту - в сер. VIII в.), сведений по истории, культуре, этнонимике, исторической географии, календарю и пр., содержащихся в ней, сопоставление этих данных с достоверными историческими фактами однозначно показывает, что эта "древняя албанская рукопись" является чистой воды подделкой, созданной в наши дни и грубо фальсифицирующей историю.

Графический стиль, пунктуация (напр., наличие абзацев!), употребление особых знаков (а не графем) для обозначения цифр, несостоятельные языковые заимствования (напр., "килиса" - церковь; "ки.лис" - четверг; но "керки" - воскресенье; параллельно "ути" и "утик").

“имир” - правитель, “гъсбил” - племя, “кӀеле” - крепость) подтверждают, что перед нами фальсификат, созданный человеком, не плохо знакомым с литературой по истории и культуре Кавказской Албании и обладающим определенным воображением, творческой фантазией.

6. Обращает внимание параллелизм неподтверждаемых в других исторических источниках сведений, приводимых в АУ и в ряде работ З. и Р. Ризвановых (“История лезгин” и др.), опубликованных до “открытия” и дешифровки АУ: а) Къвевар, как лезгинское (албанское) название Дербента (специалистами не зафиксировано); б) Къвепеле, как лезгинское (албанское) название Кабалы (специалистами не зафиксировано); в) Филан, как лезгинское (албанское) княжество (специалистами предложена иная локализация); г) шар (шир), кур (кюр), кас, фил - как наименования албанских племен (в исторических хрониках не фигурируют); д) курдское происхождение албанских Михранидов (по Каланкатвази, Михран - перс, родич Хосрова II Парвиза); е) 12-частное деление года и названия ряда месяцев: ибне-ибне, нава-сардум, тлул-туьлен, баскӀум-баскӀум, фундукӀ-фундукӀ, эхен-эснагъ (специалистами отмечено 24-частное деление года у лезгин; названия месяцев в АУ и в книге Ризвановых находят параллели в наименованиях 12 албанских месяцев, зафиксированных средневековыми армянскими авторами: см. работы Э.Агаяна, А. Шанидзе, А. Абрамяна, В. Гукосяна, предложены их удинские этимологии); ж) по АУ, шахиня Ширин (супруга Хосрова II) - удинка (т.е. албанка), по Р. Ризванову - албанская царица (по источникам - Симокатта, Евагрий, Себеос, Аноним.хр. - Ширин была арамеянской, уроженкой Хузистана, соотечественницей Григория Форатского. Приведенные параллели совпадения “творчества” наводят на мысль об авторстве АУ. В контексте этого “творчества” находятся и “разыскания” в области лезгинской ономастики и мифологии (языческий пантеон), фольклора (эпос “Шарвили”).

А.И.Козлов (Ростов на Дону)

Казачество: политиканство и наука

В последнее десятилетие казачество, вырвавшись из небытия, в котором пребывало, в сущности, на протяжении существования советской власти, на просторы всероссийской политической арены, превратилось в объект активных политических игр, развернутых преимущественно тремя силами: президентско-правительственными либеральными структурами, лево-радикальными и атаманствующими элементами.

Главный водораздел борьбы за казачество проходит между двумя первыми силами, каждая из которых, стремясь расширить свою

социальную базу, в том числе за его счет, соревнуются между собой в перетягивании каната на свою сторону. Важнейшим средством рассматривается обещание казакам разных льгот и привилегий. Этим определяется сущность как президентских указов и правительственных постановлений о казаках, так и законопроекта по казачеству, внесенного КПРФ в Государственную думу и уже принятого в первом чтении.

Третья сила - атаманствующая верхушка, - не обладая достаточной самостоятельностью, ориентируется на главные противоборствующие стороны и потому раскалывается на группировки, каждая из которых, ведя собственную игру, стремится извлечь из нее для себя наибольшую выгоду. Политика таких групп носит беспринципный характер, исходит из сиюминутной конъюнктуры. Поэтому каждая из них находится в бесконечном дрейфе, оказывается то на одной, то на другой стороне. Сегодня она - рьяный поборник политики исполнительной власти, завтра - не менее яростный ее противник. Кто больше обещает - тот и становится ее кумиром. Отсутствует устойчивость и внутри самих группировок. Они тоже подвержены частым расколам, сопровождающимся перетасовками руководителей. Что касается рядовых группировок, то они бесконечно блуждают между группами, переходя из одной в другую или создавая новые объединения.

В казачьих верхах наблюдается многоцентрие, раздирающее единое одеяло. Однако среди них есть и осознающие очевидный вред таких последствий. Как правило, это претенденты на роль казачьих идеологов. Они провозглашают необходимость казачьего единства, правда, в тайне нередко усматривая именно себя на вершине будущей пирамиды. При всей разнголосоице, царящей в идеологической сфере, в ней присутствуют, однако, и нечто объединяющее, общее.

Прежде всего оно состоит в обосновании особой роли казачества и областей его традиционного обитания как самостоятельных государственных образований суверенного этноса в истории России. Сущность этой посылки пока не раскрывается, больше того, маскируется, но, при случае, прозрачно намекается и дается понять, что под ней подразумевается вполне возможный вариант казачьего сепаратизма, особенно в случае, если Россию, как в недавнем прошлом СССР, охватит потрясение, способное поставить ее на грань раскола или даже развала.

Этот главный постулат подкрепляется целым рядом версий, возводимых посредством апелляции к историческому арсеналу в разряде аксиом, не требующих доказательств. Среди них, в частности, следующие.

Казачи - народ - этнос

Институт президентства в США - слепок "с казачьей формы самоуправления": функции атамана казачьего круга аналогичны с президентом и парламентом современных цивилизованных государств.

Казачи - четвертый восточнославянский народ.

Казачество - наиболее древняя восточнославянская народность.

Казачество "сыграло для молодого Московского государства и формируемой русской народности роль щита и далее охранительного "рыцарского ордена" миссионеров, которые почти без крови присоединило к Москве Нижнее Поволжье и Приазовье, Сибирь и Украину, вышло на берег Тихого океана и даже в Аляску, обеспечивая спокойствие народов в русской метрополии и становление мощного государства. ... В известном смысле можно считать, что Россия и русский народ сформировались благодаря православию и казачеству".

Согласно идее "святости Руси" как духовного центра человечества. "первым лицом в стране станет патриарх Русской православной церкви", а казачество, как и в 15-16 веках, будет гарантом и охранителем нового всепланетарного духовного центра, ядром "формирования подлинно русского народа и новой Великой России".

Таковы лишь некоторые постулаты, провозглашаемые казачьими идеологами. Главный их смысл состоит в обосновании исключительной, мессианско-гегемонистской роли казачества. Это - чистейший плод фантастического воображения, который если получит развитие, непременно обернется для казачества очередной и последней катастрофой. Россияне, и не только они, не примут национально-шовинистические притязания, что поставит казачество в положение полной изоляции. В природе не существует наций и народов, которые бы только правили, а другие бы только повиновались им. Имевшие попытки, в частности под флагом национал-социалистических химер, всегда заканчивались морем крови.

Естественно, это не имеет ничего общего с научным подходом к изучению казачьей проблематики, в том числе сущности казачества. Пути познания его лежат в области этнологии, естественно - научной дисциплины, изучающей закономерности возникновения, функционирования и взаимодействия этнических систем, фундамент которой заложил Л.Н. Гумилев. Опираясь на системный подход, он усматривал движущую силу этнической истории в природных процессах, а коллективные формы существования людей рассматривал как этносы, которые складываются не по резолюциям, а объективно, в результате естественно-исторического развития. Всеобщий признак всех этносов составляет этнодифференцирующий признак, заключающийся в самопризнании этническим

коллективом своего единства, которое выделяет его из общего ряда других этносов. Каждому этносу присуща общность поведенческих черт, передающихся из поколения в поколение с помощью механизма условно-рефлекторной сигнальной наследственности, которая обеспечивает формирование неповторимых комплексов поведенческих навыков, выливающиеся в своей совокупности в стереотипы поведения этносов. Последние складываются в процессе адаптации этносов к окружающей их ландшафтной и этнической среде, которая и определяет неповторимый облик каждого из этносов. Стереотип поведения обуславливает строгие нормы отношений между коллективом и индивидом, между самими индивидами, между этносом и внутри этническими группами.

Иноземцева Е.И. (Махачкала)

Об истории и источниках формирования русского населения Дагестана в XVI-XVIII вв.:

итоги и перспективы

Истоки экономических и политических связей русских с народами Дагестана, как известно, восходят ко времени образования Древнерусского государства. Купцы русов, по сообщению ибн Хордадбе, "...ходят к морю Джурджана (Каспий) и выходят на любой берег.". Дербент в X в. был славен рынком русского льна. В Семендере существовала весьма многочисленная колония русов. Историческая литература располагает широким кругом сведений о совместных походах русов и горцев Дагестана, о том, что у ряда правителей "Страны гор" русы находились на постоянной службе.

Вопрос о древнейших корнях казачества является наиболее дискуссионным. Существует мнение ученых-историков, что еще к X-XII вв. на бывших землях Хазарского каганата сформировался конгломерат с большей долей русско-славянского населения, имевший вполне реальное содержание, но не имевший политической формы, т.н. "Хазарская Русь" - предтеча русской вольницы - казачества.

В связи с вопросом о первоначальном появлении казаков на Тереке небезынтересна мысль некоторых ученых, считающих бродников, известных ещё в XIII в., предшественниками казачества, которые представляли собой преимущественно славяно-русское население, степное, военно-промысловое, организованное в вольницы.

В плане происхождения и этнической оценки горцев и гребенцов Л.Б. Заседателява стоит на позициях того, что разные группы казачества - суть субэтнические вариации славянского населения Восточной Европы, прежде всего русского и украинского народов. Однако, возросший сегодня инте-

рес к северо-кавказскому региону расселения казачества, а также безудержный всплеск «национальных историй» вынесли на поверхность идеи, отказывающиеся казачеству юга России в прямой исторической связи со славянством.

С другой стороны, ставшие сегодня доступными издания историко-этнографической литературы казачьей диаспоры Европы объединены стремлением доказать, что казаки - отдельный, древний, православный народ с собственной независимой историей и культурой, лишь в позднейшие исторические эпохи включенный в состав России и ассимилированный русскими.

В XVI столетии начинается постоянное поступательное движение русского населения на восток и юг. Объяснение этому нужно искать во внутреннем положении Русского государства. Усиление самодержавно-крепостнического гнета вызывало протест, выражавшийся не только в открытых выступлениях крестьян, но и во все возраставшем бегстве их в поисках лучшей доли. Этих выходцев из Руси называли “гулебщиками”, а также “казаками”.

Процесс активного формирования терско-гребенского казачества прослеживается по письменным источникам со второй половины XVI в. С этого времени начинается непрерывный рост больших общин казаков, пополнение их многочисленными потомками беглых из разных уголков Русского государства.

В исторической литературе существует версия, что первое переселение казаков в низовья Терека связано с рязанскими казаками из “Червленого яра” (отсюда: Кизил-яр, Кизляр). Произошло это между 1480 и 1490 гг. По легенде переселенцы из “Червленого яра” высадились на Учинской косе, где дружелюбно были приняты Агры-ханом, владельцем большого улуса, незадолго перед тем отложившегося от “Золотой орды”. Беря во внимание факт, что недавними археологическими изысканиями дагестанских ученых в междуречье Терека и Сулака было обнаружено несколько золотоордынских поселений, делается предположение об этимологии названия реки, залива и косы от имени Агры-хана (Аграхань).

Первые письменные сведения о месте пребывания вольных поселений казаков в регионе встречаются в царской грамоте 1581 г., где указывается, что “беглые казаки ... живут на Тереке, на море”. Других, более подробных письменных сведений пока не обнаружено. В источниках не прослеживается и деление на терских и гребенских.

Низовые казаки жили юртами в терском приустье, держались сплоченными впагами. Численность их постоянно колебалась, так как в

любое время какая-то часть казаков могла морем уйти на Волгу или Дон.

К этому времени и официальная Россия уверенно утвердившись в устье Волги, стала завязывать отношения с владениями Дагестана, которые складывались не всегда мирно, но развивались по нарастающей. Так, в 1567 г. шамхал отдает "Овечьи воды" (Койсу) под постройку русского укрепления. Что касается Терского городка, основанного русскими в устье Терека, то его по различным причинам политического и естественно-географического порядка несколько раз переносили с места на место. В XVII в. Терки - важный центр политических и экономических связей России с народами Дагестана и всего Северо-Восточного Кавказа, а также Закавказья. Здесь находилось не только русское военно-служилое население, но и купцы, а также работные люди, обслуживавшие рыбные промыслы и морскую пристань.

В конце XVI-нач. XVII в. Русское государство предприняло несколько военных походов против шамхала Тарковского, во время которых были заложены Койсинский острог на Сулаке, крепости на р. Бойнак и на "Тузлуке у Соли" (предположительно в районе Туралинского озера), началось строительство крепости в Тарках. Однако, в 1605 г. русские были разбиты и, сняв гарнизоны новых крепостей, отступили за Терек.

Опричнина. "Великий голод" начала XVII в. и последовавшие вскоре за этим события смутного времени привели к многочисленному оттоку населения из центра страны в казачьи общины на Дону, Яике и Тереке. С Терском связано имя "царевича" Петра, сподвижника Болотникова.

Приток беглых из России и "воровских" казаков усиливается на Тереке в период крестьянской войны под предводительством С.Разина. Опорным пунктом на западном побережье Каспия разинцы выбрали о-в. Чечень. Флотилия Разина к этому времени насчитывала 40 стругов с двумя тысячами казаков. В ходе крестьянской войны отряды С. Разина неоднократно прибывали на Терек, здесь же укрывались и остатки разинцев после их разгрома.

Новый мощный поток русских переселенцев в регион в конце XVII в. составили раскольники, искавшие спасения от царской власти и официальной церкви. Шли они по проторенной разинцами дорожке. Кабардинский князь Мисост объявил казаков-раскольников своими гостями, но шамхал Тарковский переманил их к себе, выделив им "выгодный для мореходства и крепкий для обороны" приморский уголок между Сулаком и Аграханью.

Казаки низовьев Терека отличались от гребенцов большой примесью кавказского этнического элемента за счет притока беглецов - горцев, в силу различных причин покинувших свои общества, а также большой подвижностью

Терское низовое казачество - один из субъектов сложного и

противоречивого процесса складывания северо-кавказской историко-культурной общности - представляет собой редкое социальное явление отечественной истории. Дискуссии о казачестве идут с момента его возникновения. Меняются их уровень и степень остроты. В них звучит откровенный укор отечественным историкам. Нынешнее поколение ученых получило возможность, отбросив тенденциозность и политизированность, творчески осмыслив с правдивых и объективных позиций, ответить на самые сложные вопросы о сущности казачества, каким ему быть завтра, что очень важно сегодня, когда казачья карта вновь разыгрывается всякого рода и ранга политиками.

Мансуров М.Х. (Махачкала)

К освещению в исторической литературе заселения терско-сулакского междуречья в XVI -XVIII вв

В последние годы кавказоведы уделяют значительное внимание на правдивое воссоздание исторического прошлого отдельных этносов, их расселения и взаимоотношения с соседними народами, что имеет важнейшее значение на современном этапе. Однако отдельные исследователи стремятся в целях приобретения политических дивидендов запутать исторические факты, что приводит к обострению и без того сложных межнациональных отношений. В этом плане хотелось бы остановиться на монографии А.А. Адильсултанова "Акки и аккинцы в XVI-XVIII вв.", Грозный, 1992 г¹.

Довольно сомнительными являются источники, которыми пользуется автор. Особенно, так называемые аккинские исторические хроники с условным названием "Рукописи Ибрагимова - Магомедова", ссылаясь на которых автор делает далеко идущие выводы, хотя никаких ссылок даже на эти рукописи, не говоря об источниках и литературе, в работе нет. Совершенно вольно обращаясь с источниками и литературой Адильсултанов А.А., выводит, что, например, "каждая группа аккинцев имела свои так называемые опорные поселения". Как пишет автор: "Из опорных поселений аккинцев ихъарчхоевской группы Шарой в настоящее время известно о трех пунктах. Первое из поселений находилось в районе современного города Кизляра и называлось "Бухне". И тут же, ссылка на П.Г. Буткова, который в 1728 г. писал, что 5 верстах выше по Тереку от того места, где стояли развалины затопленного "бывшего Терского города", русские войска построили фельдшанец, ставший впоследствии основанием г. Кизляра. Вывод автора из этого: "Вполне вероятно, что именно здесь и находилось аккинское поселение Бухне". Заметим, чуть выше Адильсултанов А.А. ничуть не сомневаясь ни в

чем, утверждал об этом без всякой ссылки на источник.

Далее он пишет, что "Второе поселение группы Шатой локализуется в районе современного селения Шава Бабаюртовского района Дагестана; третье - недалеко от современного селения Бабаюрт - оно называлось "Эзраш"².

Не ограничиваясь этим, Адильсултанов А.А. идет дальше вглубь Засулакской Кумыкии и констатирует, не опираясь ни на какие источники, что "главным опорным поселением группы Шебарлой было "Шебарлой-Эвла" или Кунтий-Эвла), располагавшееся на месте современного дагестанского селения Костек. В начале XVIII в. около этого аккинского поселения обосновались русские рыбаки со своим главарем по имени Костя. Вскоре временное поселение русских рыбаков, вошедших, вероятно, в дружеские контакты с аккинцами из Шебарлой-Эвла, получило от последних название Костийн-Отар (Хутор-Кости). Расположенное у самого края сулакской поймы, поселение постоянно пополнялось за счет кумыкского населения, прибывавшего из-за Сулака. Оба поселения (Шебарлой-Эвла и Костийн-Отар) впоследствии слились и в официальных русских документах сохранилось название "Костек". Вплоть до 1944 г. селение Костек, в соответствии с принятой традицией, делилось на два основных квартала: Аьккхий-Эвла (село аккинцев) и Гумкий-Эвла (село кумыков)³.

Абсолютно не утруждая себя изучением имсющихся источников и литературы, Адильсултанов А.А. перечисляет якобы созданные аккинцами в XVI-XVIII вв. в междуречье Аксая и Сулака поселения, как Гандзле в (10-12 км. восточнее современного селения Бабаюрт), Ийианс (совр.сел. Адиль-Отар), Салехь-Эвла (совр.сел. Сивух), Газамне (совр.сел. Казьмаул), Яркхе (совр.сел. Куруш), Йоккха-Бамтюрт (совр.сел. Баматюрт), Вата-Юрт (совр.сел. Батаюрт), Сал-юрт (совр.сел. Кандаураул), Удийн-Хьасбе (совр.сел. Муцалаул), Накхе (совр.сел. Кокрек), Хасий-Эвла (совр.город Хаса-юрт) и др.⁴.

Рассуждая только лишь на основании свидетельств аккинских старожилов, Адильсултанов А.А. заключает, что Терско-Сулакское междуречье "было довольно густо заселено представителями аккинского населения, выдвинувшимися в число передовых северо-кавказских обществ к середине XVI века. Естественно, этого не могло произойти без относительно развитого уровня экономических и социальных отношений внутри в рассматриваемое время, т.е. в XVI-XVII вв."⁵.

После чтения умозаключений Адильсултанова А.А., которые никакими исследованиями не подтверждаются, складывается такое мнение, что в междуречье Сулака и Терека в XVI-XVIII вв. кроме аккинцев не

было ни одного другого народа, в том числе коренных жителей этой территории - кумыков, которых вышеназванный автор считает переселенцами из Дагестана в последующий период.

На самом же деле все обстоит наоборот. Адильсултанов А.А. почему-то решил поставить все с ног на голову.

В научной литературе, где затрагивается история аккинцев или рассматриваются непосредственно проблемы их происхождения, давно установлена совершенно иная точка зрения, которая отражает подлинную картину появления аккинцев (ауховцев) на территории Дагестана. В исторической науке прочно утвердилось мнение, что переселение аккинцев и образование Ауховского общества действительно происходило в конце XVI в.⁶

Первый чеченский историк и этнограф У.Лаудаев писал: "Ауховцы называются аккий, название это они получили от того, что живя прежде в Аргунском округе, составляли членов аккинской фамилии. Скучная почва земли, принадлежавшая этому обществу, заставила половину этой фамилии переселиться в Аух, где кумыками и русскими переселенцы назывались ауховцами, сами же они для себя, как и от чеченцев, удержали название первобытной фамилии аккий, т.е. выходцев из Акки"⁷. Переселение аккинцев в Аух по У.Лаудаеву происходило в начале XVIII в.

Однако в подавляющем большинстве версий это время определяется в 400-500 лет, тому назад, т.е. XV-XVII в. Этот хронологический рубеж близко соответствует имеющимся письменным и археологическим данным⁸

Примерно во второй половине XVI в. часть аккинцев в силу ряда социально-экономических, демографических и других причин вынуждена была покинуть места своего древнего обитания в Лам-Акки и постепенно двигаясь на восток, оказалась в предгорьях междуречья Аксая и Акташа. Здесь, поселившись по долинам среднего течения рек Ямансу, Ярыксу и Акбаш, образовали Ауховское общество. Аккинцы из тайпа Парчхой основали два аула Шир-юрт (Юрт-аух) и Парчхой (Акташ-аух), а выходцы из тайп Беной, Цонгарой, Курчалой и другие основали еще несколько аулов, которые также вошли в состав Ауховского общества⁹.

Другая этническая группа дагестанских чеченцев, известная в исторической науке под названием качкалыки, обосновались в шести аулах, расположенных вдоль долины среднего течения рек Ямансу и Ярыксу по соседству с кумыками примерно в XVII-XVIII в.¹⁰

Известный историк и этнограф XIX в. Шихалиев отмечал, что: "В горах же, смежных с Андреевским округом, на запад от Сулака, были известны три народа". И среди них он, называя ауховцев, пишет:

* Ауховцы заключались в одной деревне Юрт-Аух¹¹.

После образования Ауховского общества, в течение последующих четырех веков, аккинцам пришлось претерпеть несколько переселений. В конце XVI в. часть аккинцев была вынуждена перебраться в Терский городок. Одна из слобод Терского города после поселения в ней ауховцев получила название Окоцкой слободы. В начале XVII в. основное население этой слободы составляли аккинцы-ауховцы. В 1841 г. примерно половина аккинцев была переселена на равнину в основном в с. Эндирей. В 1877 г. произошло новое насильственное переселение аккинцев в аулы Кумыкского округа в связи с поражением восстания горцев 1877 г. С образованием в 1860 г. Дагестанской и Терской областей Ауховское общество вошло в состав Кумыкского округа Терской области¹².

Из-за ограниченности объема тезисов не представляется возможности более подробно остановиться на вопросах основания с. Эндирей, Костек, Аксай и др.

Время образования этих кумыкских сел достаточно полно отражено в исторической литературе, которую Адильсултанову А.А. следовало читать и использовать в своей работе.

1. Адильсултанов А.А. Акки и акинцы в XVI-XVIII веках. Грозный, 1992г.
2. Адильсултанов А.А. Указ. раб., с. 13
3. Там же. с. 13-14.
4. Там же. с. 14.
5. Там же, с. 15.
6. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.. М., 1988. с. 277.
7. Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах Тифлис. 1872. Вып. 6 с. 4
8. Кобычев В.П. Расселение чеченцев и ингушей в свете этногенетических преданий и памятников их материальной культуры // Этническая история фольклор. М. 1977.. с. 167.
9. Алиев К.А., Курбанов М.Р., Юсупова Г.И. Чеченцы-аккинцы Дагестана. Махачкала .1994, с. 4.
10. Волкова М.Т. Топонимы и племенные названия народов Северного Кавказа. М., 1973. с. 150.
11. Шихалиев Д-Д. Рассказ кумыка о кумыках. Махачкала, 1993, с. 24.
12. Алиев К.А., Курбанов М.Р., Юсупова Г.И. Указ. работа, с. 5.

В. В. Трепавлов (Москва)

Предки ногайцев на северном Кавказе (XIV в.)

Большая часть ногайского народа расселяется сейчас на Северном Кавказе. В основном это потомки "Больших" и "Малых" ногаев, которые переселялись в XVI - XVII вв. на западную сторону Волги из Ногайской Орды. Орда занимала территорию к востоку от Волги, и именно там традиционно помещают "прародину" ногайцев. Однако свидетельства

об их ранней истории позволяют утверждать, что заволжские степи были только одним из этапов перемещения предков этого народа на евразийском пространстве.

Сами ногаи сформировались во 2 половине XV в. в междуречье Волги-Дика-Эмбы. Этнополитическим ядром их Орды являлись мангыты. Это название получили восточные кипчаки, которые в составе Улуса Джучи оказались на землях, отданных в юрт (район кочеваний) немногочисленному монгольскому племени мангутов. Юрт находился в Центральном и Юго-Восточном Казахстане; мангуты переселились туда в XIII в., вскоре смешались с кипчаками, переняли их язык и культуру и растворились среди них, оставив им свое этническое имя.

В сер. XIV в., в связи с усилением усобиц среди Джучидов, подавляющая часть мангытов мигрировала из Казахстана в Нижнее Поволжье, а затем в Северное Причерноморье. Ногайские предания называют предводителем этого движения хана Азиз-Джанибека (монеты с его именем чеканились в Новом Сарая в 1365-1366 гг.): туркестанский хронист Утемиш-хаджи (XVI в.) сообщает, что приблизительно в то же время “кыйят Мамай забрал правое крыло и ушел с племенами в Крым”, куда позже стало стекаться кочевое население после убийства хана Хызра и разорения его противниками Сарая в 1360-х гг. Отголоски этих миграций содержатся в фольклоре тюркских народов. Герой казахского эпоса “Эр-Тартыл” - выходец из киргизов, откочевавших к народу “кырк сан Крым”; в одном из башкирских сказаний Крым предстает как древняя родина ногаев; в Крыму действуют многие богатыри-персонажи ногайского эпического цикла.

Разгром Мамай ханом Тохтамышем в 1380 г. привел к распаду его эля. В том числе и мангыты должны были искать убежища в дальних краях. Отголоски этого расселения сохранились в различных регионах Восточной Европы. Очевидно, местом первой и временной остановки стали берега Кубани, откуда часть племени ушла на север. В мордовском фольклоре слово “губан” (кубанец) означает ногайца; башкирские народные генеалогии-шажере рассказывают, что после русского завоевания Казани массы ногаев, правивших тогда Башкирией, откочевали на Кубань - “прежнее место жительства их отцов”. К данным сюжетам примыкает донская казачья легенда о “начальнике Донского войска” Адиге или Атике, который из г. Черкассы некогда “перешел на восточную сторону Азовского моря и между двумя рукавами Кубани построил замок своего имени”. Известно, что район Черкасс (степное нижнее Поднепровье) в нач. XVI в. служил кочевьем мангытов, оставшихся в Большой Орде и позднее закрепившихся в Крымском

ханстве. Адиг сопоставим с родоначальником мангытских биев Эдиге (арабская транслитерация: Адику), хотя тот погиб в 1420 г., а во время предполагаемых событий 1380-ых - 1390-ых гг. находился в Восточном Дешт-и Кипчаке и при дворе Тимура. Тем не менее какие-то отголоски мангытской миграции отразились в приведенных выше сведениях.

Следующий пункт движения мангытов - долина Терска. В марте 1524 г. член русского посольства в Турцию М. Тверитинов доложил царю, что "пошел Мамаи мырза от Асторохани кочевать на старое ногайское кочевье на реку Терк под Тюмень, подалось к Хвалынскому морю". Расселение мангытов там за столетие до того отразилось в ногайском эпосе. - После перемирия золотоордынского хана Кадыр-берди с сыном Эдиге Нур-ад-Дином последний признал в первом "единственного хана Золотой Орды и навсегда отказался от своей независимости". За это хан подарил ему "в полную собственность степь,

орошаемую Тереком и Сулаком..." Указанные события могли происходить до гибели Кадыр-берди 1420 г.

Свидетельством пребывания мангытов на Тереке служит и предание крымских ногайцев, по которому 16 сыновей предка ногайцев Байраса имели общее прозвище "Татар-тоб". Уже в XIX в. историки связали это наименование с Татаргупом на левом берегу реки, с селением, где стоял знаменитый минарет (разрушенный в 1981 г.). Современные авторы относят население той местности XIV в. к золото-ордынцам, перешедшим из Крыма. С ранней историей ногайцев может быть связана и дискуссия об авторстве средневекового мавзолея Берга-Каш в Ингушетии. Ряд исследователей приписывают его возведение народу борган, отождествляемому с ногайцами. Прямых указаний источников в пользу такого отождествления пока нет, но можно отметить, что монгольское племя баргутов некогда проживало в Северной Монголии по соседству с мангутами и осуществляло с ними брачный обмен. Присутствие будущих ногаев в Предкавказье на рубеже XIV- XV вв. подтверждается аналогиями в кочевнических погребальных комплексах этого региона с Приуральем и Заволжьем.

Конец XIV в. в истории Улуса Джучи отмечен нашествием Тимура: в 1391 г. эмир разорил левобережье Волги, в 1395-1396 гг. - Северный Кавказ; на Тереке им был полностью разбит Тохтамыш. Между этими походами соратник Тимура Эдиге тайно призвал племена левого крыла, и прежде всего единоплеменников-мангытов, откочевать за пределы досягаемости армий Тамерлана. После этого источники единогласно фиксируют основной массив мангытов на Яике и за Ликом. Следовательно, им пришлось вторично пересечь Волгу и вернуться в

восточный Дешт. Понятным становится обращение к Тохтамышу Эдигеева отца в татарском дестане "Идегей": "Мой народ убавил ты, дважды переходить Идиль мой народ заставил ты" (Тохтамыш в самом деле был одним из инициаторов смут и ссоры с Тимуром). В иицких степях подданные Эдиге смогли уже прочно обосноваться и образовать Мангытский юрт.

Кидырниязов Д.С. (Махачкала)

Расселение ногайцев Северного Кавказа XV-XVIII вв

Определение границ этнической территории ногайцев, кочевавшего на огромных пространствах, представляет большие трудности. Задачей данного сообщения является выявление района кочевания и оседания лишь северокавказских.

Известные сегодня письменные источники дают возможность нам говорить, что некоторые районы, в частности Бештау (Пятигорье), входили в область кочевания ногайцев уже в XV в.

В "Песне об Элите" говорится о переселении части ногайцев из Прима "...к подошве Кавказских гор" уже в период Мамай. Некоторые исследователи размещают ногайцев в XV в. в районе ад-жар, а к 1490-м годам и в Дагестане.

В русском документе 1492 г. сказано о том, что Орда "покочевала к Пятма горам, под Черкасы".

В другом источнике сказано, что в 1524 г. "пошел Намай - мурза от Астрахани кочевать на старое Ногайское кочевие на Терек под Тюмень... к Хвальнскому (Каспийскому - Д.К.) морю".

В середине ХУІ в. Ногайская Орда, вследствие внутренних и внешних причин разделились на Больших и Малых Ногаев.

Малыс Ногаи кочевали на правом берегу Чубани, на Азовском побережье, в Восточном Причерноморье и на юге Украины, между Днестром и Доном, Тереке.

Со временем в Прикаспийскую низменность откочевали отделившиеся во второй половине ХУІ в. от Большого Ногай часть ногайцев из кубов (подразделений) Кипчак и Найман под предводительством феодальных правителей Урака и Карасая.

Иначе говоря, в ХУ-второй пол.ХУІ вв. ногайцы в Предкавказье кочевали на территории между Доном, Манычем и правобережной нижней и средней Кубани, а отдельные их кочевья доходили до Терека.

В 30-х годах ХУІІ в. число кочевавших ногайцев в Предкавказье пополнилось за счет откочевки значительной части Большого Ногай с

Волги на нижнее течение Дона. в Приазовье

Часть, так называемых, засулакских ногайцев в это время кочевала от южного рукава реки Терек, до западного берега Аграханского залива и по реке Сулак и его притоку - Аксай.

После убийства князя Башик-Бас-Казбулата (конец ХУЛ в.) среди ногайских мурз началась борьба за власть. Четыре ногайских куба: Кипчак, Кайман, Терек и Ас - костамталы, не желая признать единоличную власть ни одного из мурз, откочевали на левый берег Терска, к караногайцам, со своим главным владетелем Еманчиевым, за что их называли "сманчи".

Ногайцы, оставшиеся кочевать на землях эндиреевских и костековских владений получили название "костековские и эндиреевские", а кочсвавшие вдоль реки Аксай назывались "аксаевскими ногайцами". Ногайцы, кочевавшие во владениях Тарковского шамхала, назывались Тарковскими ногайцами.

На Северо-Восточном Кавказе в ХУШ в. как и раньше проживали две группы ногайцев. терская и аксайско-сулакская.

В 70-е годы ХVШ в., по данным Гильденштедта, прикаспийские ногайцы состояли из 44 аулов, из которых 8 находились во владениях аксаевских князей, 12 аулов-во владениях эндиреевских князей и 24 - Тарковского шамхала.

В 1793 г. территория, населенная ногайцами на Северном Кавказе, была разделена на три приставства.

В ХVІ-ХVШ вв. часть равнинных территорий Северного Кавказа, некоторые районы Приазовья, Причерноморья, горные области по Кубани, Зеленчукам, Баксану, Тереку становились местами не только кочевания, но и оседания групп ногайского народа. Вплоть до конца ХVІІ в. письменные источники показывают картину многочисленных передвижений ногайцев, обусловленных не спецификой их кочевого образа жизни, а внешнеполитическими событиями и феодальной борьбой внутри ногайского общества.

Процесс образования этнической территории ногайцев в пределах Северного Кавказа до конца ХVІІІ в., как показывают источники, включает два периода. Первый - примерно с ХV-до 80-х годов ХVІІІ в., когда ногайцы передвигались на больших пространствах Предкавказья, Северного Кавказа, западнее Дона и восточнее Волги. Второй период связывается с возникновением постоянных поселений в Пятигорье, по Куме, Кубани, в низовьях Лабы, по большому и Малому Тегеням, Тереку, Сулаку. Вторым периодом характеризуется также созданием в 1793 г. трех ногайских приставств, имевших определенные территории для кочевания и поселения ногайцев на Северном Кавказе.

Проблема происхождения кубачинцев в историко-этнографической литературе XVIII - XX вв

О происхождении кубачинцев в отечественной и зарубежной историко-этнографической литературе XVIII - XX вв. написано намного больше, чем по другим народам Дагестана вместе взятых. Начиная с XVIII в. кубачинцы стали привлекать к себе особое внимание многих русских и западноевропейских ученых и путешественников, которые высказывали самые различные предположения относительно их происхождения и истоков их художественной культуры. Вплоть до наших дней исследователи продолжают строить всякого рода догадки о происхождении жителей сел. Кубачи и их искусства. Причины столь пристального внимания различных исследователей и путешественников к вопросам происхождения кубачинцев кроются в своеобразии их материальной и духовной культуры, традиционного быта, высоко развитого искусства, в особенностях языка и т.д.

Впервые вопрос о происхождении кубачинцев рассматривался И.Г. Гербером, участником Персидского похода Петра I, с 1722 по 1729 гг. служившим в Прикаспийских областях Кавказа. Он приводит легенду о генуэзском происхождении кубачинцев. Его сослуживец фон Лукей считал, что предки кубачинцев “ в старинные времена выехали из немецких краев”. Я.А. Маркович в кубачинцах видел потомков переселившихся из Европы франкских оружейников. Ф. Д. Штраленберг считал кубачинцев по происхождению евреями. Акад. Г.Ф. Миллер возводил их к древним аланам. Акад. И.А. Гильденштетд подверг сомнению широко бытовавшее в XVIII в. мнение о европейском-генуэзском и венецианском происхождении кубачинцев и нашел в их языке “общность с языками акушинцев и отчасти казикумухцев”. Я. Рейнеггс относил кубачинцев к древнейшим кавказским жителям, но считал, что работа их “подобна карлсбадской или аугсбургской”. Ян Потоцкий по языку кубачинцев считал лезгинами (т.е. дагестанцами), а ремесло их, по его мнению, могло быть занесено пришлыми генуэзцами. А.И. Ахвердов отстаивал европейское происхождение кубачинцев, а в их языке находил сходство с немецким языком. Ю. Клапрот сомневался в верности мнения о европейском происхождении жителей сел. Кубачи, но предполагал, что ремесло их занесено в горы генуэзцами. Европейское происхождение кубачинцев отрицал С.М. Броневский, который отмечал, что разного рода вымыслы и догадки, заимствованные из необоснованных слухов, охотно поддерживаемые и раздуваемые учеными

и путешественниками, рассчитаны на читателей, проявляющих повышенный интерес ко всякого рода странному и чудесному. Проф. Э.И. Эйхвальд был убежден, что кубачинцы происходят от греков. Г. Бракель и В. Швецов допускали возможность их немецкого происхождения. Акад. Х.Д. Френ считал справедливым предположения ученых и путешественников о европейском происхождении предков жителей сел. Кубачи, но отрицал их генуэзское или венецианское происхождение. Мнения греческого или генуэзского происхождения кубачинцев придерживался А.К.Бакиханов. Посетивший в 1861 г. сел. Кубачи акад. Б.А. Дорн в предках кубачинцев видел франкских оружейных мастеров. Такого же мнения придерживались Д.Н. Анучин, А.В. Комаров, А.С. Уваров, П.Ф. Свидерский и др. Версии происхождения кубачинцев от древних кавказских албан выдвигали Р.Ф. Эркерт, И.А.Орбели, К.В. Тревер, Л.И. Жирков.

Акад. В.В. Бартольд предполагал, что "народ зирихгеран может быть иранского происхождения, потомками которого считают кубачинцев". С.М. Долинский утверждал, что - кубачинцы - это остатки франков времен крестоносцев, застрявших в Дагестане. Г.-Э. Алкадари отрицал причастность кубачинцев к французам и считал их "группами неизвестного происхождения" В 1994 году историк И. Семенов реанимировал старую легенду о происхождении кубачинцев, выдвинув версию о принадлежности их предков к гуннам.

В научное решение проблемы происхождения кубачинцев большой вклад внес выдающийся этнограф-кавказовед Е. М. Шиллинг (1892 - 1953). В монографии "Кубачинцы и их культура" (1949) на основе глубокого изучения материальной и духовной культуры, быта и общественного строя он установил, что "кубачинцы представляют собой по существу группу или часть крупного дагестанского народа даргинцев." Весомый вклад в разработку вопроса этногенеза кубачинцев и других народов Дагестана внесли дагестанские ученые- археологи, антропологи, этнографы, историки, лингвисты и фольклористы.

Подлинно научная разработка вопросов происхождения кубачинцев и других народов Дагестана приобретает особую остроту и актуальность в современных условиях, когда имеет место вульгаризация и фальсификация проблем этнической истории северокавказских, в том числе и дагестанских народов, выразившиеся в появлении и широком распространении всякого рода псевдонаучных теорий и "открытий", направленных на чрезмерное приукрашивание и преувеличение исторической роли предков своих народов, их родства с прославленными народами древности (шумеров, египтян, скифов, древних иранцев и т.д.).

на доказательство превосходства своего народа над другими, высокого уровня развития его культуры и цивилизованности.

Негативные процессы в изучении проблем этнической истории наносят большой вред не только исторической науке, призванной правдиво и объективно освещать прошлое того или иного народа, но и межэтническим взаимоотношениям на таком сложном полиэтническом регионе России, как Северный Кавказ и в особенности же Республика Дагестан.

Магомедов Д.М. (Махачкала)

К проблеме происхождения андо-цезов*

(Вопросы историографии)

Каждый этнос имеет природное право (природное) на существование и сохранение своего языка, культуры и быта. В современных условиях многие этносы теряют традиционную культуру и постепенно

Под этой угрозой в настоящее время находятся 14 этносов, проживающих в Западном Дагестане, исторические корни которых идут вглубь веков и локализуются на данной территории с конца I тыс. до н.э.

Об этногенезе народов Дагестана, в том числе андо-цезов, в историко-лингвистической литературе имеются различные мнения.

Несмотря на огромную работу, проделанную различными учеными по изучению древних и современных народов, проблема этногенеза до сих пор не разрешена. Вопросами происхождения наших этносов занимались и в прошлом. Ими интересовались еще в древности (античные, раннесредневековые и другие авторы), не говоря о новом времени (археологи, антропологи, лингвисты, этнографы и т.д.) в результате чего накопилось достаточное количество противоречивого

* Редколлегия решила сохранить авторский текст без изменения.
характера материал.

Наиболее распространенными терминами этногенеза являются автохитонная и миграция. Конечно, эти концепции в совокупности могут решить вопрос о происхождении народов Дагестана в целом. При этом нельзя отрицать роль миграции. Исторически доказано, что были передвижения населения в различные периоды, и они сыграли огромную роль в исторической жизни многих народов (Didini, Andia), известных с древних времен и мигрировавшие с Передней Азии.

Археологические исследования на территории Дагестана устанавливают последовательность смены археологических культур (В. Котович, М. Гаджисв. Х. Амирханов, О. Давудов, Д. Агаев и др.).

* Авторский текст сохранен полностью.

Весьма сложным является определение соотношения этой культуры с конкретными этносами, т.е. ни погребения, ни керамика, ни другие предметы материальной культуры не могут свидетельствовать на каком языке общались их создатели в древний период.

Топонимика свидетельствует о местах проживания или же путях миграции тех племен, к которым эти названия по языку относятся (имеется в виду топонимика Кахетии). Этот материал служит иногда (да и всегда) исключительно ценным источником процесса этногенеза.

Громадное значение для определения происхождения народа имеет сравнительно-историческое изучение и сопоставление данных лексики древних языков, в данном случае андо-цезских диалектов с удинским.

Умаханов М.-С.К., Алиев Б.Г.
(Махачкала)

Дискуссионные проблемы формирования этнического состава населения Терско-Сулакского междуречья (XVII - XIX вв.)

Распад СССР и начавшийся период суверинизации ранее входивших в него республик и народов привели к резкому обострению межэтнических отношений в стране, особенно на Северном Кавказе. Заметно усилившийся в связи с этим процесс роста национального самосознания народов, сопровождающийся ростом сепаратистских тенденций, коснулся и Дагестана. Особенно это стало заметно в последние годы в связи с событиями в Чечне и позорным провалом попыток московских политиков подчинить своей власти чеченцев и родственных им аккинцев, которые стали добиваться воссоздания Ауховского района, выселения лакцев с якобы в прошлом аккинцам принадлежавших земель. Чеченские и аккинские лидеры в своих притязаниях дошли до грубых, никакими достоверными источниками и фактами не подтвержденных заявлений о принадлежности им входящей ныне в состав Республики Дагестан территории Терско-Сулакского междуречья от современных границ Чеченской Республики до самого Каспийского моря и острова Чечень. Эти заявления, притязания и претензии чреватые серьезными последствиями, не способствуют стабилизации политической обстановки на Северо-Восточном Кавказе, а наоборот создают обстановку нервозности, неуверенности в завтрашнем дне. К социальным трудностям нашего времени, которые приходится испытывать чеченцам, аккинцам и дагестанским народам, прибавляется еще эта военно-политическая или, мягче говоря, территориальная

проблема.

В средствах массовой информации, в ряде исторических сочинений, в докладах на различных научных конференциях чеченские, а также аккинские авторы пытаются, так сказать, научно обосновать пребывание вайнахов на всем степном пространстве Северного Кавказа от Крыма, Дона и до Волги и Каспийского моря, объявляя эту территорию зоной жизненных интересов чеченцев. При этом игнорируются достоверные архивные источники, которые были введены в научный оборот еще в советский период и объективно освещали время появления чеченцев и аккинцев на современной территории их обитания. Предаются забвению даже собственно чеченские авторы (примеру У. Лаудаев, писавший еще в 70-х годах XIX в.), если их данные не подтверждают в основном фольклорного порядка тенденциозные сведения нынешних авторов. Имеют место и подгонка сведений источников под идеи нынешних политических деятелей, их не совсем достоверная интерпретация и т.д. Для плохо осведомленной в исторических событиях прошлого части читателей все это может показаться исторической истиной, которая не подлежит сомнению. Особенно, если учесть имевшую место депортацию чеченцев и аккинцев, жертвы понесенные ими (скажем, кстати, не по вине дагестанских народов), репортацию их обратно, обустройство их вновь и другие причины. Понятно и стремление каждого аккинца (или вообще вайнаха) подчеркнуть, показать выпукло историческое прошлое своего народа, важность его роли и места в политических событиях, имевших место в регионе с древнейших времен до настоящих дней.

Непонятно только к чему нужен самообман, ложный патриотизм, основанный в целом на эмоциях, а не на достоверных исторических фактах. Непонятно и стремление обосновать подтасованными, на наш взгляд, фактами (в основном полевыми данными, собранными и в 60-х годах нашего столетия) идею заселенности Терско-Сулакского междуречья до Каспия еще в глубокой древности, не говоря уже о XVI-XVII вв. даже не вообще вайнахами, а собственно аккинцами. И чем ближе к нашим дням затрагивается этот вопрос в литературе, тем шире и глубже размах претензий авторов, исходные позиции которых не всегда сходятся между собой, противоречивы. Наблюдается интересная картина при анализе их мнений: то вайнахи объявляются аборигенами, автохтонами (В.И. Марковин, Х.М. Бакаев, М.Х. Багаев) на современной территории их обитания, то их выводят из Сирии, Малой Азии, доказывая связь или сходство нахского языка с хурритским, то указывают их путь продвижения из Закавказья через Армению (считая название города Нахичевани данью памяти пребывания вайнахов, когда-то в этих краях),

Азербайджан и Грузию (Я.К. Вагапов), откуда они уже в XIV-XV вв стали осваивать северные склоны Главного кавказского хребта, а в XVI-XVII вв. и территорию не только собственно нынешней Чечни, но Терско-Сулакское междуречье.

Эти обстоятельства не могли оставить равнодушными и дагестанцев, проживающих в указанной зоне с глубокой древности до наших дней. Их озабоченность отразилась и в средствах массовой информации, в частности на страницах газет. Мелькнул в них даже упрек дагестанским ученым, которые не дали должного отпора всем этим вымыслам.

В рамках краткого сообщения осветить и опровергнуть все домыслы и кривотолки по затронутой проблеме нет возможности. Это нами делается в специальной работе. Здесь же остановимся на самом кратком показе сути аккинской проблемы на современном этапе, а также укажем наиболее заметные работы для интересующихся этой проблемой.

Интересующимся наиболее древними пластами истории вайнахов необходимо ознакомиться с материалами состоявшейся в 1992 г. в Шатое научной конференции, опубликованными в книге "Проблемы происхождения нахских народов". (Махачкала, 1996). В целом в этих материалах делается попытка обосновать пребывание вайнахов (т.е. чеченцев, аккинцев и ингушей) еще в III-I тысячелетиях до н.э., т.е. в эпоху бронзы (В.И. Маркувин. С. 10) на Северном Кавказе, привязать к нему их аборигенность, исходя из сходства нахского и дагестанских языков. В этом плане интересна статья дагестанских ученых археолога М.Г. Гаджиева и лингвиста А.Г. Магомедова "Об относительной хронологии этноязыковых процессов восточнокавказских народов по данным грамматических классов", основанная на анализе памятников гинчинской (схожие памятники в горной зоне восточной Чечни и Дагестана) и каякентско-хорочоевской культур. Они пришли к выводу, что "выделение Северо-Восточного Кавказа в качестве особого этнокультурного региона поддерживается данными нахско-дагестанских языков, в частности грамматическими классами" (с.45-46).

Х.М. Бакаев заявляет, что "предки вайнахов заселили северокавказские равнины по крайней мере три тысячи лет назад и с тех пор лишь нашествия более многочисленных завоевателей заставляли их временно отступать в горы" (с. 191), а потом возвращаться назад и т.д. Для XVI-XVII вв. интересны работы Я.З. Ахмадова "Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI-XVII вв." (Грозный, 1988) и А.А. Адилсултанова "Акки и аккинцы в XVI-XVIII веках" (Грозный, 1992). Первый из них объявил образовавшееся в конце XVI - начале XVII в. Эндерсейское владение кумыкско-чеченским (с.49,52), хотя еще в 1963 г. Е.Н. Кушева четко определила это владение

как кумыкское (Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI-XVII вв. М., 1963. С. 93), а второй пришел к категоричному выводу о том, что Терско-Сулакское "междуречье было довольно густо заселено представителями аккинского населения в XVI-XVII в" (с.17-18). При этом он даже не упомянул о других народах, живших в этом регионе, в частности о кумыках, составлявших основное население этого региона Дагестана еще в XIV-XV вв. Для подтверждения своей версии А. Адилсултанов привел аккинские названия всех населенных пунктов Терско-Сулакского междуречья. (с. 23-28). Ссылаясь на С.Г. Гмелина, А. Адилсултанов утверждает, что остров Чечень получил свое название от "чеченцев", кои пристают к оному для ловления рыбы". Но он упустил из виду, что С.Г. Гмелин писал о "живущих в горах" чеченцах. В целом же Г.-Р.А.-К. Гусейнов. Тюркизмы в топонимическом ландшафте Ауха./ /Тез. докл. конф. геогрф. исслед. в Дагестане. Махачкала, 1994. Вып. XXII (с. 87-89) доказал тюркскую основу топонимов и ойконимов Терско-Сулакского междуречья.

В 1995 г. в Грозном издана брошюра "Чеченская Республика. (Население, экономика, история)" с подзаголовком "Все о Чечне и ее народе".

В ней в частности утверждается, что "Исторические факты неопровержимо свидетельствуют о том, что в период монгольского нашествия чеченцы, хотя и утратили политическую инициативу и ведущую роль на равнине, тем не менее продолжали жить в обжитых ими местах и поддерживали тесные связи с новыми насельниками края..." (с.16), что "еще в XIV веке чеченцы вновь активно заселяли берега Терека и Сунжи. Одновременно они начали освоение Терско-Сулакского междуречья, где издревле жили их соплеменники-аккинцы" (с.17).

Согласно же имеющимся архивным документам аккинцы (оюки, ауховцы) появляются на территории нынешнего их обитания лишь в 80-х годах XVI в. У. Лаудаев в статье "Чеченское племя" (ССКГ. Тифлис, 1872. Вып. У1) писал, что это "племя" образовалось близ истоков р. Аргуна, откуда уже, нуждаясь в земле, стало расходиться по другим местам, что "чеченцы жили прежде в горах и только в начале прошлого столетия появились на плоскости" (с. 5), что "кумыки называют чеченцев мичикиш, от слов мичи и гиши. Мичик - река в Большой Чечне по соседству с кумыками; река эта некогда составляла границу этих двух народов...", что часть аккинцев вынуждена была "переселиться в Аух, где кумыками и русскими переселенцы назывались ауховцами..." (с.3 - 4), а часть ушла "под покровительство аварского хана в Аух", что они платили подать - ясак аварскому хану от поголовья овец - 3%, от крупного

рогатого скота -1% (с. 12-13), а качкальковцы в конце XVIII в. усилились и перестали платить подать ханам и шамхалам (с.26).

Процесс оседания и расселения ауховцев (аккинцев) нашел отражение во многих архивных источниках, известных исследователям. Огромный вклад в освещение этих и других вопросов истории аккинцев внесла Н.Г.Волкова ("Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII -начале XIX веков". М.:Наука, 1979; "Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа" М. : Наука, 1973). В целом мы считаем, что наиболее обоснованной является мнение авторов "Очерков истории Чечено-Ингушской АССР" (Грозный, 1967.Т.1) о том, что "В XVI-XVII вв. основная территория, занятая поселениями чеченцев и ингушей, находилась, как и ранее, в горах, к востоку от верхнего течения реки Терек" (с.51) что "часть аккинцев в XVI веке уже находилась на большом расстоянии от своей высокогорной родины, так как переселилась на восток, заняв предгорья по реке Яман-су между реками Аксаем и Акташем" (с.53), что в 1588 г. 160 аккинцев ушло в Терский городок из-за притеснений кумыкского феодала Ахмат-хана (с.53). В 1640 г. в Терской слободе или городке насчитывалось 29 дворов окончан или ауховцев, находившихся под властью Муцала Черкасского. ("Кабардино-русские отношения в XVI-XVII вв.М.1957.Т.1.С.194-196).

Других сведений о поселении в Терско-Сулакском междуречье в XVI-XVII вв. ни чеченцев, ни ауховцев или окончан в известных источниках, ни об их населенных пунктах не сохранилось.

В целом версия о сплошном заселении Терско-Сулакского междуречья в XVI-XVII вв. чеченцами или аккинцами (ауховцами) вплоть до Каспийского моря, принадлежности им острова Чечень не находит подтверждения, не аргументируется данными источников. Только их не надо выдумывать, исходя из сложившейся ныне политической обстановки в стране и в регионе в частности.

Ибрагимов М.-Р.А. (Махачкала)

Об изучении этнической истории дагестанских чеченцев-аккинцев

В 1992 г. вышла из печати книга А.А. Адилсултанова "Акки и аккинцы в XVI-XVIII веках", посвященная истории одного из дагестанских народов - аккинцев (ауховцев), несколько обойденных в свое время вниманием исследователей. Отметим прежде всего, что работа А. Адилсултанова является своего рода ответом исследователя на возрастающий интерес чеченцев - аккинцев, как и других народов Дагестана и Кавказа в целом, к истории

и культуре своих предков.

Основной целью исследования является "попытка представления последовательной картины становления аккинского этноса в XVI-XVIII вв., определения уровня развития социально - экономических и политических отношений в Акки" (с.4).

Однако, к сожалению, в работе автор шел не от суммы достоверных исторических фактов, положений, к логически соответствующим им выводам, а наоборот, преследуя вполне определенные цели и отталкиваясь от некой конъюктурной заданности ("аккинцы - древнее коренное население Терско - Сулакского междуречья") подводит заведомо неопробированные, непроверенные "свидетельства" и "факты" (зачастую со ссылкой на сомнительные местные хроники-рукописи) к готовым схемам, выводам.

Путеводной нитью через всю книгу А. Адилсултанова проходит положение, согласно которому "вайнахские племена" с первых веков н.э. начали расселяться в предгорных и равнинных районах Терско-Сулакского междуречья, и что вся эта территория носила название "Акки". Между тем, в исторической науке прочно утвердилось мнение, основанное на достоверных письменных и археологических данных, что переселение части вайнахских тайп из Нашаха и Акки (расположенных в верховьях р. Гехи нынешней Чеченской Республики), в т.ч. и переселение аккинцев и образование Аккинского (Ауховского) общества, произошло не ранее конца XVI в. (см., например, кн. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С.277), если допустить вайнахоязычность традиционно связанных с аккинцами ококов - окочан, ибо в противном случае к числу первых упоминаний этой этнической группы представляется возможным отнести лишь известные сведения А.М. Буцковского от 1812 г. Общепринятая в исторической науке точка зрения "по вопросам процесса так называемого "переселения" аккинцев на плоскость, оформления территориальных границ Акки, места и роли аккинцев в политической и социально - экономической жизни Северо - Восточного Кавказа" (с.4) А. Адилсултанова не устраивает. Обратимся же к "новым данным", которые якобы "позволяют также прибегнуть к новой интерпретации известных документальных материалов и традиционных точек зрения" (там же).

Прежде всего сомнительна достоверность неких "аккинских исторических хроник - рукописей, несколько вариантов которых хранятся у местных жителей": они нуждаются в специальной тщательной экспертизе

"Первые письменные источники свидетельствуют об аккинцах

(ауховцев) - обитателях Терско - Сулакского междуречья - и с начала нашей эры". - пишет А. Адилсултанов со ссылкой на "Историю народов Северного Кавказа". Однако в упомянутой книге сказано "Плиний Старший и Клавдий Птоломей упоминают некоторые из племен кавказского высокогорья, но лишь редкие из них сравнительно твердо локализованы и сопоставлены с конкретными из позднейших этнических групп Осетии и Чечено-Ингушетии ("талы" - двалы, "аккисы" - аккинцы ...)" (подчеркнуто мною - М.-А.И. с.84). Даже если допустить, что под "аккисами" скрываются аккинцы, то ведь речь идет о родине аккинцев в высокогорном Акки, что в верховьях р.Гехи, против чего никто не возражает.

Автор также ссылается на результаты археологических раскопок проведенных проф. А.В. Гадло около сел. Новокули, где было обнаружено многослойное поселение Казар - Кала, которое датируется позднесарматским (I в. до н. э. - III в. н.э.), гуннобулгарским (савирским, IV - VI вв.) и хазарским (VI-IX вв.) периодами (см.кн. "Древности Дагестана. Махачкала, 1974. С. 150 - 153). Ни в статье, ни в устных беседах проф. А.В. Гадлю не утверждал, что это древнее чеченское поселение. И само название этой местности "Гъзар - гъала" заимствовано чеченцами - аккинцами из тюркского "Къзар - къала", т.е. "Хазарская крепость", город (А.В. Гадлю. Указ. работа с. 141). Таким образом, наличие древнего поселения в местах нынешнего расселения аккинцев - ауховцев, никак не может свидетельствовать о проживании их здесь с первых веков н.э.

Следующий довод автора состоит в ссылке на сирийскую хронику Захария Ритора, в которой под именем племени "аугар" (авгар) якобы подразумеваются ауховцы. Однако в упомянутом источнике (VI в.) это название племени не имеет никакого отношения к этнониму "аух".

Еще одно доказательство А. Адилсултанова строится на сообщениях А.-К. Бакиханова и М. Алиханова - Аварского, у которых три названия из арабских источников якобы "твердо локализируются на территории Акки: "Кеше" (или "Кешен"), "Гилян" и "Маскат" (с.10). Это чистой воды вымысел А. Адилсултанова, так как у упомянутых авторов говорится совершенно иное. Так, из контекста работы А.-К. Бакиханова очевидно, что "Гилан" и "Кашан" - это персидские области, из которых Хосров I Ануширван переселял "много жителей в Кайтак" (Бакиханов А.-К. Гюлистан - Ирам. С. 45). У А.-К. Бакиханова упоминается и область "Маскеты", но не населенный пункт, который находился вовсе не в Ножаюртовском районе Чечни, как это комментирует А. Адилсултанов, а в Дагестане - "ниже Табасарана и Нагорного Кумуха" (Бакиханов А.-К. Указ.соч. с. 45). Другой довод этого автора состоит в ссылках на современников Тимура, персидских авторов Шами и Йезди.

упоминающих по мнению А. Адилсултанова. "топоним "Аухар" и этническое название аккинцев - "аухар", которых последний, ничтоже сумняшеся, относит к Акки и аккинцам (с. 10, 11). Однако в упомянутых источниках речь идет о "старшинах и вельможах Аухара", т.е. области Авар, а не об Аухе.

А. Адилсултанов неоднократно утверждает, что аккинцы живут в Аухе с первых веков н. э., а ведь еще в конце XIX в. первый из чеченских историков и этнографов У. Лаудасв писал, что переселение части аккинцев в Аух происходило в начале XVII в. (Лаудасв У. Чеченское племя. С.4). В другом этнографическом предании, записанном еще в конце XIX в., рассказывается, что "Четырнадцать поколений назад часть лам-кристов вышла оттуда (из Акки-Лам) и двинулась на восток, по причине того, что на их родине от многолюдства им стало жить тесно". Этот хронологический рубеж (XVI-XVIII вв.) близко соответствует имеющимся письменным, этногенетическим и археологическим данным (См.: Кобычев В.П. Расселение чеченцев и ингушей в свете этногенетических преданий и памятников их материальной культуры // Этническая история и фольклор. М., 1977. С. 1167).

Таким образом, анализ материалов по этнической истории Северного Кавказа свидетельствуют о необоснованности попыток А. Адилсултанова пересмотреть дату и удревнить хронологию переселения ауховцев. Между тем идеи автора стали восприниматься непосвященными читателями как абсолютные истины и способствовали созданию нездоровых взаимоотношений среди части населения. Более того, ложные постулаты этого автора начали тиражироваться, например, в недавно вышедшей книге "Чеченцы: история и современность" (М., 1996 с. 191 и др.), дезинформируя все более широкие круги читателей. Апогеем же миротворчества Национального Совета чеченцев-аккинцев, несомненно основанного на "трудах" А.А. Адилсултанова, стала преамбула резолюции последнего III съезда чеченцев Дагестана (состоявшегося 14 декабря 1996 г.), авторы которой безуспешно пытаются по меньшей мере на 16 столетий удревнить пребывание своего этноса на землях входящих ныне в состав Республики Дагестан, связать основание Хасавюрта с неким чеченцем "по имени Хасав, умершим в эмиграции в Сирии" и т.д.

Агаширинова С.С. (Махачкала)

Некоторые проблемы этнологической науки в Дагестане

Говоря о некоторых этнологических проблемах в Дагестане, требующих безотлагательного исследования необходимо отметить

следующее. Наряду с огромными достижениями в этнографической науке на сегодня мы наблюдаем большой пробел в постановке и исследовании ряда проблем исторической этнографии Дагестана. Если мы хотя бы сейчас не возьмемся за них мы упустим это время, за которым будет трудно угнаться. Так как одно поколение сменяется другим, ценные этнографические знания в памяти народа постепенно забываются и исчезают, особенно под влиянием современной урбанизированной жизни и научно-технического прогресса.

В условиях тоталитаризма и идеологизированности нашей науки, мы раньше зачастую не могли обращаться к тем проблемам, исследование которых было необходимо. К примеру, об объективном подходе к прошлому, где не так часто можно было цитировать классиков марксизма-ленинизма в угоду моменту, когда происходила всеобщая “марксизация” нашей науки. В то время самые популярные темы, навязывавшиеся нам, были изучение социалистического быта и культуры народов нашей страны, в том числе республик. Мы писали эмпирические труды, в которых искали, выдумывали хвалебные дифирамбы, чтобы создать идеологические основы для оправдания существующего режима. В настоящее время, наконец-то, наша наука идеологизирована, можно смело ставить и исследовать назревшие на данный момент проблемы этнографической науки в нашей республике.

В связи со сложившейся ситуацией на данный момент в изучении некоторых проблем исторической этнографии необходимо прежде всего отметить, что процессы урбанизированной среды непосредственно сказываются на изменении традиционного социального уклада, способствуют трансформации и нивелированию этнических особенностей народов и приводят к утрачиванию этнического сознания и своеобразия национального уклада. В этнографии Дагестана существует немало проблем, которые вообще не исследованы или же изучены недостаточно и являются дискуссионными, особенно в области изучения семейно-общественного быта, этнической истории и духовной культуры народов. Среди множества этих проблем мы остановимся лишь на некоторых из них. Прежде всего проблема изучения большой семьи и патронимии у народов Дагестана частично изучена. Однако по мере углубления исследований социальной структуры народов Кавказа, по мере выяснения природы, характер большой семьи и патронимии и исторического отношения патронимии к роду, военной демократии, соседской общине и т.д., должны подвергаться все более пристальному вниманию этнографов. Появление таких работ даст возможность и реальные перспективы для решения проблемы социальной сущности дагестанского “тулума”, “сихила”, “тлибила”, грузинского “сахли”, абхазской “абапирь”.

чеченского "тайпа" и "гора", адыгского "льбына", осетинского "фыда фырта" и т.д., а также их сравнительного изучения.

Другой, не менее важной актуальной проблемой в этнографии Дагестана является изучение систем родства и свойства нашего многонационального Дагестана. У других народов Кавказа исследование этой проблемы поставлено относительно неплохо, особенно в Грузии и Азербайджане. В Грузии даже сложилась специальная школа по изучению систем родства. В Дагестане наши ученые этих вопросов, к сожалению, не касались, хотя в нашей республике по этим вопросам есть уникальный материал.

Нам, в связи с изучением субстратных терминов родства у народов Южного Дагестана попутно пришлось заняться этим вопросом. И в процессе исследования его я столкнулась с любопытными явлениями в системе их родства. Тогда я специально разработала подробный вопросник и раздала студентам нагорного Дагестана, чтобы собрать конкретный материал на местах. Разумеется они на все поставленные вопросы не могли ответить. Все же обработка этого материала дала мне возможность предположить, что системы родства у народов Дагестана относятся к древним формам Турано-гоновановского типа. Если детально исследовать их, можно найти следы классификационных систем родства, которые считаются весьма редким явлением среди народов мира. Они были обнаружены во второй половине XIX века у ряда народов Австралии и Океании Спенсером, Гиллером и Файсоном. А у нас под рукой такой уникальный материал и мы не изучаем его. Наше будущее поколение нам не простит, если мы без промедления не приступим к их исследованию.

Разумеется, к числу неотложных проблем также относятся и многие другие институты древней общественной структуры, которые недостаточно исследованы у ряда народов Дагестана. Сложность и дискуссионность таких проблем как патронимия, отцовские семьи, следы военной демократии, сорората, левирата, аульных общин и т.д. лишний раз подчеркивает актуальность и важность их изучения.

Мусаев Г.С.-С. (Махачкала)

Российская и зарубежная историография о происхождении народов Дагестана

Этническая история народов Кавказа - одна из наиболее злободневных, запутанных и, пожалуй, малоисследованных проблем исторической науки

Процесс складывания кавказских народов проходил в разное время и в разных исторических и географических условиях, но при этом все же не следует забывать об их палеокавказской и палеодагестанской

общности, признаки которой сохранились до наших дней. Это - лингвистика, доказывающая общность словарного фонда и грамматического строя языков, которые относятся к кавказско-иберийской группе; этнография - общность многих обычаев, обрядов, материальной культуры, форм общественной жизни (тухум, джамаат, адатное право и т.д.); археология - доказавшая непрерывность развития культуры начиная с шельской и ашельской эпохи.

Однако, вопрос о палеодагестанской общности, не говоря о палеокавказской, был запутан в историографии как дореволюционной России, так и зарубежных стран. Многие русские исследователи II половины XIX - начала XX вв. пытались доказать тезис о позднем заселении территории Дагестана, тем самым стремились отрицать автохтонность дагестанских народов.

Так, например, газета "Русский инвалид" от 16 октября 1845 г. № 231 сделала "интересный" вывод, что "лезгинские племена в Дагестане произошли от смешения персов, монголов, финнов и франков"

Подобные "идеи" продолжали подхватывать и развивать даже известные ученые, как барон П.К. Услар, который писал, что население Кавказа умножалось за счет притока "новых этнических стихий". По-видимому барон перефразировал идею ежегодника "Русский вестник" (11 марта 1863 г. №11), где сказано, что на "Кавказе живут следы множеств различных народов". Этот же тезис красной нитью проходит и в книге П. Надеждина "Природа и люди на Кавказе" (1869 СПб), где автор пишет "...племена гор ... остатки скифов, половцев, хазар, болгар, гуннов и монголов".

В газете "Кавказ" (1865 г. № 65) по поводу происхождения аварцев говорится, что "аварцы не коренные жители Дагестана, а кочевые пришельцы, и что только горы сделали их народом оседлым".

Интересное, но не научное предположение выдвинул А. Берже, уготовивший лезгинам индийское происхождение.

Известный историк XIX в. Бартольд в происхождении даргинцев заметил: - у акушинцев - армянское, цудахарцев - грузинское, мекегинцев - еврейское, усишинцев - русское, кубачинцев - французское, кайтагцев - монгольское. Аббас-Кули-Ага Бахиканов в формировании даргинцев допускал связи с персами, арабами, тюрками (Гюлистан и Ирам, С. 14)

Антинаучные идеи позднего заселения Кавказа и Дагестана, в частности, были распространены и среди западно-европейских авторов. Одни из них искали в народах Кавказа первоначальных своих предков (Августафон Гакстагаузен), другие искажали исторические корни дагестанских народов. В частности, М. Клапорот в книге "Историческая, географическая и политическая карта Кавказа и провинций, находящихся

между Россией и Персией". изданная на французском языке в Париже (1826 г.) путает аварцев Дагестана с кочевыми аварцами и отмечает, что "аварцы дагестанские народы, но не кавказского происхождения, произошли от второй ветви кочевых племен гуннов".

Другой автор - Жан -Шарль-де-Бесе в книге "Путешествие по Крыму, Кавказу, Грузии, Армении, Малой Азии и Константинополю в 1829 и 1830 гг." изданной в Париже в 1838 г."доказывает" то, что лезгины и авары происходят от венгров. Автор даже переводит слово лезгин - по-венгерски лездмес, что значит наблюдай за ним.

В Лейпциге в 1887 г. была издана книга Р. Эркерта "Кавказ и его народы" в котором отмечено, что "жители, которые называются лезгины, очень вероятно, в большинстве переселились сюда позднее..." (№ 45).

Естественно, охватить в тезисах всех авторов и народов невозможно, поэтому основной материал и выводы будут изложены в докладе.

Магомедов А.Дж.

(Махачкала)

Традиционное ремесленное производство Дагестана:

состояние изучения и новые подходы

Ремесленное производство населения Дагестана как экономическое и культурное явление в широком контексте истории рассматривалось многими исследователями (Х.О.Хашасв, В.Г.Гаджисв, И.Р. Нахшунов, Х.Х. Рамазанов, Э.В. Кильчевская, Э.Г. Аствацатурян и др.). Вместе с тем надо признать, что "широкий взгляд", значимый на определенном этапе развития исторической науки, сегодня уже недостаточен. Поэтому необходимо углубить научные представления о неоднозначном и сложном пути развития дагестанского народного ремесла, обобщить знания, накопленные в последние десятилетия, в том числе в различных отраслях науки, смежных с Отечественной историей - этнографии, археологии, истории искусств, истории экономики, историческом языкознании и др.

На сегодня надо признать несколько "условными" встречающиеся в литературе утверждения о широком промысловом характере дагестанского народного ремесла в период до начала ХУШ в. Лишь в этом веке хорошо документируется факт интенсивного развития ткацких (шерстяное сукно) и оружейных промыслов дагестанских мастеров. В XIX в. традиционное ремесло получает мощный толчок благодаря включению Дагестана в состав России. Исследователи, отмечают эту черту развития дагестанской экономики, но слабо прослеживают ее особенности. Остаются малоизученными такие вопросы как динамика развития ремесленного

производства Дагестана в первой половине и середине XIX в., формы и особенности ремесленного отхода мастеров в города и села Кавказа во второй половине XIX в., становление новых промыслов в области ремесла, характер влияния российского капитализма на исторические судьбы различных народных ремесел.

Теоретического осмысления не получили многие культурологические аспекты бурного развития художественных традиций ремесла в XIX в.: развитие народных основ художественных ремесел, место этих традиций в обновленческих процессах XIX в., влияние профессиональных, "городских" форм культуры на творчество народных мастеров, взаимовлияние художественных традиций различных ремесел. Не исследованы истоки, археологические параллели художественных форм, декора многих произведений народного ремесла второй половины XIX - нач. XX в. из всего многообразия явлений художественного ремесла XIX в. не вычленены общекавказский, северокавказский и собственно дагестанский пласты культурных традиций, полно не прослежена динамика культурных контактов между народами Кавказа в области художественного ремесла.

В исторической литературе недостаточно оценены заслуги первых исследователей народного ремесла Дагестана О.В. Маргграфа, М.М. Далгата, Е.И. Козубского, А.С. Пиралова, В.К. Згленицкого. Нет специальных исследований, посвященных деятельности Кавказского кустарного комитета, проделавшего значительную работу по оказанию помощи народным мастерам, изучению традиционного ремесла народов Кавказа.

Мало изучено народное ремесло отдельных этносов Дагестана. Накоплены значительные материалы по традиционным ремеслам таких народов Дагестана, как аварцы, даргинцы, кумыки, лакцы, лезгины, табасаранцы, агулы, цахуры, рутульцы, ногайцы, азербайджанцы, русские. В то же время такого характера материалы по чеченцам-аккинцам, татам стали вводиться в научный оборот только в последние годы.

Что касается истории художественного ремесла советского периода то в исследованиях заметно преувеличение роли государственной поддержки народного ремесла, выразившейся в организации кооперативных артелей и госпредприятий и в известных центрах народного искусства. При этом замалчивается отрицательный характер многих правовых ограничений на предпринимательство в сфере ремесла, узость легального рынка сырья и материалов для ремесленной деятельности. Недостаточно глубоко исследованы причины эволюции художественных традиций, характер развития народного искусства в новый период. Не изучено влияние политики коллективизации на разрушение народных основ ремесла.

Возврат Российского общества на рыночные механизмы эконо-

мического развития, демократизация общества позволяют иначе оценить многие вопросы развития ремесла. Мелкая промышленность являлась важной частью дореволюционной экономики России. Глубокое изучение ее места и роли в российском обществе только начинается. Советская власть пыталась реформировать эту экономику с помощью ограничительных мер и создания кооперативов кустарно-промысловой кооперации, полугосударственный характер которых стал очевиден с первых шагов их деятельности. Политика коллективизации деревни подорвала основы народного ремесла, привела к забвению многих редких и уникальных технологий ремесла, способствовала разорению и обнищанию ремесленных слюев. Эти и другие вопросы требуют специального изучения и осмысления.

Перспективными представляются комплексные подходы к изучению проблем народного ремесла с использованием приемов статистической систематизации материалов, сравнительного их анализа, привлечения языковедческого, археологического материалов. Важное значение приобретает использование достижений историко-искусствоведческой науки, объясняющих различия характера народных и профессиональных ("ученых") традиций ремесла, особенности их взаимодействия в те или иные исторические периоды.

Перед наукой о традиционном ремесле Дагестана стоит также важная задача подготовки альбомов художественных форм, орнаментальных композиций изделий различных видов ремесла. Такие своды позволят зримо представить все богатство традиций народного искусства. Необходимо составление полных справочников, указателей имен мастеров, центров традиционного ремесла Дагестана.

Магомедов А.Р. (Махачкала)

Земледелие - основа хозяйства в средневековом Дагестане

1. Исследования археологических памятников Дагестана показали, что материальная культура древности и средневековья имеют хорошо выраженный оседло-земледельческий облик. Причем в экономике местного населения земледелие занимает определяющее положение. Судя по палеоботаническим данным важнейшими злаковыми растениями были пшеница, рожь, овес, просо и ячмень.

2. Техника земледелия развивается медленно. Но прогресс в земледелии связан с орудиями труда, появление которых в горных районах Дагестана документировано разнообразными серпами и их разновидностями. Одним из наиболее ранних орудий является мотыга.

изготовленная из камня, кости или рога, а также серпы. К III тысячелетию до н.э. появляется рало-пахотное орудие.

3. С глубокой древности различается горная и равнинная системы земледелия. Эти различия в средневекские прослеживаются по пахотным орудиям. В горах мало земель, пригодных для обработки под пашни. Здесь рано складывается интенсивный путь развития земледелия, рано возникает система террасирования склонов и создание искусственной почвы. По иному пути развивается равнинно-предгорное хозяйство. Возможности для расширения площади обрабатываемых земель здесь было несравнимо больше, и поэтому труд земледельца был направлен не столько на повышение продуктивности отдачи труда, сколько на вовлечение новых земель в хозяйственный оборот. Истощение земли на равнине ощущается медленнее. Иными словами, различие пригорных ландшафтных условий определяют два различных пути хозяйственного роста - интенсивный (рост производительности) в горах и экстенсивный (увеличение и расширение используемых ресурсов) на равнине.

Атаев Г.Д. (Махачкала)

Об извращениях и фальсификации истории хозяйства горцев Дагестана их взаимоотношений с соседями

Интерес к истории хозяйства горцев Дагестана стал проявляться еще в XVIII и XIX вв. В досоветское время исследователями было сделано немало наблюдений и замечаний, характеризующих различные стороны их хозяйственной деятельности. В то же время, появились оценки, а затем сложились ошибочные мнения и подходы к оценке хозяйства горцев, отражавшие официальную идеологию. Население гор рассматривалось как отсталые барановоды, хозяйство которых не переросло уровень иррационального животноводства. Эти взгляды служили для обоснования тезиса об извечной отсталости горцев, об их "разбойничьем характере и хищнической природе".

Археологические и этнографические исследования горного Дагестана, начиная с 20-х гг. по 70-е гг. нынешнего столетия, позволили по новому рассматривать хозяйство горцев Дагестана, подвергнуть критике и опровергнуть многие ошибочные взгляды авторов XIX в. Большое значение имели исследования академика Н.И.Вавилова в горном Дагестане, который отметил глубокую древность земледелия в регионе. В работах дагестанских историков, археологов и этнографов справедливо отмечается оседло-земледельческий характер хозяйства горцев в прошлом.

Вместе с тем в последующее время снова стали появляться и ранимироваться односторонние и ошибочные взгляды на хозяйство горцев

Дагестана. Так, в популярных работах М. Аджиева, положительной стороной является стремление выявить истоки современной культуры и быта своего народа, настоятельные призывы к изучению исторического прошлого и опасности забвения культуры и обычаев предков. Но с другой стороны проскальзывает несколько своеобразный подход в приукрашивании и романтизации истории своего народа. Это понять можно. Но ошибочными представляются поиски исторических юрней, без оглядки на соседние народы и внимательного изучения их истории и культуры. А отсюда и ошибочные, ничего не имеющие с исторической действительностью положения и легковесные выводы типа “скот пасли горцы-тавлу”, или “горцы были скотоводами”.

Не иначе как дилетантскими такие утверждения назвать нельзя. К сожалению, если бы автор был хорошо знаком с археологическими и этнографическими работами по горному Дагестану, такие неосторожные заключения можно было бы избежать. Такого рода и другие пассажи встречаются и в работах архитектора А. Гольдштейна. Интересное исследование архитектуры и страстные призывы беречь памятники истории и культуры Дагестана достойны всяческой поддержки. Но все впечатление в его работах портится, когда он начинает делать экскурсии в историю и явно предвзято рассуждать об обычаях и традициях горцев.

Если указанные издержки этих авторов можно объяснить еще их непрофессионализмом в истории, то с суждениями и характеристиками профессора историка М. Блиева никак нельзя согласиться, а следует его тенденциозный и предвзятый подход квалифицировать если не как социальный заказ определенных кругов, то уже злономеренной фальсификацией и извращением. Его положение типа “у горцев главное занятие - скотоводство, предполагавшее отсталые формы быта и общественного уклада”. Или представления о горцах как однородной массе с имманентно присущими ей агрессивно-грабительскими стремлениями. Не иначе как односторонними предвзятыми и преднамеренно фальсифицирующими хозяйство, культуру и быт, характер горцев их следует характеризовать. М. Блиеву не мешало бы обратить внимание не то, что именно в горном Дагестане сложился хозяйственно-культурный феномен, своеобразный конвект тремя основными элементами которого является горнопастбищное скотоводство, террасное земледелие и горно-долинное садоводство. Свидетельством глубокой истории аграрной культуры Дагестана является большое разнообразие форм горного земледелия и скотоводства, а также универсальный тип пространственно-временного разделения труда жителей высокогорий и котловин горных рек.

Добрососедские отношения и дружба между народами в

значительной степени зависели и зависят от экономических, полигических и культурных связей между ними.

Изучение археологического, этнографического и исторического материалов показывает, что связи между народами Дагестана и с внешним миром в средневековье, и в новое время носили двусторонний характер, т.е. представляли собой культурообмен, значительно способствовавший развитию экономики и культуры как кавказских народов вообще, и дагестанских в частности, и содействовавший их сближению

Гусейнов Г-Р. А-К.

(Махачкала)

Некоторые языковые и исторические данные о территории первоначального проживания кумыкского этноса

В исследованиях историков последних лет, в частности, Г.С. Федорова-Гусейнова было обосновано положение о том, что регионом первоначального проживания, формирования кумыкского народа являются долины рек, связывающих степи Северо-Восточного Кавказа (Терско-Сулакская) Кумыкская (равнина) с предгорьями собственно Дагестана, где на территории современных Каякентского, Карабудахкентского, Буйнакского, Кумторкалинского районов располагалось политическое образование кумыков - раннефеодальное государство Джидан, в состав которого после разгрома Хазарского каганата арабами (походы Мервана в 40-е гг. VIII в.) "вошли с г. Семсндером также территории междуречья Терека и Сулака". К числу же языковых свидетельств, не только подтверждающих, но и дополняющих последний аспект приведенной выше точки зрения, относится, на наш взгляд, кумыкское обозначение чеченцев, населяющих в настоящее время западную верхнюю часть Терско-Сулакского междуречья, - Мычгыгыш-лы, которое зачастую на сегодняшний день вытесняется в диалектах кумыкского языка, не имеющих непосредственного ареального соприкосновения с чеченским, словом чечен-ли (ср. каб.мышхъыш "ингуш/-ка/", дарг. мичи- хичлан "чечен/-ка/"), что указывает, возможно, на то, что в прошлом этим термином обозначались оба вайнахских народа - чеченцы и ингуши, ибо последние современной кумыкской народной традиции неизвестны).

Первая корневая часть вышеупомянутого слова соотносится с к.-балк. мычы "пила" ← общспратюрк. бич/-пич/- "резать, кроить", известное также кумыкскому, карачаево-балкарскому и диалектам чувашского языкам, что позволяет предполагать аналогичное первичное значение достаточно древнего (булгарского!) характера и для первых двух языков, последнее подтверждается другой также корневой частью

анализируемой лексемы - -иш-/ыш-, отложившейся в кумыкских топонимах Къзан-ыш/Оьтем-иш, где первоначальное общетюрк. ич- "внутренность", представленное и в тюркском (неизвестном нахским языкам) названии нынешней Восточной Чечни. - Ич-керия, вошло в кумыкский язык в чувашской (булгарской!) форме аш "нутро" (при этом комплекс*-ыкъ/ →ыг/ является суффиксом субстантивного имени действия), что указывает на первоначальное значение (без суффикса - лы) - "внутренность расщелины". Следует отметить, что анализируемое слово отложилось в топонимике как западной, так и восточной верхних частей Терско-Суланского междуречья, о чем свидетельствует гидронимы-обозначения: 1) правого притока р. Гумс, впадающей в Сунжу.- Мичик, протекающей в "весьма глубоком ложе с обрывистыми берегами" (А.П. Берже), рядом с которым пролегает единственный путь, позволяющий проникнуть с крайней западной части Кумыкской равнины - Качкалыка - в Ичкерия, или собственно Чечню; 2) урочища Мичик-Кале, откуда при слиянии двух ручьев, "изрождающихся соответственно в горах Ханакуй-Тау и Анчи-меэр, вытекает с хребта Салатау р. Акташ, "которая течет сначала в крутых и большей частью скалистых берегах" (А.П. Берже), а также в Бизингиевской Балкарии, где еще Г.Ю. Клапрот упоминал р. Мишджик (Мишджик) - левый приток р. Черек, впадающей в р. Терек с левой стороны.

О том, что под рассматриваемым термином скрывалась одна из частей кумыкского этноса, свидетельствуют, во-первых, ногайские названия: Мы-шыгъыз "название рода кумыков" в караногайском диалекте, территориально смежном с кумыкским и чеченским языками, и тавлы (досл. "горный") - наименование кумыков, основанное, по всей видимости, на восприятии рельефа преимущественной области местопребывания кумыков в сравнительно давние времена, исключительно равнинными жителями, каковыми являются ногайцы, во-вторых, - их (кумыков) аварское наименование лъарагI, имеющее значение "равнина", которое однако может быть мотивировано авар. лъар "речка, ручей" (при авар. ригларал "прямой, ровный, равнинный"), ибо, на взгляд жителей высокогорья - аварцев, кумыки - это не просто обитатели равнины, но и низкогорья, где в долинах протекают речки и ручьи, следовательно, рассматриваемый термин (*мчыккъышлы) имеет значение "внутри расщелины (где протекают реки и ручьи) живущие", то есть обитатели низкогорья, речных долин. Не случайно, думается, кроме прочего, и то, что, согласно сведениям И.Бларамберга (1834 г.), "большое ответвление кавказских гор, носящее название Гумик-Лама (в переводе с чеч. - "кумыкская гора") простирается вдоль южной части чеченской территории" и отделяет чеченцев от "нескольких племен лезгинских и андийских".

Замечательно и то, что в русских документах XVI-XVIII в. население нынешней Чечни именовалось рассмотренным термином мичкиз (минкиз). первоначальной областью распространения которого считается Ичкерия, именуемая по-чеченски Нохчи-Мохк, то есть “земля нохчи” (чеченцев) и располагающаяся между верховьями притоков Сунжи и Терека реками Аксай и Хул-Хулау. Данный этноним, согласно источнику XV-XVI вв., в старокумыкской (через х ← кь/ передаче его звучания используется в сведениях о том, что “Мичихич... целиком был собственным уделом шамхала” . платившим ему “по 1 барану с семейства”, а в ходе начавшегося в конце XVI в. распада шамхальства известный родоначальник засулакских кумыкских (эндиресвских) князей Султан-Мут получил в свой удел “все земли, лежащие между Сулаком и Тереком с нижней частью Мичикича и Салатавского округа до горы Керхи, что на границе Гумбета”, как на то указывает А. -К. Бакиханов (на выделение Султан-Муту “окраины Чеченского магала” ссылается и Гасан Алкадари). О том же, каковы были хотя бы приблизительные западные границы этого владения, свидетельствует другое сообщение А. -К.Бакиханова, утверждающего, что “эмиры Андреевой убили двух родственников Гумбетовского и Аргунайского эмира, считавшего себя отпрыском хана Аварского. Из этого произошла долговременная вражда, которая кончилась тем, что (в первой половине XVII в.) нижняя часть Мичикича, как то: Чечен-Тала, Герменчук-Шали, Атака и проч. отошли во владения Терлав, родственника убитых” (хотя уже с первой четверти XVIII в. селения Большой Чечен и Большие Атаги вновь оказываются под управлением кумыкского князя Айдемира Бардыханова).

На то, что под названием мичкизы в указанный период могло быть известно, прежде всего, тюрко/кумыкско/язычное население, представленное и в настоящее время ассимилированными тайпами Таркхой “таркинцы”. Пумкхий “кумыки” в пределах нынешней Чечни, указывают, в частности, аналогичные названия (Мычыгыш) кварталов (аулов) следующих кумыкских селений, в которые, по всей видимости, оно в свое время переместилось, как и в некоторые притеречные населенные пункты, включая известное здесь кумыкское селение Баммат-Юрт (а также, возможно, в Брагуны): Костек и Карабудахкент, последнее из которых находится, как известно, за пределами Терско-Сулакского междуречья. Высказанное предположение об одной из областей первоначального расселения кумыкского этноса в рассматриваемое время подтверждается, с ареальной точки зрения, прежде всего, тем, что часть Северо-Восточного Кавказа, точнее, Терско-Сулакское междуречье было дном моря не в столь отдаленную эпоху, по крайней мере, еще около четырех веков тому назад, когда здесь были болота и камыши, по причине

что имело место столь позднее основание здесь не только с.Костек, но и Аксай, которое относится ко второй половине XVII в. (М.-Р. Оразаев). К числу прочих свидетельств следует отнести и иные этноязыковые, топо- и гидронимические, а также исторические данные, включая то немаловажное обстоятельство, что именно в середине XVIII в., когда кумыкская язычная населенность продолжает вновь осваивать равнинную часть Терско-Сулакского междуречья, в его предгорьях сформировались два близкородственных народа - чеченцы и ингуши, хотя первое упоминание слова чеченцы в этнонимическом значении имеет место на карте Северного Кавказа 1719 года и лишь, согласно документу 1766 г., "чеченцы.. имеют смежность и единый разговор" с жителями "селения Киштинского (ингушского)" (по лингвистическим данным, формирование языков этих народов относится примерно к тому же времени - к концу XVII-началу XVIII в.).

Гусейнов Г-Р. А-К., Мугумова А.Л.
(Махачкала)

Тюркские и русский языки-коммуникаты в истории народов Северо-Восточного Кавказа (XVI-XIX вв.)

С началом продвижения в конце XVI века России на Северный Кавказ в роли переводчиков первоначально использовались, как явствует из документа 1589 г., освобожденные из Астрахани русские полоняне, владевшие по всей видимости, местными тюркскими (татарским и ногайским) языками. В дальнейшем вплоть до середины XVII века русские толмачи, переводчики с так называемого "татарского" (тюркского) языка, направлялись в "Шевкалы" (шамхалу Тарковскому), в "Кумыки" (засулакскую Кумыкию), в "Тюмень" (кумыкское владение в устье р. Сулак), в "Черкасы" (Кабарду) и даже в Грузию в то время, как переписка дагестанских владетелей с Москвой и местной русской администрацией также велась в XVII веке на "татарском" языке. В первой четверти XVIII в. в качестве переводчиков были известны и казанские татары, а в одном случае (1722 г.) отмечается участие в беседе между Петром I и кумыкским шамхалом Адиль-Гиреем в роли переводчика известного молдавского господаря Кантемира.

На функционирование в рассматриваемом качестве тюркских языков и в горных районах Северо-Восточного Кавказа указывает то, что, например, две грамоты небезызвестного Ших-Мурзы Окуцкого 1588 г., направленные в Москву, дошли до нас только в русском переводе, ибо не случайно еще в XVII в. населенные слободы оюков и мичкизов в Терках "посылали толмачами

и подлинные вести проводить" в Мирези, Шибуты, Оюхи, Гушеттию, Кумыкию, Дербент. Характерно при этом, что именно из Шибутского джаамата было отправлено в 1657 г. царю Алексею Михайловичу письмо, написанное на "татарском" (тюркском) языке, а обратное же распространение русского языка отмечается в XVII в. Адамом Олеарием и Эвлия Челеби лишь для "кавказских обитателей берегов Терска" и "черкесов" из Терков. И в дальнейшем в русском документе 1722 г. говорится о владении русским языком "черкесскими татарами" из Терков, хотя вместе с тем челобитные XVII в. окончан - жителей одноименной слободы Терского города - писались русскими подьячими.

Как известно, согласно данным И.-Г. Гербера (1728 г.), кроме собственно кумыкских языков и ногайских территорий, так называемые "Хайтаки и Карахайтаки" использовали "турский с татарским помешанный" язык ("тюркю", по данным "Описания Северного Дагестана" (1796 г. Д.И. Тихонова), который вместе с персидским был известен в Дербенте, "городе и уезде", хотя, как сообщал в 1796 г. А.Г. Серебров, здесь "говорят по-кумыкски, то есть испорченным туркестанским языком", как и в соседней Шекинской провинции Азербайджана, точнее, на местном варианте "тюркю" ("тюркю"). Однако вместе с тем документы XVII - первой половины XIX вв., исходящие с нынешней территории Республики Дагестан и направляемые местной русской администрацией и в Россию, пишутся на арабском языке, хотя в одном случае, в 1755 г., косвенным образом упоминается грамота, написанная на "татарском" языке от имени кумыкских князей, в условиях, когда, согласно сведениям Ф.И. Гене о горном Дагестане (1835/1836 гг.), "ни одно из племен, обитающих в Дагестане, не имеют своих письмен, и для письма употребляют татарский или арабский язык". Не случайно, видимо, поэтому и в "Описании Англи-Раглы" И.И. Норденстама (1832 г.) говорится о том, что все жители этого общества "понимают по-татарски", как, впрочем, и вторая любимая жена имама Шамиля моздокская армянка Анна Улуханова (Шуанет), которая говорила не только по-русски и армянски, но также "по-татарски и лезгински".

Подобная, но несколько отличная в указанном смысле языковая ситуация сложилась на Северо-Восточном Кавказе, где, согласно документу 1747 г., в горские села посылались только терские казаки, "понеже у них имеются тамошнего языка знающие", а в документе 1757 г. говорится о "пленном казачьем сыне, который находится в доме чеченца Чабия при жене его и обучается по-татарски грамоте". Кроме того, именно на "татарском диалекте" была оформлена известная присяга о российском подданстве селений Большой Чечен и Аджи-Аул 21 января 1781 г., а также аналогичное прошение другого селения Чах-Кири от 19

апреля 1781 г. в то время, как письмо чеченского владельца Арсланбека Айдемирова (осень 1781 г.) о желании старшин с. Герменчук вступить в российское подданство является переводом непосредственно с кумыкского языка. При этом, согласно сведениям Н.Г. Волковой, в Кизляре, крупнейшем экономическом центре Северо-Восточного Кавказа XVIII - первой половины XIX вв., куда приезжали торговать "осетины, чеченцы, кабардинцы, народы Дагестана, ногайцы, армяне, грузины, терские казаки, наиболее распространенными были ногайский и кумыкский языки", на которых еще в 1834 году общались с местным населением приезжавшие в кумыкское селение Брагуны, один из центров меновой торговли наряду с Новым Аксаем и Эндери, чеченцы, терские казаки, грузины и армяне.

Хотя, начиная с эпохи Кавказской войны, все большее распространение на Северном Кавказе и Дагестане получал русский язык, азербайджанский язык продолжал широко использоваться народами Южного Дагестана, ногайский язык был языком экономических связей для адыгов, моздокских осетин, северокавказских грузин и армян, а кумыкский - для аварцев, андийцев, даргинцев, чеченцев и др. При этом, как отмечал еще в 1848 г. автор первой грамматики кумыкского языка Тимофей Макаров: "Из племен, говорящих на татарском (тюркском языке), мне более всего понравились кумыки, как по определенности и точности языка, так и по близости к европейской цивилизации, но главное я имел в виду то, что они живут на левом фланге кавказской линии, где все племена, кроме своего языка, говорят и по-кумыкски" (ср. в указанном смысле слова Л.Н. Толстого из его заметки к "Словарю горских слов" повести "Хаджи-Мурат", где говорится о том, что для сношений племен Кавказа "между собой существовал татарский язык в двух его разветвлениях: 1) На юго-восточном Кавказе - адирбеджанский, 2) на северо-восточном - кумыкский").

Более интенсивное распространение у народов Северного Кавказа в качестве второго языка русского, начало вытеснения из сферы межнационального общения "татарского" относится ко второй половине XIX в., то есть ко времени после окончания Кавказской войны. При этом кумыкский язык еще "служит языком международных сношений, хотя в последнее время русский язык начинает замещать его в этой роли, проникая все дальше и дальше в горные ущелья Кавказа", - пишет в 1893 г. один из русских исследователей Л.Г. Лопатинский. С особой интенсивностью утрата двуязычия со вторым "татарским" языком происходит в среде терского казначества, а русский язык распространяется с 70-х гг. XIX в., например, преимущественно среди равнинных селений Западной Чечни, тогда как в Восточной продолжал употребляться кумыкский.

О сложности языковой ситуации периода после окончания Кавказской войны свидетельствует тот факт, что чеченское население, соседнее Салатавии и Дагестану, владело аварским и кумыкскими языками, что было необходимо для ведения торговли, происходившей в основном в Эндери, Новом Аксае и Брагунах, тогда как чеберлоевцам, как и ичкеринцам, приходившим на базары в Анди и Ботлих, был известен аварский язык. В то же время азербайджанский язык продолжал функционировать в Южном Дагестане. Тюрко-язычная традиция не прерывается при этом и в западной части Чечено-Ингушетии: известно, что жители соседних ингушских селений приезжали в основанное в 30-х гг. XIX в. кумыкское селение Кизляр (Гушкиюрт), чтобы выучить кумыкский язык.

В Дагестане, несмотря на все более усиливавшееся распространение, как и в других регионах СССР в советское время, русского языка еще в 20-е-30-е гг. XX в. имело место использование в качестве официального "тюркского" языка, что было продолжением сложившейся к этому времени традиции. В Чечено-Ингушетии, где тюрко-язычная традиция уже утрачена, среди некоторой части верующих до сих пор бытует представление о необходимости знания кумыкского языка для потустороннего общения с Всевышним.

Сотавов Н.А. (Махачкала)

К вопросу об освещении политики России на Северном Кавказе в XVIII в. в зарубежной историографии

Политика России на Северном Кавказе в XVIII в. нашла отражение как в отечественной, так и зарубежной историографии. Работы зарубежных авторов такого характера использовали преимущественно А.И. Тамай, В.Г. Гаджиев, Х-М. Ибрагимбеили, А.Н. Козлова, Н.А. Сотавов. Однако содержащийся в них значительный фактический материал не востребован в полном объеме. Задача представленных тезисов - обратить внимание на неиспользованные резервы.

По сути заявленной темы представляют интерес сочинения восточных и европейских авторов - непосредственных участников и современников событий: А.М. Астрабади, М. Казима, Ф. Базена, Дж. Ханвея, летописцев Шами, Шакира, Субхи и Иззи. Помимо описания военно-политических событий, они затронули широкий круг взаимосвязанных вопросов (экономических, социальных, религиозных, этнических и др.), оказавших существенное влияние на противоборство соперничавших держав (Россия, Иран, Турция), освободительную борьбу и внешнеполитическую ориентацию местного населения. Наличие

перечисленных факторов даст основание рассматривать труды названных авторов в качестве важных первоисточников.

Из сочинений османских и западноевропейских авторов XIX-начала XX вв. наличием фактического материала выделяются труды А. Джебдет-паши, А. Расима, И. Хаммера, Н. Йорги и др., охватившие период от Каспийского похода Петра I (1722 г.) до Кючук-Кайнарджийского договора (1774 г.), создавшего условия для присоединения к России Северного Кавказа и Крыма. С учетом того, что А. Джебдет и А. Расим, выражавшие официальную позицию Порты, обратили преимущественное внимание суждениям концептуального характера, а Й. Хаммер и Н. Йорга выдвинули в центр научных изысканий стратегические и международные аспекты кавказской проблемы, представляется целесообразным изучение их наследия для более полного освещения политики России на Северном Кавказе.

Заметное место политика России на Северном Кавказе в эпоху Петра и Екатерины II нашла отражение в работах зарубежных исследователей послеоктябрьского периода. Среди них фактологической и смысловой нагрузкой отличаются труды иранских и турецких авторов, изданные в 30-х - 80-х гг., когда во внешней политике Ирана и Турции наметился крен в сторону отхода от СССР и на сближение с Западом. Влияние этого фактора четко прослеживается в работах турецких историков - выходцев из кавказской белоэмигрантской среды, перенесших антисоветские чувства в антироссийский настрой: К. Кафлы, И. Беркока, П. Коцева, Ш. Эрела, В-Г. Джабагисва и др. Канва концептуальных посылок этих авторов - использование пущенных в оборот Н. Бонапартом и А. Гитлером мнимого "Завещания" Петра I о захвате территорий от Черного моря до Индийского океана и "греческого проекта" Екатерины II с намерением возвести своего внука на константинопольский престол.

Подобные сюжеты на фоне кавказской политики соперничавших держав освещены в работах иранских историков: Х.Навая, М.Хекмата, Р.Пазуки, Р. Сардари и др. Не избежали аналогичных пассажей и современные иранские историки: И. Долуатшахи, М.Г. Хосейн, Х. Фаиз, Т. Раджаби, М.Х. Годдуси, Э. Ханак, А. Сардадвар и др., более убедительно обосновавшие причины и характер столкновений интересов России, Ирана и Турции на Северном Кавказе. Сказанное в равной мере относится к новейшим исследованиям английских, американских, иранских и турецких историков: С. Шоу и Е. Шоу, М. Андерсона, Р. Олсона, Р. Фрая, М. Раева, Ф. Капсем-ваде, Л. Касселс, Р. Рамазани, Р. Мартрана, Х. Гюрсея, М. Аткина, Р. Савори, Дж. Бромлея, Н. Изтковица, Дж. Хурвитича, Дж. Гекдже и др., оказавшихся под влиянием

своих предшественников. Здесь же отметим, что в зарубежной иранистике и османистике выделяются труды Л. Локкарда, Ф.Р. Уната и И.Х. Узунчаршылы, написанные на солидной источниковой и историографической основе.

И, наконец, завершая обзор зарубежной историографии проблемы, нельзя забывать имена К.Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина, подвергающиеся ныне активным нападкам, хотя в их трудах содержатся самые принципиальные оценки политики России на Северном Кавказе и Кавказской войны в целом. Так, касаясь временного присоединения Прикаспия к России после похода Петра I, Ленин однозначно подчеркнул” 1722-23: Петр Великий завоевал Дербент, Баку, Решт и большую часть Гиляна (провинции Персии на северо-западе, около Каспийского моря). 1735: Гилян, Дербент, Баку снова возвращаются Персии”.

Ф. Энгельс, характеризуя освободительную войну народов Кавказа против царских колонизаторов, пришел к выводу, что она “из всех войн этого типа принесла жителям гор наибольшую славу”. Марксу принадлежит крылатая фраза: “Народы, учитесь у них, на что способны люди, желающие оставаться свободными”. Иначе можно уподобиться не свеждам в науке, о которых в стихах из Корана сказано:” Самый худший из людей тот ученый, который не приносит никакой пользы своей ученостью”.

Приведенный обзор зарубежной историографии позволяет заключить, что труды зарубежных авторов (преимущественно иранских и турецких, в меньшей мере - западных) имеют немаловажное значение для изучения истории народов Северного Кавказа и кавказской политики сопредельных стран - России, Ирана и Турции в XVIII в. Содержащийся в них фактический материал дает возможность судить о политике противоборствовавших сторон на Северном Кавказе, характере сложившихся там русско-иранских и русско-турецких отношений. Однако разделение большинством этих авторов господствовавших в своих странах внешнеполитических доктрин, оказавших влияние на их концептуальные суждения, обуславливает необходимость критического подхода к их оценкам как для правильного освещения кавказской проблемы в целом, так и выявления места и роли Северного Кавказа во внешнеполитических планах России в XVIII в.

К вопросу об изучении истории сельского управления в Дагестане 2-й пол. XIX в

Сельское управление Дагестана 2-й пол. XIX века, в той или иной степени являлось предметом исследования многих ученых. Из дореволюционных исследователей особо выделяется М. Ковалевский, А. Комаров и Н. Рейнке.

Центральной проблемой, рассматриваемой М. Ковалевским, является соотношение тухумного управления с сельским. Исследователь, понимая под тухумом родовую общину, выводит сельское управление из тухумной организации. Хотя автор в целом и отрицает существование родовой общины в этот период, но организацию управления ее считает сходной с сельским. (Ковалевский М. Закон и обычаи на Кавказе. Т. 2, М. 1890). Автор аргументирует данное положение назначением на должности сельского управления представителей наиболее влиятельных тухумов.

А. Комаров и Н. Рейнке рассматривали сельское управление только через его судебную деятельность. В частности, А. Комаров исследует становление адата как источника права. Соглашаясь с М. Ковалевским, он рассматривает должностных лиц сельского управления как представителей тухумов (Комаров А. Адаты и судопроизводство по ним - ССКГ. Тифлис, 1868, т. 1, с. 7, 8). Более детально, в отличие от других, автор анализирует процессуальные моменты судебной деятельности сельского управления.

В отличие от него, Н. Рейнке анализирует только практическую деятельность сельского управления. Он критиковал сельский суд за произвол, судебную анархию и отсутствие четкой подсудности. (Н. Рейнке. Городские народные суды Кавказского края. СПб., 1912, с. 38, 39). По его мнению, это не способствует развитию гражданственности у этих народов.

В послесоветский период вопрос сельского управления изучался многими дагестанскими историками. Отличительной чертой этих исследований является методологическая однообразность. Одни авторы рассматривали эти вопросы ретроспективно, а другие - более подробно. Так, Рамазанов Х.Х., исследуя крестьянскую реформу, рассматривает и вопросы сельского управления. По его мнению, сельское управление было всецело подчинено правительственной власти и являлось ее низовым звеном. (Рамазанов Х.Х. Крестьянская реформа в Дагестане. УЗ ИИЯЛ, т. II, Махачкала, 1957, с. 106).

Хашаев Х.-М., полемизируя с М.М. Ковалевским, показывает, что в Дагестане родовая организация в исследуемый период полностью отсутствовала. Он пишет, что после реформы роль сельского управления в Дагестане изменилась, а значение сельского схода значительно ослабло. (Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX в. М. 1961, с. 225-237).

В последнее время вышли в свет несколько работ, в которых значительное внимание уделяется сельскому управлению. Среди них выделяются статьи Егоровой В.П. и Далгат Э.М. Егорова В.П. более подробно раскрывает роль и место старшины в сельском управлении. (Егорова В.П. К вопросу о сельском управлении в Дагестане после присоединения к России. // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала, 1976. вып. I). По ее мнению, сельский старшина по существу был посредником между народом и царскими властями, требования которых он должен был беспрекословно выполнять. (Егорова В.П. Указ. раб. С. 109). Старшины, в исследуемый период не являлись выразителями интересов всего джамаата. (Егорова В.П. Указ. соч. С. 107).

В отличие от нее, Далгат Э.М. не углубляется в полномочия должностных лиц, а анализирует характер и эффективность сельского управления. По ее мнению, должностные лица местного самоуправления характеризовались взяточничеством, моральным разложением, произволом и беззаконием. (Далгат Э.М. Учреждение местного самоуправления в конце XIX - нач. XX в.в.: Государства и государственные учреждения в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1989. с. 161).

Данная проблема освещается и в диссертационных работах ряда авторов (Губахановой Р.А., Омарова А.И, Гамзаевой Г.Ш. и др.). Между тем, отсутствуют отдельные монографические исследования по сельскому управлению. Поэтому необходимы дальнейшие исследования.

По нашему мнению, наиболее вероятными направлениями исследования интересующего нас вопроса могут стать:

1. Сравнение сельского управления Дагестана с аналогичными управлениями различных регионов Российской империи.
2. Анализ преемственности и динамика изменения сельского управления по сравнению с предыдущими периодами
3. Сопоставление деятельности сельского управления с другими структурами местного самоуправления (с городскими и др.).

Учитывая специфику предмета изучения, необходимо учесть и методы правового исследования, особенно административного и муниципального отраслей права.

О некоторых аспектах исследования политических взаимоотношений феодальных владений Дагестана и России в начале XIX в

Русско-дагестанские отношения являются одной из важнейших проблем в отечественной истории. Именно этим объясняется тот факт, что многие исследователи прошлого и современности не раз обращались к изучению различных сторон этого обширного научного пласта дореволюционной истории Дагестана. Но тема эта настолько многогранна, что некоторые аспекты ее не получили должного освещения в исторической литературе. К числу таковых можно отнести и проблему политических взаимоотношений России и феодальных владений Дагестана в начале XIX в.

Несмотря на то, что специальных трудов по данной проблеме нет, отдельные стороны ее нашли отражение в исследованиях отечественных историков дореволюционного и современного периодов. Но надо отметить, что в ряде работ допускались ошибочные утверждения и безапелляционные суждения. Это наиболее ярко проявилось в исследованиях дореволюционных историков. Большая часть трудов этого периода носит тенденциозный характер, что, возможно, объясняется сословной принадлежностью, характером профессиональной деятельности их авторов, многие из которых были бывшими военными. Некоторые работы проникнуты духом откровенного великодержавного шовинизма, монархической идеологией.

Исследователи военной истории в угоду царизму прославляли любое мероприятие по покорению Кавказа. Так, жесткая завоевательная политика А.П. Ермолова получила самую лестную оценку в известном труде В.А. Потто¹. В некоторых работах унижалось и национальное достоинство местных народов, из чего делался вывод о том, что они не заслуживают ничего другого, кроме жесткого отношения к себе. Военный историк Р.А. Фадеев в своей книге "Шестьдесят лет Кавказской войны" характеризует горцев, как людей, которым "чужды понятия об отечестве, всяком общественном интересе, первых обязанностях граждан", - после чего он утверждает, что, "... последний час пробил для этих человеческих скопищ, лишенных всякой внутренней связи"². На самом же деле, горцам Дагестана, как никакому другому народу были присущи и патриотизм и понятие отечества, независимость которого они так часто и самоотверженно отстаивали.

Современная историография включает в себя работы историков

советского периода, а также труды последних лет. Отечественными историками проделана большая работа по изучению русско-дагестанских отношений. Огромный вклад в разработку различных аспектов этой проблемы внесен известными авторами Р.М. Магомедовым, Х.Х. Рамазановым, В.Г. Гаджиевым, а также многими другими. Однако работы современных исследователей тоже несвободны от определенных идеологических установок, вызванных, возможно, исключительно классовым подходом к изучению истории.

В этом отношении хотелось бы коснуться такого аспекта, как неверное определение в исторической литературе участия феодальных правителей Дагестана в освободительной борьбе народов Кавказа в начале XIX в. В работе Фадеева А.В. те местные владетели, которые не придерживались царской ориентации, расцениваются как иранские и турецкие агенты, а их выступления как инспирированные извне³. Подобная точка зрения перекочевала из трудов дореволюционной историографии в исследования некоторых современных кавказоведов.

На самом же деле, выступления таких правителей, как Сурхай-хан Казикумухский, Гасан-хан Мехтулинский, Султан-Ахмет-хан Аварский в первые два десятилетия XIX в. носили антиколониальный характер и были ответом на действия военной администрации по покорению их земель. Уже с 1813 г. Россия проводила в Дагестане курс, направленный на ограничение самостоятельности владений, что получило дальнейшее развитие после назначения на Кавказ в 1816 г. А.П. Ермолова. Ранее правившие самостоятельно ханы, теперь были поставлены под полный контроль царских военных чиновников. Это, а также размещение русских войск на подвластных территориях, строительство укреплений, жестокое обращение с местным населением способствовало объединению части местных владетелей, которые при поддержке подвластного населения повели борьбу с царскими войсками.

Восстания 1818-1820 гг., происходившие в Дагестане, имели освободительный характер и отнюдь не диктовались желанием правителей присоединиться к Ирану или Турции. Даже такой известный исследователь, как С.Бушуев в своей книге "Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля" при описании событий 1818-1820 гг. умалчивает роль дагестанских владетелей в них⁴ хотя именно они и являлись руководителями выступлений. Признание освободительного характера восстаний (1818-1820) гг. ни в коей мере не оправдывает того отрицательного, что носили царившие в дагестанских владениях порядки, а именно феодальный гнет и деспотические формы правления.

Другим спорным моментом в современной историографии является

вопрос о Гюлистанском договоре 1813 г. Долгое время в исторической литературе он считался датой окончательного юридического оформления присоединения Дагестана к России, что отражено и в обобщающем труде "История Дагестана"⁵. Неправомерно в данном случае говорить о юридическом оформлении, поскольку такой термин можно применять к уже свершившимся событиям, а до реального покорения Дагестана было еще далеко.

Гюлистанский договор осуществил раздел территорий между соперничавшими на Кавказе Россией и Ираном, т.е. имел колониальный характер. К моменту его заключения в твердом русском подданстве из имевшихся в Дагестане феодальных владений находились султанство Элисуйское (с 1803 г.), бывшее ханство Дербентское (с 1806 г.), шамхальство Тарковское (после переписяги 1806 г.) и воссозданное ханство Кюринское (с 1812 г.). Причем все эти владения, за исключением шамхальства, были присоединены либо при помощи военных походов, либо путем политического давления.

Таким образом, несмотря на большое количество трудов по исследованию русско-дагестанских отношений, отдельные стороны этой проблемы должны подвергаться дальнейшей разработке и более пристальному объективному осмыслению:

1. Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях.- СПб.,1889.,Т.2,С.251.
2. Фадеев Р.А. Шестьдесят лет кавказской войны.-Тифлис,1860,С.13.
3. Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в.-М.,1960,С.281.
4. Бушуев С. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля - М.,1939.,С.59.
5. История Дагестана. М.,1968. Т.2. С.201.

Омаров А. И. (Махачкала)

К вопросу о русско-дагестанских взаимоотношениях в начале XIX в

Вовлечение народов Закавказья и Северного Кавказа в сферу влияния России не означало немедленного введения царского административного аппарата, и они сохраняли свою самостоятельность, а если и подчинялись центральной власти, то весьма слабо. На активность кавказской политики во многом влияли и успехи России в международных событиях конца XVIII - начала XIX веков, ибо продолжительное время Россия избегала осложнений по поводу северокавказских проблем, так как ее политика подчинялась решению крымского и закавказского вопросов. Однако после присоединения Грузии в 1801 году феодальные владетели Дагестана и многие союзы

сельских обществ оказались перед фактом все более возрастающего влияния российской политики. Именно тогда начинает складываться одно из главных положений русской великодержавной историографической школы, согласно которой отношение царской России к так называемым "горским народам" Кавказа определялось ее "цивилизаторской" миссией, а экспансия в области "горских народов" изображалась, как акт защиты культуры от варварства. В работах Н.Ф. Дубровина, В. Потто, Р.А. Фадеева, А. Зиссермана и др. явно прослеживается стремление завуалировать колониальную сущность кавказской политики и управления царизма, допускается критика лишь тех государственных и военных деятелей, которые находились в немилости у правительства, но не осуждается сама царская политика.

В советской историографии вплоть до конца 40-х годов объективно вскрывалась классовая сущность колониальной политики царизма на Кавказе (М.Н. Покровский, Н.И. Покровский, И.П. Петрушевский, С.К. Бушуев, Р.М. Магомедов и др., но начиная с 50-х годов исторической науке была навязана "концепция" Х.Г. Аджимяна и М. Багирова, в свое время подвергшаяся беспощадной критике со стороны подавляющего большинства историков-кавказоведов. Казалось, прошедшие после XX съезда всесоюзные научные сессии дали ответ на многие вопросы, определили отношение к движению горцев 20-50-х годов XIX века, как к народному, освободительному и антиколониальному, но с конца 60-х годов заметен спад исследовательской работы по проблеме движения горцев, что напрямую связано с так называемым периодом застоя, когда в число идеализаторов "проклятого прошлого" зачислялись те, кто ратовал за изучение и возрождение национального и духовного наследия.

В 80-х годах многие положения дореволюционной историографии были вновь подняты и "развиты" современными исследователями, пытавшимися сказать "новое" слово по проблемам русско-дагестанских взаимоотношений в XIX веке. (М.М. Блисов, В.Б. Виноградов, С.И. Умаров и др.

Попытки принизить уровень социально-экономического развития горских народов, объявление "набеговой системы" и "экспансии" горцев причиной и "завершающим этапом ужесточенной и высокоорганизованной формой Кавказской войны", "второстепенная роль" царизма, отрицание колониаторской сути политики царизма и остальные "положения" вышеупомянутых авторов, ставящих под сомнение исторические реалии первой половины XIX века были подвергнуты широкой, аргументированной и справедливой критике ведущими специалистами-кавказоведами. Особенно ярко это проявилось в ходе всесоюзной научной конференции, посвященной народно-освободительному движению горцев в 20-50-е XIX в., состоявшейся

в 1989 г. в г. Махачкала, где был определен широкий спектр мнений (В.Г. Гаджиев, Г.Д. Даниялов, Х.Х. Рамазанов, Б.Х. Ортабоев, Ф.В. Тотосев, Х.М. Ибрагимбеги и др.).

Последние трагические события, происходившие на Северо-Восточном Кавказе (российско-чеченский конфликт), вновь привлечшие внимание широкой общественности и историков-профессионалов к истории Кавказской войны, свидетельствуют о том, что необходимо постоянное и всестороннее изучение многих аспектов русско-дагестанских взаимоотношений в XIX веке на высоком научном уровне, свободном от идеологического давления и конъюнктурных соображений.

Рамазанов А.Х. (Махачкала)

Русско-дагестанские отношения XIX - начала XX вв. в исторической литературе

Исторически так получилось, что отношения Дагестана с Россией оказались самыми большими и значительными для первого. Эти отношения характеризовались главным образом противоречивостью. Противоречивость русско-дагестанских отношений была обусловлена завоеванием края царской империей. При этом острой исторической необходимостью стало нахождение полноценного компромисса, в котором объективно Дагестан был более заинтересован.

Указанная проблема стала определяющей для всего спектра исторических исследований этого направления. Историография этой тематики стала складываться первоначально в трудах дворянских русских историков. Например, Броневский писал: "Я буду достаточно награжден, если предлагаемые здесь известия возродят любопытство и охоту к лучшему познанию Кавказа..."¹. Изучая историю Кавказа, в том числе и Дагестана, дворянские авторы практически исходили из единственной предпосылки: Россия несет прогресс и цивилизацию диким и агрессивным народам. В таком ключе и показывались русско-дагестанские отношения. Дворянские авторы видели в этих отношениях то, что хотели и могли увидеть. Профессор Березин И. писал, что у горцев "Нет истории, да какая может быть история у кучки разбойников, для которой единственный и самый лучший закон - своя воля и единственное право - право сильного"². Этот подход перекочевал на страницы буржуазной историографии. Буржуазные авторы, хотя и расширили изучение разных аспектов указанных отношений, но не делали это, используя уже традиционный подход. Например, профессор Ковалевский П.И. считал горца "охотником, воином, грабителем и разбойником по природе"³. В общем, за редким исключением до 1917 г. указанный подход господствовал в дворянско-буржуазной историографии. Имперское мировоззрение было

преобладающим в оценке русско-дагестанских отношений. Вместе с тем было и другое направление, представленное революционными демократами.

После революции в исторической литературе русско-дагестанские отношения стали рассматриваться по-другому. В 1923 году в Москве вышла книга М.Н. Покровского "Дипломатия и войны царской России в XIX столетии", в которой автор доказывал, что включение в состав империи окраин было "абсолютным злом". Благодаря Покровскому до начала 30-х годов истории центральное место отводили освещению колониальной политики России и связанных с ней негативных моментов в складывании русско-дагестанских отношений. Положительная сторона этих отношений как бы вообще при этом не существовала.

К концу 30-х годов вместо теории "абсолютного зла" была выдвинута теория "наименьшего зла" или "относительного зла". Покровского пересмотрели, теперь стали признавать позитивную роль России в судьбах окраин. В 40-х годах в исторических работах стала высказываться мысль о необходимости пересмотра формулы "наименьшего зла" в отношениях между Россией и окраинами. Отсюда был сделан шаг в другую крайность, в чем можно было увидеть возрождение имперской традиции, которая оказалась сильнее классовых предрассудков. В 1947-50 гг. советская историография стала рассматривать включение окраин в состав России по-иному, смягчая оценки колониальной политики России. Потом весь процесс разрастания империи стал представляться чуть ли не как "абсолютное добро". В русско-дагестанских отношениях в центр внимания был поставлен тезис о прогрессивном значении и последствиях присоединения к России. Почти все народно-освободительные движения на окраинах империи были объявлены реакционными, националистическими и инспирированными извне. Так, даже в сборнике документов можно было прочитать следующее: "... война горских народностей с Россией под руководством Шамиля была реакционной войной, ставившей своей целью насильственное обращение немусульманских народов Кавказа в ислам и полное экономическое и духовное порабощение всех народов и народностей Кавказа"⁴. При этом получалось, что экспансия исходила не со стороны царизма, а со стороны гор, чего не было даже у дворянских историков.

Такие резкие оценки русско-дагестанских отношений были сильно смягчены "хрущевской оттепелью". Об этом, в частности, свидетельствовала всесоюзная дискуссия 1956 г. Но потом вновь наиболее часто употребляемыми в исторической литературе стали выражения типа "добровольное вхождение", "добровольное присоединение", "окончательное прогрессивное

воссоединение" и т.д. Наиболее ярким представителем этого направления советской историографии может считаться профессор В.Б. Виноградов, писавший, что "добровольное вхождение Дагестана в состав России произошло в 1813 году"

В то же время в годы развития советской историографии вопреки политическим влияниям некоторые авторы пытались объективно показать суть русско-дагестанских отношений. Работы Даниялова Г.-А. Д., Магомедова Р.М., Гаджиева В.Г., Каймаразова Г.Ш., Рамазанова Х.Х. и др. продолжают играть роль фундамента в развитии нынешней историографии этого направления.

С 1989 г. историческая литература, посвященная в той или иной степени русско-дагестанским отношениям, стала приобретать новое качество. Всесоюзная научная конференция, работавшая в Махачкале, поставила ряд проблем и вопросов, потребовавших новой методологии и методики исследования. Этот и последующие научные форумы, последним из которых стала научная конференция, посвященная 225-летию со дня рождения Магомеда Ярагского (27 ноября 1996 г.) обнажили ряд моментов, которые необходимо восполнить в освещении русско-дагестанских отношений. Во-первых, русско-дагестанские отношения в указанных хронологических рамках не исследованы полностью. Существующие работы разрывают их на временные фрагменты: первая половина XIX в., вторая половина XIX в., первая четверть XIX в., первая треть XIX в., конец XIX - начало XX в., и т.д. Поэтому не приходится говорить о целостном восприятии всего процесса, показ которого очень важен не только с научной, но даже с прагматической, политической точек зрения. Здесь очень важно соблюсти пропорцию между русско-дагестанскими отношениями периода Кавказской войны и послевоенного периода.

Актуальность этого возрастает еще и от того, что положение с нынешней так называемой постсоветской литературой весьма неоднозначно. С одной стороны отсутствие цензуры дает возможность полноценного научного поиска, с другой же стороны - увлекаться публицистикой. Это действительно имеющее место явление в исторической науке и используется порой для обвинений полноценных исторических работ, в которых затрагиваются вопросы политики царских колонизаторов, ее самых изощренных проявлений. Оказывается имперское мышление еще не ушло в прошлое. Оно открыто заявляет о себе в науке через "блиевщину". Историк М.М. Блиев с 1970 года ведет свою линию, которая выражалась в статьях и монографиях. М.М. Блиев не делает никаких открытий, не выводит какой-то новой теории.

он просто реанимирует бывшие исторические подходы, появившиеся в те времена, когда авторы жили в другой обстановке и имели другие условия восприятия действительности. Таким образом, вопрос об объективном показе русско-дагестанских отношений в XIX - начале XX вв., когда эти отношения и сложились как таковые, остается пока открытым.

1. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. I

2. Березин И. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань, 1850, ч. I, с. 76).

3. Ковалевский П. И. Кавказ. СПб., 1914, г. I, с. 191, 194.

4. Шамиль ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Тбилиси, 1953, Предисловие.

5. История добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав русского государства. Грозный, 1988, с. 32.

. Акаев В. Х.

(Грозный)

Об антинаучных концепциях в освещении Кавказской войны в исторической науке

В освещении Кавказской войны - народно-освободительной борьбы горцев северо-восточного и северо-западного Кавказа против российской колониальной политики в исторической науке сложились диаметрально противоположные концепции. Еще в дореволюционной российской историографии четко обозначились две точки зрения на колониальную политику на Северном Кавказе и оборонительную борьбу кавказских горцев. Одна из них великодержавно - монархическая, а другая - демократическая. Согласно первой - завоевания царизма на Северном Кавказе считались исторически необходимыми для закрепления южных рубежей российской государственности и прогрессивными для горских народов, а борьба же их - реакционной, исламским фанатизмом, инспирированным извне враждебными России державами в своих агрессивных целях. Русские же революционные демократы при анализе причин, движущих сил и характера исходили из противоположных посылок и оценок; политика России ими признавалась захватнической, сопротивление горцев героической и справедливой борьбой, отстаивающей свою свободу, независимость и право на традиционный образ жизни. Однако голос передовых людей России заглушался мощным хором публикаций великодержавников, извращающих содержание Кавказской войны.

На Западе, в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса, борьба горцев рассматривалась как народная война, принесшая им наибольшую славу и они призывали народы, желающие остаться свободными, учиться у

храбрых горцев. Как видно, монархическая интерпретация Кавказской войны, с одной стороны, и русских революционных демократов, классиков марксизма, с другой, радикально расходятся.

В разные периоды развития советской исторической науки формируются неадекватные подходы в освещении Кавказской войны. Следуя марксистской методологии, основатель советской исторической науки М.Н. Покровский сопротивление горцев охарактеризовал как "антиколониальную борьбу за независимость против реакционной политики царизма". Это концептуальное положение в советской исторической науке в 20 - 40-х годах было доминирующим и закрепилося в учебной, монографической и справочно - энциклопедической литературе.

В конце 40-х годов позиция некоторых советских историков в интерпретации Кавказской войны претерпевает радикальное изменение, что было вызвано возрождением в годы войны с фашистами русской великодержавной идеологии, насильственной депортацией карачаевцев, балкарцев, чеченцев и ингушей, клеветнически обвиненных врагами советской власти, дезертирами и пособниками фашистов, а также появлением постановления ЦК партии о пьесе композитора А. Мурадели, в котором чеченцы и ингуши зачислялись в контрреволюционные народы, препятствовавшие укреплению дружбы народов на Северном Кавказе.

Некто Аджимян в 1947 году, выступая с докладом "Об исторической сущности кавказского мюридизма" в Институте истории АН СССР заявил, что положительная оценка движению горцев подлежит пересмотру, а колониальную политику царизма объявил благом для них. По его мнению борьба горцев была реакционной, феодально - религиозной, а их предводители квалифицировались как ставленники турецкого султана и английские шпионы. Ученые, принявшие участие в обсуждении доклада Аджимяна, эту концепцию, имеющую в своей основе монархическую точку зрения, решительно отвергли. В 1950 году в журнале "Большевик" (№ 3), теоретическом органе ЦК ВКП(б), появилась статья первого секретаря компартии Азербайджана М. Багирова под названием "К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля", по сути дела повторившая антинаучные положения Аджимяна о Кавказской войне, признанные несостоятельными известными историками страны. Целый ряд ученых, объективно рассматривавших освободительную борьбу кавказских горцев, обвинялся в антимарксистских, буржуазно-националистических тенденциях, идеализации мюридизма, народных героев. Началась политическая кампания по травле таких крупных кавказоведов как Г. Гусейнова, Н.

Дружинина, А. Панкратовой, Н. Нечкиной, Р. Магомедова. Итогом этой политической кампании явилось постановление Президиума АН СССР", не отмененное до сих пор, извратившее не только историю и суть движения горцев, но и превратившееся в некое политическое обвинение в адрес ученых. Рецидивы этого постановления сказываются в исторической науке до сих пор.

Состоявшиеся в 1965 году две научные сессии в Махачкале и Москве, решительно отвергли аджимяно - багировские оценки, привлекая достаточно широкую источниковедческую базу, признали, что "движение горцев не было инспирировано извне, а явилось следствием антиколониальной и антифеодальной освободительной борьбы народов Дагестана и Чечни" (Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX века. Сб. докум. Махачкала, 1959. С. 4.). Казалось бы вновь возобладала историческая правда о движении кавказских горцев, однако в 70-80-х гг. в советском кавказоведении формируется тенденция, абсолютизирующая прогрессивную роль царской России в ее завоеваниях на Северном Кавказе, искусственно навязывавшая концепцию так называемого добровольного вхождения в ее состав кабардинцев, осетин, дагестанцев, чеченцев и ингушей. А тематика, связанная с анализом российского колониализма, народно-освободительной борьбы сворачивалась. Наиболее ярко эта тенденция проявилась в исторической науке бывшей Чечено-Ингушетии, в которой В.Б. Виноградов при поддержке партийных органов, местных и центральных, навязал всей общественности республики фальсификаторскую концепцию 200-летия добровольного вхождения чеченцев и ингушей в состав Российской империи. В указанный период в советском кавказоведении оформляется своеобразная концепция Кавказской войны, буквально извратившая причины, суть, характер, идеологию освободительной борьбы горцев против российского колониализма. Её автором стал осетинский кавказовед проф. М.М. Блиев. Кратко суть этой концепции такова: причину Кавказской войны М.М. Блиев увидел не в завоевательной политике царизма, российском колониализме, а в горском экспансионизме, набегах горцев на русские крепости, укрепления, казачьи станицы, вызвавшие ответную реакцию царизма. Подобные измышления учеными разоблачались, они были развенчаны и на Всесоюзной научной конференции, посвященной народно-освободительной борьбе горцев Дагестана и Чечни, состоявшейся в 1989 году в Махачкале. В более развернутой форме идеи Блиева опубликованы в монографии, специально посвященной кавказской войне (см.: Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994.) Кроме сказанного в этом труде, полностью извратившем

суть освободительной борьбы горцев. царские генералы - каратели изображены как дальновидные, прогрессивные и миролюбивые государственный и политические деятели. В частности, палач горских народов, генерал Ермолов, изображен в качестве миротворца, третейского судьи, предотвратившего "родоплеменные конфликты и феодальные усобицы, истощавшие друг друга отдельные владения и вольные общества" (Там же. С. 162)

Накануне войны в Чечне в 1994 года М.М. Блиев вслед за великодержавниками повторил, что Чечня периода XVIII - начала XIX века является "разбойничьей республикой", а народных героев шейха Мансура, Бейбулата Таймиева, Тацу-Хаджи и Шамиля отнес к главарям разбойничьих набегов.

На базе подобных высказываний построены некоторые материалы, изданные МВД и ФСК России в 1995 году, открыто демонстрирующие политику и идеологию ненависти ко всему чеченскому народу. (См.: Криминальный режим. Чечня. 1991-95 годы. М., 1995; Чеченский кризис: испытание на государственность. М., 1995 и др.)

В рамках блиевско - виноградских концепций описал историко - культурный облик чеченского народа В.А. Тишков (См. : Чеченский кризис. Аналитическое обозрение. М., 1995. С. 6-7).

Научный интерес к Кавказской войне не только не ослабевает, но и порождает "новые" ее толкования, воспроизводящие хорошо известные старые методологические позиции. С претензиями на новое освещение, раскрытие якобы незамеченных позитивных сюжетов исследователя Кавказской войны, изложена статья ростовского исследователя В.А. Матвеева. Опираясь на высказывания русского философа, эмигранта А.И. Ильина, он доказывает, что Россия не являлась "тюрьмой народов", сколько она получила народов столько и соблюла". Российская экспансия на Кавказе не подпадает под квалификацию колониальной, к "российской империи присоединились не колонии, а губернии", - считает он. (см.: Матвеев В. А. Кавказская война: незамеченные итоги // Известия высшей школы. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. № 4. 1995. С. 3-5). Примечателен вывод В.А. Матвеева: "Кавказ покорился не только силе русского оружия, но и силе нравственного авторитета России" (Там же.) Под нравственными достижениями России XIX века сей автор относит сострадание, великодушие, проявленные царизмом и его генералами к побежденным, в частности, к Шамилю и его семейству. Вырывая из контекста жестокой колониальной политики царизма, отдельные факты гуманного отношения, оправдывая при этом истребительную войну царизма против северокавказских народов. В.А.

Матвеев преувеличивает гуманизм и нравственность завоевателей и тем самым отходит от исторической правды о Кавказской войне.

Вряд ли получит в кавказоведении, признание концепция В. А. Матвеева, основанная на национал - патриотических настроениях, восходящих к российской великодержавной историографии.

Гапуров Ш.А. (Грозный)

Некоторые спорные вопросы в российско-северокавказских отношениях в XVI -XIX вв

Вступив в конце 1970-х годов на путь весьма своеобразного толкования (если не сказать - фальсификации) истории российско-северокавказских взаимоотношений в XVIII- середине XIX веков, некоторые исследователи в конце 1980-х годов приходят к выводу, что употребляемые в кавказоведческой литературе термины “колониализм”, “антиколониальная борьба”, “колонии” и т.д. не применимы к этим взаимоотношениям. “В чем, на наш взгляд, принципиальная методологическая уязвимость этой терминологии спрашивает Виноградов В.Б. и Айларова А.С - Все перечисленные термины и понятия - суть категорий капиталистической буржуазной эпохи в истории человечества...” И дальше: “Можем ли мы безоговорочно употреблять понятия “колониализм”, “колониальная политика” в отношении политики России на Северном Кавказе”, так как “в России в указанный период развитие капитализма только начиналось” (Археология и вопросы хозяйственно-экономической истории Северного Кавказа. Грозный, 1987.с. 129-130).

Однако термины “колония”, “колониализм”, “колониальная политика” и т.д. не есть порождение капиталистической эпохи. Колониализм, колонии и пр. как социальные явления возникли еще в древнем мире, при рабовладельческом обществе. Свои колонии были у Древнего Египта, Месопотамии, Рима, Греции. Поселения, населенные выходцами из этих стран, располагались на побережье Средиземного, Эгейского, Мраморного и Черного морей.

В эпоху феодализма также существовали колонии и колониализм. Уже в XI-XIII веках в результате крестовых походов на Ближнем Востоке появились феодальные государства - колонии, где в качестве эксплуатируемых были местные ремесленники, крестьяне, бедуины.

Начало систематическому вторжению европейских держав в страны Востока, совпадающее по времени с великими географическими открытиями, было положено Португалией и Испанией- феодальным

странами. намного более отсталыми, чем Англия и Голландия. В XV веке португальцы захватывают часть побережья Западной Африки, в начале XVI века - создают опорные пункты и базы от Восточного берега Африки до Малайи, утверждаются на побережье Индии. Если со стороны капиталистической Англии в XVIII-XIX веках завоевание Индии происходило руками могущественной Ост-Индской торговой компании, то со стороны Португалии колониальная экспансия осуществлялась феодальным государством, с сильной королевской властью, принимавшей непосредственное участие в эксплуатации колоний и в управлении ими (точно так же на Северном Кавказе колониальные захваты в XVII-XIX веках осуществлялись российским феодальным государством). К середине XIX в. Индия полностью стала колонией: большая, основная часть досталась Англии, небольшая территория - Даман, Диу, Гоа на западном побережье страны - Португалии. Со всех точек зрения, португальские владения в Индии (захваченные феодальным государством) были такой же колонией, как и английские (захваченные капиталистическим государством); причем сильная Англия была вынуждена освободить свою часть Индии в 1947 г., а Португалия - лишь в 1960 г.

Разумеется, колониализм и колониальная политика докапиталистической эпохи отличались по своим методам и формам от тех, которые были присущи капиталистической эпохе. Период ранней, докапиталистической колониальной экспансии был периодом купцов-авантюристов, эпохой пиратов и грабительских экспедиций. Участники и организаторы этих экспедиций своей целью видели завоевание вновь открытых заморских территорий, основание на них торговых баз, крепостей и других форпостов, создание привилегированных монопольных торговых компаний.

Малобудительно звучат и утверждения А.С. Айларовой и В.Б. Виноградова о том, что "колониализм - это не только и не столько политическое подчинение (даже порабощение), а прежде всего экономическая эксплуатация колонии, ее ресурсов и рабочей силы в интересах капитала метрополии...", и поэтому Северный Кавказ, несмотря на свое военно-стратегическое положение, не мог быть российской колонией, так как в качестве рынка сбыта и источника сырья для российской промышленности регион "начинает использоваться с последних десятилетий XIX века" (Там же, с 130).

Видимо, авторы упустили из виду, что колониализму на его разных этапах присущи и разные методы эксплуатации. Использование колоний в качестве рынков сбыта и источников сырья - это методы эксплуатации колоний в эпоху империализма. В докапиталистический период колонизации основными методами колониальной эксплуатации были налоговое обложение, прямой грабеж, контрибуции, дань. Принудительный и

неравноправный обмен, захват общинных земель и естественных ресурсов. Большая часть этих методов колониальной эксплуатации и применялась широко Россией в своей колониальной политике на Северном Кавказе до последней трети XIX века.

Непредвзятый анализ деятельности России на Северном Кавказе в XIV-XIX веках, сравнение методов и форм этой деятельности с колониальной практикой западноевропейских держав в странах зарубежного Востока показывают, что царизм проводил на Кавказе в тот период колониальную политику и регион к середине XIX века был превращен в российскую колонию.

Яндаров А.Д. (Грозный)

Идеология национально-освободительного движения горцев Северо-Восточного Кавказа (1824-1859 гг.)

1. Идеологией национально-освободительного движения горцев был особый комплекс идей, базировавшихся на исламе, как своей первооснове и не в полной мере адекватных ему по форме. В литературе этот комплекс идей получил название мюридизм, что является совершенно условным обозначением. Мюридизм происходит от названия послушника суфийского учителя, шейха и наставника - мюрид, учитель или шейх в суфизме называется еще мюршидом.

Суфизм мистико-аскетическое учение в исламе, возникшее еще в VII-VIII веках, проповедовавшее в своих истоках аскетизм, отрешение от мирского, жертвенное служение Богу, непрерывное воспоминание его, очищение себя от мирской скверны, нравственное самосовершенствование и такой полный отказ от своей воли, что он вступает под сень Божьей воли и чувствует свою слитность с волей и промыслом Божиим.

Различные школы суфизма, помимо некоторых доктринальных различий, отличаются еще способами поминовения, воспоминания Бога (зикр - арабск), который может быть тихим, громким, в сопровождении различных музыкальных инструментов, а также по ступеням, на которые делится путь приближения к Богу. Такие школы называются тарикатами.

Так вот суфизм любой и вытекающие из него тарикаты - это все мюридизм, поскольку и суфизм в целом и его различные школы есть мюридизм, так как все они предполагают передачу знания, принятого в тарикате учения - послушникам, мюридам.

Поэтому мюридизм - это суфизм вообще; не бывает суфизма без мюридизма. Но так как условные названия нередко прививаются в науке и их невозможно отменить декретами, то и мы будем пользоваться этим распространенным обозначением, помня о его условности.

Однако - идеология национально-освободительного движения - это не только мюридизм . но и комплекс идей и социально-политических установок, понятий и представлений о социальной справедливости, национальной чести и достоинстве, о жизненном пространстве народа и способах его защиты и другое.

Кавказский же мюридизм отличается от суфизма тем, что это уже не простое послушничество и мирное, совместное с шейхом самосовершенствование и искание Бога, в отрешенности от земных соблазнов, от политики, от светской борьбы.

Мюридизм- это реформированный суфизм, приспособленный к условиям борьбы за независимость горцев, оказавшихся перед угрозой национального порабощения. Этот мюридизм вобрал в себя не только вмешательство в политику, но требование газавата-священной войны против угрозы национального порабощения; наряду с этим он требовал возврата к чистому, первоначальному исламу, он исповедовал идеи уравнительного распределения общественного богатства. Он заимствовал у суфизма форму организации людей: роль мюршида он отвел наибу, а главной задачей мюрида стала вооруженная борьба против оккупантов.

Мюридизм, таким образом включает в себя газават, идеи социальной справедливости, шариат, как основу, на которой зиждется образ жизни правоверного. Это категорический императив религиозно- нравственного сознания. Другое дело, что в ряде районов имамата Шамило пришлось отступать от строгого шариата и допустить его симбиоз с некоторыми нормами адата -обычного права горцев. В Чечне, например, адат был формой нравственно - правового сознания, вошедшего в идеологию национально-освободительного движения.

Мне представляется: в период борьбы за независимость общественное сознание было слабо дифференцированным по уровням и формам и в целом выступало как идеология, т.е. актуализированное сознание.

Поэтому идеология мюридизма вбирала в себя и идеи первоначального ислама религиозно-правовое и нравственное сознание - шариат, низам, уравнительные идеи и газават - священная война за независимость, и устное народное творчество, из которого идеология черпала образы и представления и образы для подражания в борьбе.

II.Зачинателем, заложившим первый краеугольный камень в фундамент идеологии национально-освободительного движения горцев (1785-1791)был шейх Мансур, предложивший идею национального сплочения перед лицом колониальной угрозы на базе: всеобщего покаяния в грехах и очищения, отказа от кровной мести и прекращение

междоусобиц, помощи слабым и сиротам. Он сам с пением суфийских гимнов объезжал селения, принимал покаяние перед Богом и объявил всех чеченцев мюридами единого братства (тоба), именно он впервые на Кавказе заимствует у суфизма некоторые элементы военной организации. Таким образом, опирающаяся на допущение, что начальным периодом движения имамов были в 1824-1834 годы, идея М.М. Блиева и В.В. Дегоева¹ будто мюридизм возник именно в этот период как обоснование набегов на соседние государства, идеология военно-государственной организации горцев абсолютно несостоятельна.

III. Авторы этой книги полностью отказались от признания того исторически прогрессивного, социально-справедливого, что было в выступлении горцев (1824-1859г.г.) и трактуют этот период только как Кавказскую войну России и "военных демократий" народов Северного Кавказа. Оказывается и причиной войны была не колониальная политика царизма; в лучшем случае - это только второстепенный фактор. Оказывается причина войны и истоки обосновавшей эту войну идеологии - в том, что генерал Ермолов поставил заслон набеговой системе и горцам нечем стало жить, и обострились внутренние социальные противоборствия.

В конечном счете авторы сводят идеологию национально - освободительного движения - мюридизм к исламу вообще, для которого якобы характерны проповедь ненависти войны с неверными, требование отчуждения их имущества и обращения их в ислам.

IV. По содержанию самой идеологии Кавказской войны, ее структуры авторы не предложили ничего позитивного. Авторы пространно написали о запутанных истоках этой идеологии - мюридизма, о ее непримиримости, фанатизме и равным счетом ничего о содержании этой идеологии.

Главный же вывод авторов будто ислам в зародыше содержит огромный агрессивный заряд и повелевает своим адептам восвать с неверными до скончания века - это нонсенс в лучшем случае.

1. См. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994. С. 184 и др.

Амиров М.Г., Хакрун Д. (Махачкала)

Хроника Али Кади из Салта о восстании 1877 года в Дагестане

Одной из наименее изученных страниц истории народов Дагестана XIX столетия является всеобщее восстание горцев в 1877 году.

В немногочисленных исследованиях, посвященных этим событиям, историки пользовались в основном русскими источниками, которые

дошли до нас в огромном количестве. Как известно, относиться к большей части этих документов следует с осторожностью, так как они составлялись и редактировались царскими идеологами, задача которых состояла в оправдании жестокой колониальной политики самодержавия и формирования общественного мнения в мире и внутри самой России, сводившейся к формуле “цивилизировать дикие горские народы Кавказа, которые представляют серьезную угрозу для русских поселений на южных рубежах России и покорить горцев на их же благо”.

И в настоящее время, для характеристики истории национальных движений и восстаний против колониальной политики царизма, исследователям приходится прибегать к явно пристрастным и искаженным источникам, потому что по большинству вопросов местных источников или не имеется вовсе, или они не введены в научный оборот и недоступны исследователям. Найти и использовать то, что лежит нетронутым в книжных хранилищах и частных коллекциях региона является первоочередной и основной задачей источниковедов.

Источники дагестанского происхождения на местных и восточных языках “ярче отражают местные исторические события” (И.Ю. Крачковский) и позволяют посмотреть на них глазами их непосредственных участников. Они не только взаимно дополняют друг друга, но и дают возможность сопоставить факты с данными документов и мемуарной литературы, принадлежащих противоположной стороне, так как в документах из царского лагеря “часто встречаются искажения либо в результате недостаточной осведомленности, либо намеренные” (Н.И. Покровский).

Однако, следует отметить, что и местные источники не лишены недостатков и страдают, в известной мере, односторонностью и тенденциозностью. Но, “при внимательном исследовании, устранение этих недостатков из местных источников составляет гораздо меньший труд, чем подобная же операция над сочинениями буржуазных русских и западных историков-кавказоведов, более опытных специалистов и по истории и по ее фальсификации” (А.М. Барабанов).

Таким образом, каждый вводимый в научный оборот новый источник местного происхождения имеет неоценимое значение для исследователя истории народов Дагестана.

Среди местных источников повествовательного жанра, посвященных событиям 1877 года, важное место занимает сочинение Али Кади из Салта “Небольшой очерк из событий времени, которые произошли в стране Дагестан”

Али Кади ас-Салта, известный дагестанский ученый-правовед, поэт

и историк, ученик Муртазаали ал-Уради и автор популярного в Дагестане этико-философского трактата "Насихат ал-ихван" ("Совет братьев"). Был современником и свидетелем событий 1877 года.

Сведениями об участии самого автора в восстании мы не располагаем, однако, как можно заключить из содержания хроники, он был сторонником восставших горцев и искренне сочувствовал им.

Сочинение представляет собой небольшой нарративный текст (6 л.) на арабском языке, в котором нашли отражение все наиболее важные события восстания 1877 года в Дагестане. "Это небольшой очерк. - пишет Али Кади, - рассказывающий о событиях, которые произошли в стране Дагестан. Я записал их на память братьям, чтобы они служили замечательным примером, подобного которому не слышал никто в прежние времена".

Автор разделил сочинение на семь глав: о цунгинском событии; о событиях в Тад-Бурти; о событиях на мосту, расположенном на салтинской реке; о назначении Мухаммеда Хаджи сына Абдурахмана Хаджи ан-Накшбснди ас-Сугури имамом и о его наступлении на Анаду; о событиях в Левашах и Кутишах; о событиях в Цудахаре; о событиях в Согратле.

Повествование Али Кади заканчивается двумя стихотворениями на арабском языке: первое - элегия (риса) на смерть Абдурахмана Хаджи ас-Сугури, принадлежащая перу Мухаммада ал-Джункути и второе - стихотворение самого Али Кади о тяжелом положении горцев, в котором они оказались после подавления восстания.

Сочинение дошло до нас в трех списках. Первый список хранится в фондах Российской Национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. Как следует из приписки переписчика, он снял копию с "почерка автора этого небольшого очерка, ученого-правоведа Али ас-Салги". Имя переписчика не читается, однако сохранились его нисба - ал-Фараули ас-Сахли, откуда следует, что он из Параула, с "равнины".

Второй список хранится в Рук.фонде Института ИАЭ ДНЦ. Как следует из записи на титульном листе рукописи, список был обнаружен А.И. Тамаем в сел. Параул среди книг его предков и передан им в Рук. фонд ИИЯЛ. Имя переписчика и дата частично стерты, однако сохранился год - 1353 г.х. (1933 г.)

Таким образом, оба списка связаны с сел. Параул и сравнение двух текстов дает основание предположить, что второй список является копией первого или, по крайней мере, они восходят к одному архетипу.

Третий список является копией с первого, снятый в 1963 году М.Г. Нурмагомедовым и хранится в Рук. фонде ИИАЭ. Там же имеется и перевод сочинения, выполненный К.М. Баркусовым в 1963 году.

Актуальность изучения дагестанской диаспоры

Изучение процесса переселения северокавказских горцев в Османскую империю в XIX в., освещение генезиса северокавказской, и в частности, дагестанской диаспоры в Турции, Сирии и других странах актуально и представляет несомненный интерес как в научно-теоретическом и политическом, так и в практическом плане.

Всего за пределами исторической родины проживают около 3-х миллионов иммигрантов из Северного и Западного Кавказа. Около 2-х миллионов их составляют адыго-абхазы. Остальные - дагестанцы, чеченцы, ингуши, осетины, карачаевцы, ногайцы и другие представители народов Северного Кавказа.

Исходя из собранных архивных, полевых и других материалов, можно предположить, что в настоящее время около 100 тысяч дагестанцев проживают в Турции, Сирии, Иордании, Ираке, Саудовской Аравии и в ряде стран Ближнего Востока, Северной Африки, Западной Европы, США - всего в 20 странах мира.

В Турции и странах Арабского Востока северокавказская диаспора оказывала и оказывает влияние на общественно-политическую жизнь, сыграла немалую роль в истории этих государств.

В связи с вышеизложенным и возникла необходимость дать анализ проблем эмиграции северокавказцев, их роли в социально-политической жизни указанных выше стран, главных проблем дагестанского зарубежья наших дней.

Материалы исследований по дагестанской диаспоре окажутся полезными специалистам по истории российско - северокавказских отношений, а также Турции и других стран Ближнего Востока в определении северокавказской диаспоры и возрастающей ее роли на Северном Кавказе, который занимает особое место в геополитической ситуации, особенно в 90-х годах, с учетом всех нюансов и перипетий, последовавших в связи с распадом СССР.

Материалы по исследованию дагестанской диаспоры могут быть использованы в учебном процессе - в высших учебных заведениях республики Дагестан и других республик Северного Кавказа: исследования окажутся полезными практическим организациям (туристические и другие коммерческие фирмы, совместные предприятия, банки и др.), поддерживающими отношения с зарубежной диаспорой северокавказских народов, и в частности, с дагестанцами: розыску родственников.

Материалы по диаспоре, и в частности, документальные источники послужат хорошим подспорьем для историков, филологов, фольклористов и этнологов, занимающихся проблемами диаспоры северокавказцев.

Изучение диаспоры восполняет один из пробелов в истории не только народов Дагестана, но и народов Турции, Сирии, Ирака и Иордании, так как нельзя считать изученной в полной мере историю страны без отражения в ней истории национальных меньшинств.

Вместе с тем, не может быть в достаточной степени полной история народов Дагестана без истории их части, проживающей за рубежом.

Советские дагестанцы-исследователи истории Дагестана касались этого вопроса только частично. Однако, понять их можно с учетом того времени, хотя некоторыми историками из республик Северного Кавказа своя диаспора изучалась и в "сталинские" времена (М.С. Тотоев - 1948 г.) и в "брежневские" (Х.О. Лайпанов - 1968 г., Г.А. Дзидзария - 1982 г.) и т.д.

На наш взгляд, настала пора научного, комплексного изучения дагестанской диаспоры группой историков, востоковедов, филологов, фольклористов и этнографов с выездом на места компактного проживания дагестанской диаспоры: в Турцию, Сирию, Ирак, Иорданию, Саудовскую Аравию и в г. Патэрсон (США). В связи с этим необходимо поставить вопрос перед правительством республики о финансировании научной экспедиции ученых в указанные страны.

Абдулаева М.И (Махачкала)

Основные этапы и особенности переселения горцев Северо-Восточного Кавказа в Османскую империю во второй половине XIX в

Кавказская война послужила катализатором в процессе переселения горцев в Османскую империю, в результате чего сотни тысяч северокавказцев стали эмигрантами.

Дореволюционная историография рассматривает это явление двояко. Концептуальная направленность официозных историков (Берже, Потто, Дубровина и др.) предельно ясна. Она призвана оправдать колониальную политику царизма на Кавказе. Поэтому, несмотря на богатый фактографический материал здесь имеют место некоторые искажения действительности.

Сходный во многом процесс переселения горцев Западного и Северо-Восточного Кавказа вылился в совершенно различные формы, что нашло свое отражение в широте терминологического диапазона. В

специальной литературе равноправно фигурируют такие понятия, как "мухаджирство", переселение, эмиграция, выселение, депортация и даже геноцид.

Подобная терминологическая дифференциация детерминирована специфическими особенностями переселенческого движения у различных народов Северного Кавказа. Если на Западном Кавказе преобладающим был все же элемент насильственного переселения, то по отношению к дагестанцам применялось квотирование до 1873 г. (150 семейств ежегодно имели возможность выселяться легальным образом). Таким образом была предпринята попытка подчинить выезд в Турцию дагестанцев некоторым ограничениям.

Переселение кавказских горцев в Турцию не было единовременным актом. С учетом массовости этого явления и его особенностей можно выделить целые этапы.

I-ый этап охватывает период с 1858 по 1863 гг. В это время большинство переселенцев было с Западного Кавказа (особенно кубанские черкесы и ногайцы) и частично из Дагестана. По мере освоения царской Россией Восточного Кавказа переселения из Дагестана усиливаются.

Переселения I-го этапа характеризуются тем, что они проходили под лозунгом совершения хаджа в Мекку.

II-й этап - 1863-1864 гг. вошел в историю как "великое переселение". По разным данным, в это время переселилось от 300 до 400 тыс. человек. В основной своей массе это были адыгские племена, незначительное число абхазцев и дагестанцев.

III-й этап переселения горцев охватывает 1865-1877 гг. В 1865 г. в Турцию переселилось 5 тыс. чеченских домов, в 1867 г. - 4 тыс. домов абхазов, в 1873 - 3,5 тыс. домов черкесов.

IV-й этап переселения - 1877-1878 гг. был связан с русско-турецкой войной.

V-й этап - 1878-1907 гг. Можно сказать, что это последний этап. Переселенческое движение становится беспорядочным. В турецких архивах имеются данные о разрозненных, небольших группах переселенцев. Среди них были черкесы, дагестанцы, аджарцы.

Всего же с 1847 по 1907 гг. количество дагестанцев, переселившихся в Анатолию, оценивается приблизительно в 20000 человек.

Исламизационный процесс в Дагестане и проблема историко-культурных контактов

Вопрос о значении историко - культурных контактов отдельных регионов арабо - мусульманского мира в создании арабоязычной литературной традиции в Дагестане представляет огромный интерес. Особенность этой традиции - ее неразрывная связь с исламизационным процессом. Духовное развитие Дагестана шло не в отрыве от других исторических ареалов и исторических цивилизаций, а в русле того огромного интеллектуального поля, которое было сформировано арабским языком и идеологией ислама.

Итоги этого диалога для Дагестана были грандиозны: в течение тысячи лет, начиная с X в., шел “триединый” процесс: интенсивное проникновение письменных памятников, созданных в арабо-мусульманском мире; их тиражировании от руки и “создание”, таким образом, большого числа учебных и научных текстов; создание оригинальной, собственно дагестанской литературы на арабском языке, к которой с определенным хронологическим разрывом присоединилась дагестанская же литература на персидском, тюркском и местных (на арабской графике) языках.

Наиболее отчетливо многовековые контакты Дагестана с ближневосточным миром в сфере отражения в арабской литературе справочного характера (Йакут, ал-Аснави, аз-Захаби). В Дагестане же жанр биографий и био-библиографические справочники, получившие широкое распространение в арабо-мусульманском мире, не представлены среди дошедших до нас памятников местного происхождения вплоть до первой половины XIX в. Переломным можно считать вторую половину этого века, когда в ряде произведений исторического плана появляются разделы биографического характера (“Тазкира Абдурахмана из Газикумуха”; биографический очерк Исмаила ал-Яраги о Мухаммеде ал-Яраги; перечень имен ряда дагестанских алимов в “Асари Дагестан” Гасана Алкадари и др.). В указанных трудах встречаются имена дагестанцев, поддерживавших творческие связи с учеными и духовными лицами других стран, но сведения эти немногочисленны, схематичны, фрагментарны, кратки.

В дальнейшем, в XX в. мы наблюдаем совершенствование жанра, создание ряда крупных био-библиографических справочников с обширным перечнем (Назир из Дургели. Али Каяев).

“Нузхат ал-азхан фи тараджим улама Дагестан” Назира из

Дургели (ум. в 1935 г.) - наиболее масштабный и первый в дагестанской историографии труд, специально посвященный истории науки и культуры в Дагестане в XI-XX вв. Назир из Дургели опирается в книге на сведения арабских авторов (Якут. Ибн Баттута. Хаджи Халифа), но основные данные почерпнуты из сведений дагестанских ученых, и о дагестанских ученых, лично собранных им в течение многих лет.

Книга делится на несколько разделов (вступительная часть, разделы “Баб ал-абваб, город Дербенд и его ученые”. “Ученые (эпохи) Шамиля-эфенди” и др.).

В “Предисловии” Назир акцентирует внимание на пути проникновения наук в Дагестан, подчеркивая особую роль Багдада, духовной столицы халифата, “источника знаний и наук”. Он упоминает и другие города - культурные центры своего времени Дамаск, Каир, Мекка, Медина, Стамбул, Самарканд (самаркандская астрономическая школа). “Постепенно Дагестан стал очагом многих наук и образования... Он стал привлекать ученых из других областей” - они совершенствовались свои знания особенно в “арабских науках”.

Книга Назира из Дургели охватывает около 230 очерков жизни и творчестве дагестанских алимов. “Нузхат ал-азхан”⁴ не только испытало на себе непосредственное влияние арабской биографической традиции. Сочинение представляет в распоряжение исследователей уникальный материал об огромном влиянии крупных городов - духовных центров арабо-мусульманского мира на интеллектуальную жизнь средневекового дагестанского общества, о длительных контактах Ближнего Востока и Дагестана в сфере науки и образования прежде всего (Ахмад-ал-Йамани, прибывший из Каира “для укрепления ислама” в дагестанское селение Кумух, автор этико-догматического трактата “Вакф ал-мурад” - сер. XV в.; Асельдер из Аракани, из рода Курайш- XV в.; шейх Али Старший из Гази- кумуха, общавшийся с Ибн Хаджаром, комментированный египетскими учеными - XVI в.; Али ал-Багдади, прибывший в Дагестан, друживший с шейхом Даудом ал-Кудали в Тарки, ставший кадием этого селения и похороненный там же - XVII в.; известный дагестанский ученый Мухаммад из-Кудутля, получивший образование в ряде арабских стран, ученик Салиха ал-Йамани, автор грамматических сочинений и экскурсов по мусульманскому праву - XVIII в.; Дамадан из селения Мегеб, переводчик “Зиджей” Улугбека с персидского на арабский - XVIII в.; Мухаммед б.Ибрахим, ал-Алиджи, учившийся у дагестанца в Дамаске и у ученых Медины. автор комментариев на сочинения Ибн Хаджара и суждений по вопросам мусульманского права - XVIII в.; посредственное иджаз - введение в накшбандийский тарикат. Халид ал-Багдади

- Исмаил из Кюрдамира - Хас Мухаммед аш-Ширвани - Мухамед ал-Яраги - Джамаладдин из Газикумуха - XIX в.; Хаджи Йусуф ал-Чачани, получивший религиозное и инженерное образование в Египте, служивший затем у Шамиля в качестве руководителя строительства военных укреплений). Материал сочинения Назира из Дургели фиксирует творческое общение представителей различных областей мусульманского мира на протяжении десяти веков.

Наврузов А.Р. (Махачкала)

Дагестанские адаты на страницах газеты “Джаридат Дагестан”

Еженедельная газета на арабском языке “Джаридат Дагестан” издавалась с 1913-1919 гг. в г. Темир-Хан-Шуре (совр. Буйнакск) по распоряжению военного губернатора Дагестанской области в типо-литографии М.-М. Мавраева. Официальным редактором газеты был Бадави Саидов. Однако, фактически вся работа по подготовке издания к печати велась Али Каяевым. Официально редактором он стал в 1913 г.

Одна из тем, получивших свое отражение на страницах газеты - адаты в Дагестане, занимавшие в течение веков огромную роль в общественной жизни дагестанцев.

Степень уважения народами Дагестана своих адатов, можно проследить на таком факте, приведенном в газете: “когда появился шейх Шамиль и начал жестоко преследовать адаты и тех, кто следует им и приобретает какие-либо книги по адату, один мужчина из “народа авар” спрятал книгу адатов, унаследованную им от своих отцов, в корнях дерева и оставил ее там до тех пор, пока не повелевал ему Аллах; и когда шейх Шамиль был пленен и ослабла его мощь, этот мужчина вынес эту книгу к людям и подарил ее жителям своего села, а они радовались этому и благодарили его за это”.

Даже спустя 50 лет после покорения народов Дагестана роль адатов в их жизни не ослабла. Недаром в 1899 г. главнокомандующий князь Голицын приказал собрать адаты всех областей в одну книгу и напечатать их.

В газете отмечается, однако, что среди адатов, которые и зжили себя и от которых необходимо отказаться - это обычай кровной мести, дийяат - плата за убийство № 6, 1914 г. С.3-4. Али Каяев. Адаты Дагестана), обычай выдачи замуж до исполнения 16 лет и др.

Царская администрация понимала, что в деле упразднения адатов и действующих на их основе горских судов нужна гибкая, постепенная и планомерная работа по ослаблению их влияния на людей, их

воздействия на экономическую и духовную жизнь населения, по воспитанию на современных знаниях посредством открытия школ среди них, подготавливая население к упразднению адатов и замене их "справедливыми" законами

На Совете во Владикавказе (№ 4.1913,0.3-4. В отношении горских судов) членами Императорской Думы совместно с алимами (знатоками мусульманского права) принимается решение о том, что замена горских судов правовыми возможна при условии, что в эти суды будут избраны группы народных заседателей из сельчан, присяжных заседателей, которые будут заседать в судах и высказывать свое мнение при принятии решения.

В суде должен быть судья по шариатским делам - шариатский кадий: указывалось на необходимость создать два шариатских управления - первый в Дагестанской области, второй - на Северном Кавказе, - чтобы можно было посылать туда дела на пересмотр, если стороны не удовлетворены решениями кадия по вопросам брака и развода. А что касается дел по наследованию и дел по завещанию - по ним решения выносятся судьями с учетом мнения кадия по шариату. Вопросы собственности решено было решать согласно адату.

Несмотря на столь осторожную политику царской администрации в этом вопросе, формирование правовых судов столкнулось с рядом трудностей. Как сообщал министр юстиции Императорской Думы Шикавитов, большинство присяжных заседателей не знали русского языка, во-первых, и часто встречающаяся вражда между родами и их членами, во-вторых, не способствовала принятию ими справедливых решений.

В соответствии с приказом императора от 3 марта 1914 г. и учитывая решение Совета членов Императорской Думы и алимов во Владикавказе о том, что при создании правовых судов в первую очередь надо обращать внимание на проблему территорий и только решив ее, проводить реформу в этих судах, были образованы следующие округа:

1. Аварский округ (Хунзахский, Куйсубулинский участки).
2. Андийский округ (Карататехнусальский участок, район помощника судьи участка Карататехнусал, Гумбетовский участок, район помощника судьи Гумбетовского участка, участок Ункратль, Дидо, район помощника судьи участника Ункратль, Дидо).
3. Гунибский округ (Андалалский участок, Куйада, Кенсар, Телетль, Хид, Анцух, Кучуч).
4. Даргинский округ (Акушинский участок), Цудахарский, Сирхэ, Мекчи.
5. Казикумухский округ (участки Кумух, Висхи)

6. Темир-хан-шуринский округ (участок Темир-Хан-Шура, Дженгутайский, район помощника судьи Темир-хан-шуринского округа, Тарки, Чирюрт, Кут).
7. Самурский округ ("Санбур") - Ахтынский участок, Догуспаринский, Лучек).
8. Курахский округ (участок Гуней, Южный Табасаран, Кутуркуре, Курах, район Улуса).
9. Кайтаго-Табасаранский округ (участок Нижнекайтагский, район помощника судьи Нижнекайтагского участка, Северный Табасаран, Уркарах).

Округа были разделены на участки, в каждом участке функционировало по несколько судов. Все села были распределены по близлежащим судам. В соответствии с Императорским указом от 22 и 23 марта назначались новые судьи (№ 12, 14, 1914 г.). Указ обязывал создание новой должности писаря в суде, ибо все судопроизводство велось теперь на русском языке.

Для обеспечения качественного перевода царское правительство сознательно шло на увеличение расходов на эти цели, так например, было дополнительно выделено на нужды писарей и канцелярий в новых судах 12 млн.р. в год (№ 15, 1914 г., с.3). Была увеличена плата переводчикам. к работе в судах привлекались только те, кто знал местные языки.

Несмотря на то, что все преобразования и нововведения финансировались и проводились царским правительством исходя из своих сугубо колониалистических устремлений - для лучшего управления подвластными территориями - в целом упразднение горских судов и замена их правовыми имели для дагестанских народов прогрессивный характер.

Аутлев М.Г. (Краснодар)

Главная проблема исторической науки об адыгах

В 1994 г. научная общественность Республики Адыгея, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии широко отметила 130-летие со дня окончания столетней Кавказской войны, завершившейся национальной катастрофой адыгов. Народ, населявший с древнейших времен значительную территорию Северо-Западного Кавказа, оказался под угрозой полного исчезновения с лица земли, как это случилось с другими в мире в результате преступлений империализма.

К счастью, народ адыгэ не исчез, сумел морально и физически выжить, заявить о себе достаточно громко перед всем мировым сообществом. Правда, грубо, дико, варварски был нарушен естественно-

исторический процесс, надолго был закрыт путь для свободного национального развития народа, утверждения им своей государственности. Есть основание утверждать, что адыги могли образовать государство еще в XIX веке, которое ныне не уступало бы по численности населения и размерам территории таким европейским странам как Венгрия, Болгария, Австрия или Чехия.

Понять правильно прошлое, значит избежать новых трагедий. К сожалению, ныне все еще дают о себе знать человеконенавистнические великодержавные элементы, целые группы, которые хотели бы начисто завершить дело русских царей XIX века, т.е. обратить целые народы в небытие.

В результате осуществления политики геноцида, откровенной великодержавной политики царского самодержавия, от бывшего большого этнического массива - адыгов на исторической родине осталось всего около 2-х процентов. В ходе самой длительной и самой варварской Кавказской войны, которую вел русский царизм против кавказских народов, сотни тысяч адыгов погибли в бесконечных кровопролитных битвах за свою независимость, национальную свободу и при их насильственном переселении в далекую Турцию.

Весь мир признал варварскую политику царизма, проводившуюся по уваровской концепции "сомодержавие, православие, народность", геноцидом. Но только не нынешние защитники так называемой "русской идеи", заимствованной из арсеналов расизма, в борьбе с которым советский народ отдал миллионы жизней.

Народ адыгэ стал народом изгнанником, который ныне разбросан почти по 50 разным странам. В настоящее время на исторической родине, в России и в странах СНГ проживает около 600 тысяч адыгов, а в дальнем зарубежье - более чем в полустаях странах, более 3 миллионов человек, которые по своему национальному самосознанию считают себя адыгами. Это означает, что в дальнем зарубежье проживает 84 процента народа, а на исторической родине немногим более 16 процентов, т.е. шестая часть народа. Наверное, эти цифры красноречиво говорят о трагедии адыгов. Нельзя не отметить, что в настоящее время находятся горе-историки русской национальности, а попросту говоря, обыкновенные расисты, утверждающие, будто русский царизм не был экспансионистским. Говорят -его вынуждали непокорные "дикари". Ниже в своем грязном цинизме эти "господа" пасть не могут. Они стоят на дне помойной ямы расизма.

По разному сложились судьбы адыгов, оказавшихся на чужбине. Разбросанные по "множеству" стран, адыги политически и экономи-

чески поглощались чужеродной средой, что лишало их базы для создания и развития школ, прессы, книгопечатания национального искусства, литературы, родного языка, участия в развитии мировой науки и в мировом культурном процессе.

Однако народ выжил, хотя и с большими издержками, не умерла историческая память, она живет и крепнет постоянно. Сегодня, правда рождаются и донкихотские идейки собрать, чуть ли не в одночасье весь народ на его исторической родине.

Но здесь недопустим экстремизм. надо трезво оценивать отрадный факт, который мы наблюдаем сейчас: постоянную, все возрастающую тягу зарубежных адыгов к земле предков, постоянно усиливающийся интерес живущих на исторической родине в Республике Адыгея, Карачаево-Черкессии и Кабардино-Балкари к своим соплеменникам, проживающим в диаспоре.

Как один из первых и важнейших шагов возрождения былого большого народа Кавказа, мы считаем необходимым создать многотомный научный труд: "Адыги- история, этнография, культура".

Такое издание станет достойным памятником народу адыгэ с его многовековой историей аборигена Кавказа. Оно же послужит важным средством национальной консолидации всех адыгов России - стран бывшего СССР и дальней диаспоры, обогатит отечественную историческую науку.

Как важнейший шаг к этому, первое издание можно сосредоточить в следующих 8 томах:

1 том. Первобытно-общинный строй, возникновение классового общества на территории Северо-Западного Кавказа.

2 том. Зарождение и развитие феодальных отношений у адыгов (6-18 вв.).

3 том. Черкессия в экспансионистской политике великих держав в 18 - 19 вв. Кавказская война и национальная катастрофа адыгов.

4 том. Адыги в составе царской России (1864- 1917 гг).

5 том. Адыги в Турции: социально-экономическая история на чужбине (19-20 вв.).

6 том. Адыги в странах Ближнего Востока, в Европе и Америке (19-20 вв.).

7 том. Республика Адыгов в составе СССР и России (1917-2000 гг).

8 том. Культура адыгов.

Ныне издание восьмитомного труда об адыгах включено в план научно - исследовательских работ Адыгской (Черкесской) Международной Академии наук (АМАН). Автором этих строк представлен

проект плана-проспекта, который принят за основу.

В создании восьмитомного труда будут участвовать специалисты трех указанных республик, специалисты - кавказоведы России (Академии наук и университетов республик Кавказа). Особую очень важную часть авторского коллектива составят ученые - адыги, проживающие в Турции и арабских странах.

Исходя из того, что за прошлые десятилетия проделана большая научно - исследовательская работа, выросли значительные отряды ученых - историков, языковедов, литературоведов, социологов, этнографов и других специалистов, создание такого многотомного издания в течение предстоящих 5 - 6 лет представляется вполне назревшим и реальным.

Ахмадов Ш.Б. (Грозный)

О переселенческом движении в Северном Дагестане, Чечне и Ингушетии во второй половине XIX - начале XX в

Переселенческое движение в пореформенное время стало характерным явлением капиталистического развития России. Оно было связано, прежде всего, с образованием избыточного сельскохозяйственного населения в центральных губерниях России. Кризис, наступивший в крестьянском хозяйстве, видели и признавали сами представители правительственных кругов, принимались некоторые меры. Однако этих мер было недостаточно. Большая масса российских крестьян продолжала переселяться на окраины России - в Сибирь и на Кавказ.

Чтобы закрепить свои позиции на Северном Кавказе в 60 - 80 - х годах XIX в., царизм издает ряд законоположений по переселенческому вопросу. Судя по ним, и в пореформенный период в переселенческом деле сохранялась русификаторская политика. Так, в отчете заведующего Кавказским переселенческим комитетом недвусмысленно подчеркивалось, что "одной из основных целей переселения русских крестьян на Кавказ является, несомненно, усиление в крае русского элемента". (Куприянова Л.В. Города Северного Кавказа во второй половине XIX в., М., 1981, с. 144 - 145).

Проблема переселенческого движения в России и на Северном Кавказе является чрезвычайно сложной и многогранной. Исследовательский интерес к данной проблеме обусловлен ее актуальностью и малоизученностью. Историки советского периода, используя богатое наследие предшествующего поколения, расширили как источниковую базу данной проблемы, так и тематическую ее разноплановость (В.С. Гальцев, В.В. Фадеев, В.П. Невская, П.А.

Шацкий, Ф.П. Тройно, В.Г. Гаджиев, В.П. Крикунов, Н.П. Грищенко, Д.И. Исмаил - заде, Б.А. Трехбратов, Г.М. Кашежева, М.Х. Мансуров, В.П. Березов и др.).

В 80-х годах XIX в. переселенческий вопрос занимает видное место в аграрной политике правительства. 13 июля 1889 года вышел Закон о переселении крестьян, которому предшествовала работа правительственных комиссий, занимавшихся созданием основ переселенческой политики. Основное содержание Закона 13 июля 1889 г. в полной мере отразилось, в переселенческой политике царизма в отношении Северного Кавказа.

Переселенческое движение оказало заметную роль в росте населения Кавказа. Так, например, с 1868 по 1880 гг. оно увеличилось здесь на 300000 человек. С вводом в действие Владикавказской железной дороги население Терской области увеличилось с 1876 по 1896 гг. на 64 %.

Миграционные потоки идут на юго-восток, в долины рр. Терек и Сунжи, к побережью Каспийского моря, в Черноморскую губернию и другие районы. Железнодорожно-строительство оказывает влияние и направление миграции населения: если ранее основная масса переселенцев направлялась в сельские районы, то теперь значительная масса крестьян идет также и в города. Если до постройки Ростовско - Владикавказской железной дороги на Северный Кавказ переселялись из Центральной России в основном крестьяне среднего достатка, то к концу XIX-нач. XX в. удельный вес бедноты стал повышаться.

В рассматриваемое время переселение в Терскую область носило несколько иной характер. Данная область Северного Кавказа в отличие от Кубанской области и Ставропольской губернии, а также из-за отдаленности от Европейской России и отсутствия здесь свободных земель несколько подверглась переселению крестьян. Так, в 1898 г. во Владикавказском округе насчитывалось 137 дворов "иностранцев" (переселенцев) - 1023 человека, в Сунженском отделе - 437 дворов (2887 чел.), в Нальчикском округе - около 200 дворов, в Пятигорском отделе - 1370 дворов (10726 чел.), в Грозненском округе - 19 дворов (145 чел.), в Хасав - Юртовском округе - 232 человек, в Кизлярском отделе - 192 (1266 чел.). Всего в Терской области в 1898 г. насчитывалось 2309 дворов (17290 чел.). (Кашежева Г.М. Некоторые вопросы переселенческого движения в Терскую область в пореформенный период. Сб. ст. "Из истории феодальной Кабарды и Балкарии". Нальчик, 1981, с. 68).

В 80-х годах XIX в. во Владикавказском округе образовалось 8 населенных пунктов из 198 семей (1201 чел.) В Сунженском отделе в конце

XIX в. переселенческое население составило 610 семей (3406 чел.) В Нальчикский округ до конца 90-х годов XIX в. переселилось более 1000 семейств (5500 чел.). В станице Пришибской Сунжевского отдела в 1891 г. проживало 16 чел. переселенцев, в станице Карабулакской - 10 чел., в Александровской - 5 чел.; в Терской - 3 чел.; в станице Магомед-Юртовской - 12 чел., и т.д. В 1895 г. в Терской области проживало 92005 чел. переселенцев. (Кашежева Г.М. Ук соч., с. 73).

Все более нарастающий приток переселенцев в станицу Наурускую наблюдается в 1892 - 1900 гг. Так, в 1892 г. - население здесь выросло за счет переселенцев на 4869 чел., в 1893 г. - на 5189 чел., в 1894 г. - на 5554 чел., в 1895 г. - на 5954 чел., в 1896 г. - на 6281 чел., в 1897 г. - на 6578 чел., в 1900 - на 7076 чел. С 1893 по 1911 гг. население Сунжевского и Кизлярского отделов, а также Грозненского округа увеличилось более чем на 133000 чел., иногороднее население (переселенцы) увеличилось в это время на 103000 чел. Во второй половине XIX в. в Терской области образовались за счет переселенцев новые станицы: Незлобная, Лысогорская, Терская, Фельдмаршальская, Промежуточная и Нестеровская. (Терский календарь на 1912 г., Владикавказ, 1911, Ширяев С. Грозненская область, Грозный, 1955*с. 106).

В рассматриваемое время переселенческое движение в Хасав-Юртовском округе Дагестана приняло широкий размах. На территории округа русскими переселенцами и немецкими колонистами было образовано большое количество сел, хуторов и колоний. Достаточно сказать, что в конце XIX в. в округе насчитывалось около 4-х тысяч переселенцев, в 1901 г. их число увеличилось до 9687 человек. В 1902-1903 гг. в 96 селениях округа проживало 10371 чел., в 1909 г. - 14348 чел., а к 1915 г. их количество увеличилось и стало более 23 тысяч человек.

Все населенные пункты русских и других переселенцев округа образовывались, как правило, на надельной, частновладельческой и приобретенной в собственность земле (либо арендованной) при содействии Крестьянского поземельного банка. Так, в 1906 г. в 74 селениях округа проживало более 8060 русских и других переселенцев. Из них 2 села были основаны на надельной земле, 23 - на приобретенной в собственность, 49 - на частновладельческой. При этом русские переселенцы, как правило, оседали в крупных селениях на казенных землях, а немецкие колонисты - на землях, приобретенных в собственность, или на арендованных. Так, например, в 1908 г. на казенном Ямансуйском участке земли данного округа русскими переселенцами было основано селение Колюбакинское из 143 семей, а немецкими колонистами - селение Гофрунгсфельд из 51 семьи на приобретенной в собственность земле.

В конце XIX - нач. XX вв. иногородние крестьяне (переселенцы). социальный состав которых был далеко не однородным. сыграли большую роль в подъеме производительных сил края. Социальное расслоение среди иногородних достигло уже в тот период достаточно высокого уровня. Во - первых, иногородние составляли основу рабочего класса Терской области; во - вторых, иногородние - это интеллигенция Терека, его культурные силы, технические кадры; в третьих, иногородние крестьяне - это промышленная и торговая буржуазия Терека. Подавляющее большинство промышленных и торговых предприятий на Тереке принадлежало иногородним. Рабочий класс и интеллигенция из числа иногородних были сосредоточены в основном во Владикавказе, Грозном, Кизляре, Моздоке, Георгиевске, Пятигорске, Кисловодске, Нальчике, Хасав - Юрте и в других населенных пунктах. Около половины всех иногородних составляли крестьяне. Многие переселенцы, не имея возможности завести свое личное хозяйство, фактически превращались в батраков.

В целом же, русские переселенцы оказывали огромную помощь местному населению в их культурном и экономическом развитии.

Шигабудинов Д.М.
(Махачкала)

Переселенческая политика России на Северном Кавказе в первой половине XIX в

1. Переселенческая политика, проводившаяся российскими властями на Северном Кавказе, имеет достаточно глубокую историю. Начало ее относится к концу 70-х годов XVIII в. Но особенно активно она проводилась в течение XIX - начале XX вв.

2. Особое значение переселенческая политика приобрела в ходе подавления царской Россией народно-освободительного движения горцев Северного Кавказа в первой половине XIX в.

В этот период она осуществлялась "в форме казачества" (посредством устройства казачьих станиц в непосредственной близости от населенных пунктов горцев), а также в форме устройства военных поселений. Последние, выражаясь официальным языком того времени, служили для представления "заслуженным воинам оседлости умножения ими русского народонаселения в землях горских народов ..."

3. Проведение целенаправленной переселенческой политики привело к образованию взаимосвязанной цепи казачьих станиц и военных поселений. В тесной связи с русскими народными войсками

укреплениями и крепостями они позволили создать уже в конце XVIII в. на подступах к Кавказу мощную фронтальную линию, получившую название Кавказской. С этого времени и вплоть до окончательного завоевания Северного Кавказа суть переселенческой политики заключалась в постепенном перенесении этой линии, а точнее "дочерних" ей линий типа Терской, Кубанской, Лабинской, Лезгинской и др. в глубь гор, населенных северокавказскими народами.

4. Механизм перенесения кордонных линий вперед был довольно прост и он хорошо известен. Поначалу строилась цепь отдельных военных укреплений, при которых появлялись и военные поселения. Со временем, сообразуясь с успехами войны, старая линия военных укреплений переносилась вперед, оставляя в своем тылу территории, коренное население которых оставалась под контролем царской администрации и подчиненных ей военных поселенцев и казаков.

5. В качестве одного из примеров переселенческой политики можно рассматривать проект создания в начале 40-х годов XIX века передовой Сунженской линии. Согласно разработанному плану, вдоль рек Сунжи и Ассы предполагалось устроить кордонную линию из одиннадцати казачьих станиц, усиленную новыми военными укреплениями в Казак-кичу, Закан-Юрте и Чах-Кери. Казачьи станицы в основном располагались на самых удобных в сельскохозяйственном отношении землях левобережной Сунжи. 25 ноября 1842 г. генерал Граббе писал командующему на Кавказе генералу Головину Е. по поводу разрабатывающегося вопроса о разрешении надтеречным чеченцам, бежавшим в 1840 году к Шамилю, вернуться на старое место жительства: "Земли вдоль левого берега Сунжи, как назначенные уже под казачьи поселения, ни в коем случае возвращены быть не могут". И далее: "Земли надтеречных чеченцев, как без употребления находящиеся, можно возвратить обратно с тем, чтобы возложить на них охрану линии, а потом, находясь в тылу казачьих поселений, они быстрее придут к покорности".

6. Таким образом, главная задача переселенческой политики на Северном Кавказе первой половины XIX века заключалась в удовлетворении военно-политических интересов русского царизма: проведение с ее помощью широкомасштабных наступательных действий против горцев; постепенное стеснение их в глубине гор посредством колонизации равнин и предгорий русскими военными поселенцами и казаками, безусловное подавление политической воли горских народов, их хозяйственное и экономическое подчинение.

Движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х гг.

ХІХ в. в французской исторической литературе

1. Одной из задач неизбежного в условиях смены веков переосмысления истории движения горцев, как и других страниц прошлого, является “новое чтение” работ зарубежных авторов по проблеме. Рассмотрение их через привычную формулу “кривого зеркала” не только нарушает принцип объективности, но и лишает отечественную историографию важного источника знаний, возможности сопоставления различных точек зрения и подходов.

2. Французская историческая литература не содержит в себе значительных специальных исследований горской войны, какие включает англоязычная литература. Тем не менее, имея собственную источниковую базу (официальные дипломатические документы, мемуары) и возможность опираться на традиции национальной исторической школы, она вносит определенное своеобразие в освещение тех или других аспектов темы.

3. Предметом интереса французских исследователей стали прежде всего мотивы продвижения России на юг. Авторы ХІХ в. усматривают их то в престижных соображениях российских императоров (Э.Тексье, А. Дезессар), то - в выполнении цивилизаторской миссии (С.-Р. Тейандьс, Ж. де Казаль, Э. Дюлорье). Современные авторы выводят их чаще всего из закона неимпериалистической экспансий. По мнению Ф. Броделя, “количество разделяет мир, организует его”, “обычное правило заключается в том, что цивилизации выигрывают борьбу. Они одерживают верх над “культурами...” По его же словам, “в этом крае (в степях между Волгой и Черным морем - авт.) современная Россия строилась не на пустом месте, точно также как не без усилий и не без неожиданностей придется ей продвигаться в ХІХ в. на Кавказе и в Туркестане, вновь противостоя исламу”.

Отечественная историография правомерно акцентирует в этом вопросе уникальность российско-северокавказских отношений, совместное бытие кавказских и русского народов, многовековые связи между ними.

4. В официальных документах, литературе нашли отражение вопросы административного управления в мусульманских областях Кавказа. Представляют интерес в этом отношении суждения де Кастильона о характере власти в дагестанских обществах, охваченных российской управленческой системой. Хорошая администрация здесь была бы, по

его мнению, лучшим союзником России в плане притягивания народностей. Однако действующая административная структура слабо приспособлена к особенностям политической и религиозной жизни дагестанских народов, психологии местного населения. Как только захватывает эти провинции, пишет де Кастильон, Россия торопится отнять всякое влияние у ханов и беков, которые ими управляют. С одной стороны, она разрывает все связи, которые существовали между ними и населением, с другой - она оказывается бессильной заменить сильную и уважаемую власть, которую она сокрушила. Глубокое чувство справедливости и принцип равенства, которые составляют самое суть ислама, прямо противоположны строю, основанному на взяточничестве, привилегиях.

5. В центре внимания французских историков находится вопрос о характере движения горцев под руководством Шамиля. Большинство исследователей XIX в. определяет борьбу горцев как национальное движение. Его основные задачи состоят, с их точки зрения, в защите национальной свободы, консолидации народа. "Люди, которых Шамиль ведет в бой: - пишет С.-Р.Тейандье, - образуют отныне нацию, султаном и пророком которой он является".

Любовь к свободе рассматривается как черта национального характера, порожденного природой "неприступных гор", образом жизни обществ, "не знающих ни ханов, ни бсков". По представлениям Ж.Тексье, свобода для горцев - "высшая ценность".

Такая трактовка вопроса опирается на принципы романтической историографии, видящей в национальных движениях основное содержание общественных процессов.

6. Важное место в французской литературе занимает вопрос о роли религиозного фактора в движении горцев. Решая его, авторы XIX в. (Э.де Казаль, Э. Дюлорье) отождествляют борьбу горцев с религиозной войной, видят в ней результат мусульманского фанатизма северокавказских народов. При этом не учитывается то, что кавказский мюридизм преследовал не столько религиозные, сколько социально-политические цели. Современные исследователи (А. Беннигсен, И. Меликофф) определяют кавказский мюридизм как идеологию освободительного движения. Несобоснованным представляется для них имеющее место в российской литературе стремление отделить шамилевский мюридизм, оцениваемый как позитивный феномен, от "клерикального" и "неприятного" мистицизма.

7. В французской исторической литературе освещается в основном внешний аспект движения горцев Дагестана и Чечни в 20-50 -х

годах XIX в. (сопротивление российской экспансии). Что же касается его внутреннего аспекта, связанной с антифеодальной борьбой, то он не нашел в ней адекватного отражения. Отечественные кавказоведы исходят, как правило, из идеи о единстве антиколонизаторских и антифеодальных начал в движении горцев.

8. Обзор французской литературы свидетельствует о существенных различиях в оценке зарубежными и отечественными исследователями многих кардинальных проблем истории борьбы горцев, в частности проблем мотивов продвижения России на юг, интерпретации национально-освободительной войны, идеологической основы движения, роли религиозного фактора в нем, истории возникновения и распространения мюридизма. Учет всех существующих точек зрения - их сравнительный анализ - важное условие дальнейшего развития историографии вопроса.

Баглиев З. Д.

(Махачкала)

Социально-экономические последствия переселенческой политики в Дагестане (на материалах селения Куруш)

Член Императорского Русского Географического общества А.В. Пастухов летом 1892 г. совершил восхождение на горы Шах-Лаг и Базар-Дюзи. Сопровождали его шесть всадников дагестанского конных регулярного полка: Газияв Хитинау - житель сел. Хунзах, Мама Расулов - Бир - Магомасв - сел. Кудали, Шангарей Шамаршов - сел. Дарада, Хаджи - Магома Алибутаев - сел. Хунзах, Исаклав - сел. Мехельга и Арбули Пики - Магома - сел. Малый Дженгутай.

Его описание села за редким исключением соответствует реальности. Пастухов отмечает, что целью его поездки было посещение двух высочайших аулов на Кавказе: Чирах и Куруш и восхождение на вершину горы Шах-даг.

Куруш высочайшее селение в Европе лежит на южном отроге Шалбуз-Даг, в 82 км. от Каспийского моря, в 56 км. от г.Кубы и в. 115км.от Дербента.

В тот период в сел. функционировали пять мечетей, работали три молла. Ни светских, ни духовных школ в селе не было. Каждый молла учил мальчиков у себя дома. Грамотных, знающих арабский язык и Коран в сел. было 20 чел.

Главным занятием курушцев было скотоводство, от него зависело и их благосостояние. Селение являлось самым богатым во всем Самурском округе. Скот распределялся по отдельным хозяйствам так: у самого богатого хозяина было: лошадей - 100, ослов - 20, крупного рогатого скота 35-40, овец и коз - 2000 - 2500 голов.

По переписи 1886г. всего в Куруше было 2200 голов крупного рогатого скота, 1800 лошадей, 71500 голов овец и коз.

Пастбищных земель было очень мало, им приходилось арендовать у казны почти всю долину реки Шах-Набат с ее альпийскими дугами. Арендная плата за зимние пастбища, а располагались они в Кубинском, Геокчайском и Нухинском уездах - составляла 10 коп. за овцу, а на летних - 5 коп.

На зимние пастбища отправлялись они в начале сентября и возвращались в первых числах мая, т.е. через восемь месяцев и только четыре месяца с небольшим пользовались летними пастбищами.

В XVII- начале XVIII вв. народы Дагестана неоднократно объединялись для совместной борьбы с завоевателями. В 1718-1721гг. под предводительством Дауд-бека Мушкорского они изгнали из прибрежных земель персидских притеснителей и захватили г.Шемаху. Угроза захвата Прикаспия со стороны Ирана и Турции оставалась, а это привело к вмешательству России. Поход Петра I (1722 - 1723гг.) закончился недолговременным присоединением этих районов к России.

В этот и последующие периоды присоединения Дагестана и Азербайджана к России многие курушцы, учитывая экономическую выгоду, переселились в прибрежные районы и основали ряд новых поселений: Аваран, Цейихуър. Эти данные говорят о том, что значительная часть курушцев, загнанных на вершины гор в период распада Кавказской Албании, нашествий арабов, монголов и других восточных завоевателей, при благоприятных исторических условиях стремились вновь спуститься на плоскость.

В 1868г. около 90 хозяйств из Куруша переселись в Геокчайский и Нухинский уезды Азербайджана и образовали там самостоятельные селения (Пирли, Сефероба, Пиресен, Эмирван и др.), в Кубинском уезде селения Каладжух, Агъял и др. В 1886г. в Куруше было 718 хозяйств с населением - 4750 человек. В начале 1941г. 112 хозяйств из Куруша переселились в Хачмасский район Азербайджана и образовали самостоятельные селения - Агъял, Бурхан.

В 1952г. почти все жители села переселились на территорию Хасавюртовского района.

Следует говорить о целесообразности и необходимости переселения в этот район. От кого исходила инициатива, почему не в Юждаг и т.д. По существу это было не добровольное переселение, депортация, многие вернулись обратно. Новые документы, обнаруженные в архивах, проливают свет на это.

В трех объединенных колхозах в 1952 насчитывалось овец более 100 тысяч, 50 тысяч голов в частном секторе, 3100 голов крупного рогатого скота.

около 4000 лошадей. А теперь ?

Болохина Н И (Махачкала)

К вопросу об аграрной реформе в Дагестане

1. Аграрный вопрос всегда был главным в России и ни одна реформа в прошлом не была доведена до конца. В доперестроечные годы сельское хозяйство России, в т.ч. Дагестана, топталось на месте, наблюдались тенденции к спаду. После распада СССР общество охватил всеобщий кризис, который наиболее глубоко проник в сельское хозяйство. В Дагестане, являющимся аграрной республикой, земельный вопрос встал наиболее остро из-за специфики рельефа и малоземелья. Отдельные национальные движения, используя остроту проблемы, стали использовать возникшие трудности в политических целях, пытаясь пересмотреть сложившуюся в годы Советской власти систему землепользования в наиболее благоприятных равнинных районах Дагестана. Не менее жаркие споры разгорелись по вопросу о земле. Одни политики считают, что необходима частная собственность на землю, возможность ее купли-продажи. Другие полагают, что в условиях малоземелья Дагестана частная собственность на землю не приемлема и достаточно ее передать в пожизненно наследуемое владение. Есть среди аграрников и яркие приверженцы колхозно-совхозного строя.

2. В феврале 1990 года был принят документ "Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о земле", положивший начало проведению аграрных преобразований. В декабре 1991 г. Президент РФ подписал указ "О необходимых мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР" и в том же году Правительство РФ приняло постановление "О порядке реорганизации колхозов и совхозов". С принятием этих документов появилась правовая основа для реформирования сельского хозяйства.

3. Цель реформы состояла в том, чтобы поднять сельское хозяйство на более высокий уровень, вдохнуть в него новую силу за счет повышения заинтересованности в труде сельского производителя. Для этого предполагалось передать в собственность крестьян средства производства, а землю в пожизненно наследуемое владение, создать на селе многоукладную экономику и рыночные конкурентные отношения, которые бы стимулировали рост производства. Реформирование сельского хозяйства началось сверху и вопреки правительственным ожиданиям крестьянство не бросалось брать землю, а предпочло эволюционные изменения, о чем свидетельствуют медленные темпы реформы.

4 В Дагестане процесс реформирования начался в феврале 1991

года с принятием постановления Совета Министров РД "Неотложные меры и о порядке реорганизации колхозов и совхозов", согласно которому необходимо было провести реорганизацию колхозов и совхозов и определить статус этих хозяйств. Вместе с тем, предполагалось разделить земли, находящиеся в пользовании колхозов и совхозов на земельные паи, которыми наделялись бы крестьяне в качестве пожизненно наследуемого владения; все основные и оборотные средства хозяйств должны были быть разделены на имущественные паи в зависимости от трудового вклада колхозника или рабочего совхоза.

5. В Дагестане реформа пошла вяло и на сегодняшний день из 775 сельскохозяйственных предприятий, сохранились в прежнем виде 450 колхозов (58,4 %) и 267 совхозов (34,5 %). В результате реорганизации колхозов и совхозов образовано 25 акционерных обществ, 8 сельхозкооперативов, 6 новых совхозов и 21 малое сельскохозяйственное предприятие, зарегистрировано более 16 тыс. фермерских хозяйств. Основу на селе составляют прежние колхозы и совхозы, среди которых лишь немногие сохранили управляемость и ведут устойчивое производство. К ним относятся колхоз "Вперед", совхоз "Мелиоратор" Кизлярского района, колхоз "Какашуринский" Карабудахкентского района, совхоз Алиева Дербентского района и некоторые другие. Однако большинство колхозов и совхозов находятся на грани окончательного развала. Из 706 сельскохозяйственных предприятий 445 закончили 1996 год с убытками в 38,9 млрд. руб., что в среднем на одно хозяйство составляет 86 млн. руб.

6. Создание фермерских хозяйств - одно из главных направлений реформы. На сегодня зарегистрировано в Дагестане более 16 тыс. фермерских хозяйств, но они дали в 1996 г. 4,4 % валовой продукции, т.к. эти хозяйства в большинстве своем существуют только на бумаге, и практически не занимаются сельхозпроизводством. Причины нестабильности этой новой формы хозяйства состоят в отсутствии льготного кредитования, недостаточности средств для обработки земли, невозможности конкурентной борьбы с крупными товаропроизводителями. Среди реформированных колхозов и совхозов, принявших статус (общества с ограниченной ответственностью, сельхозхозяйственные кооперативы и т.д.) в настоящее время не произошло роста сельхозпроизводства.

7. Таким образом, в целом социальных и экономических потерь от реформы пока что больше, чем приобретений. По сравнению с 1990 годом объем валовой продукции сельского хозяйства Дагестана в 1995 году сократился в 3 раза. Надежды вызывает традиционно сложившееся личное подсобное хозяйство, в котором объем валовой продукции за

этот же период возрос на 32 %, именно эти товаропроизводители обеспечивают республику овощами, плодами, мясом, молоком, шерстью

8. В настоящее время разработана "Республиканская целевая программа стабилизации и развития агропромышленного производства в Республике Дагестан на 1999-2000 годы". Цель программы состоит в том, чтобы вывести аграрную экономику из кризисного состояния, возобновить рост производства сельскохозяйственной продукции, повышение экономической эффективности аграрно-промышленного производства, социальное обновление села. Эта программа будет осуществляться в два этапа. На I этапе (1996-1997 гг.) будут созданы необходимые экономические, нормативно-правовые и организационные условия для восстановления производственного потенциала, развития аграрной реформы, создания системы государственного регулирования с тем, чтобы на этой основе преодолеть кризис агропромышленного комплекса. На II этапе (1998-2000 гг.) предполагается активизировать инвестиционную деятельность, завершить земельные преобразования, применение эффективно-сберегательных технологий, усиление конкуренции, развитие предпринимательской инициативы.

9. Республиканская целевая программа наметила перспективы роста сельскохозяйственной продукции с тем, чтобы обеспечить спрос производителя. К 2000 году намечено произвести зерна в республике не менее 400 тыс. тонн, картофеля - 168 тыс. тонн, овощей - 196 тыс. тонн, винограда - 150 тыс. тонн. В 2000 г. потребность сельского хозяйства в минеральных удобрениях составит 50 тыс. тонн, тракторах - 12 тыс. штук, зерноуборочных комбайнах - 2 тыс. штук. В программе планируется введение системы капельного орошения на площади 800 га, а затраты на ее строительство составят 4 млн. долларов. К 2000 году предполагается спад производства мяса, включая супродукты, увеличение производства животного масла, сыров, кондитерских изделий, продукции консервной промышленности, виноматериалов и др.

Юнусова П.С. (Махачкала)

Изучение переселенческой политики в исторической науке Дагестана

Наиболее сложной проблемой в Дагестане была и остается проблема обеспечения населения земельными ресурсами. Эта проблема усугубляется низкой обеспеченностью пахотопригодными землями, территориальной диспропорцией в размещении сельхозугодий и трудоспособного населения, а также отгонным характером

животноводства.

Пробладающая часть земель сельскохозяйственного назначения в 20-е годы XX века приходилась на равнинную зону (67 % всей пашни, 74 % всех пастбищ), в то время как здесь проживало около 30 % всего населения Дагестана.

Из-за нехватки пастбищ в горной зоне летние и зимние пастбища арендовались не только внутри Дагестана, но и за его пределами (в Азербайджане, Грузии и Терской области). Жители равнины также прибегали к аренде летних пастбищ в горах. Сокращению площадей сезонных пастбищ способствовало изъятие у местного населения земель для передачи их крестьянам из центральной России. Таким образом царское правительство пыталось решить аграрный вопрос в годы столыпинской реформы.

Проблему аграрной перенаселенности гор можно было решить:

- путем перераспределения земли в горах, более рациональным использованием земельных и трудовых ресурсов;
- переселением части крестьян с малоземельных районов в сравнительно многоземельные и малонаселенные.

Практическое применение в земельной реформе нашел второй путь. Переселение на плоскость осуществлялось в три этапа.

Первый этап начался в 20-е годы. К 1928 году было образовано 26 поселков, куда переселилось около 8 тысяч человек из горных районов. Наряду с переселением, горцам были отведены на равнине земли для отгонного животноводства, т.е. закреплены кутаны за животноводческими колхозами.

Второй этап переселения горцев на равнину был проведен в 1944-1945 гг. и был связан с выселением чеченцев, ингушей и ауховцев из ЧИАССР и ДАССР. Более 17700 хозяйств из малоземельных районов Дагестана было переселено в ЧИАССР и Ауховский район Дагестана. В тот же период в Хасавюртовский район были переселены жители Кяхулая, Тарки и Альбурикета.

Третий этап переселения начался с 1956 года. Государство предоставило переселенцам значительные денежные ассигнования, налоговые и другие льготы. Приусадебные участки, выделяемые переселенцам по своим размерам, превышали размеры участков, выделяемых местным жителям. В связи с реабилитацией чеченцев, ингушей и ауховцев (в 1957 г.) в Дагестан возвратились более 5109 чеченских семей из ЧИАССР.

Сильные землетрясения, которые произошли в Дагестане в 1966 и 1970 гг. также способствовали переселению еще 10 тысяч семей из горных районов на равнину.

В процессе переселения на равнине было организовано 76 новых населенных пунктов, создано 100 новых совхозов и колхозов. Численность переселенцев по оценкам некоторых ученых составила около 250 тысяч человек.

В процессе земельно-водной реформы (1929-1950 гг.) хозяйства горных и некоторых предгорных районов получили значительные наделы земель на равнине. По мере строительства оросительных систем определенная часть кутанных земель стала использоваться также в земледелии, главным образом для полевого кормопроизводства. Эта мера позволила в определенной степени возместить дефицит земли в горах, а также вовлечь в сельскохозяйственный оборот сравнительно слабозаселенные равнинные земли, что сыграло определенную роль в развитии сельского хозяйства республики.

Вместе с тем, появление возможностей расширения обрабатываемых площадей на кутанных землях привело к возобладанию экстенсивного пути в развитии сельского хозяйства. С получением в землепользование ценных земельных угодий на равнине для многих колхозов и совхозов горных районов оказалось экономически невыгодным продолжение обработки определенной части террасовых и склоновых земель. Это привело к выводу из сельскохозяйственного оборота в горах свыше 100 тыс. га пашни, что составляет около 20 % всего пахотного фонда республики. В результате в горах появились заброшенные аулы.

Кроме того, вплоть до середины 1970-ых годов официальные органы и средства массовой информации пропагандировали ошибочную, на наш взгляд, точку зрения об отсутствии перспективности развития горных, особенно высокогорных районов республики. Проводилась целенаправленная политика по переселению горцев на равнину. В результате, развитие производительных сил на территории горных районов было явно задержано.

Преобладание административных подходов при проведении земельно-водной реформы привело к тому, что пастбища многих хозяйств оказались разбросанными в различных районах равнинного Дагестана. Другая проблема - чересполосица, особенно характерная для равнинных районов, где наблюдается беспорядочное переплетение землепользователей собственно равнинных колхозов и совхозов и кутанных земель хозяйств горных и предгорных районов. Так, например, в Бабаюртовском районе расположены 162 хозяйства 20 горных районов. Еще одна проблема - мелкоконтурность угодий, обусловленная разбросанностью кутанных земель и чересполосицей.

В результате проведения такой переселенческой политики коренные

жители превратились в национальные меньшинства на их исконной этнической территории. Так по переписи 1926 г. на территории Кумыкской равнины кумыки составляли более 60 % населения, а по итогам переписи 1989 г. - около 22 %.

Исследования Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН показывают, что процесс переселения сопровождался деэтнизацией, частичной утерей функциональной роли родных языков, миграцией части коренного населения. Так в 1970 г. за пределами Дагестана проживало более 10,5 % кумыков, а в 1989 г. - 16,4 %.

Вследствие выделения больших земельных площадей для переселенцев сократился земельный фонд равнинных районов. Так в собственности прикутаных хозяйств на равнине находится около 43 % земельных угодий. В Бабанюртовском районе в распоряжении коренного населения находится лишь 14 % сельхозугодий. С образованием нового Новолакского района севернее г.Махачкалы это положение более усугубится и может вызвать социальную напряженность в регионе.

По принципам международного права и в частности согласно Конвенции № 107 коренной народ обладает преимущественным правом на территорию и ресурсы. •

Для снятия проблемы, связанной с изъятием земель, необходимо, чтобы такие решения согласовывались с администрациями районов, в пользовании которых находятся земельные участки. С целью прекращения дальнейшей миграции населения горных районов на равнину нужно придерживаться Хельсинского соглашения государств Европы, в котором говорится о том, существующие территориальные границы берутся за основу и не должны подвергаться дальнейшим изменениям.

Необходимо изменить существующее на сегодня экономически неоправданное перераспределение земельного налога (60 % - в бюджет района, на территории которого расположены земли и 20 % - в бюджет республики), которое не стимулирует районы, на территории которых находится значительное количество прикутаных земель. Более эффективным в этих условиях, на наш взгляд, является расширение института аренды земли при объективной рентной ее оценке и экономически обоснованных ставках земельного налога.

Проблемы историографии культуры Дагестана новейшего времени

1. Первые труды о культуре и проблемах культурного строительства в Дагестане в новейшее время носили преимущественно прикладной характер, а значительная их часть принадлежала руководителям партийных и государственных структур республики 20-х гг. XX в. (Дж. Коркмасов, С. Габиев, А. Тахо-Годи, Н. Самурский, М. Далгаз, Л. Ефременко и др.). Объектом изучения и освещения в тот период служили актуальные вопросы создания и развития письменности, школьного и национально-языкового строительства, ликвидация массовой неграмотности, развитие издательского дела и системы здравоохранения, повышение политической культуры и культуры быта населения, санитарно-гигиенического состояния городов и сельских населенных пунктов и др.

2. После организации Дагестанского научно-исследовательского института (1924 г.) изучение вопросов культуры и национально-культурного строительства в республике получило более целенаправленный и планомерный характер. Под эгидой научно-исследовательского института организовались экспедиции ученых центральных научных учреждений и вузов по изучению культурного наследия, языков и других сфер духовной жизни дагестанцев, имевшие не только большое научно-познавательное, но и огромное практическое значение для решения конкретных задач образования и культуры (Н. Марр, И. Орбели, Н. Яковлев, Л. Жирков, А. Генко, Н. Бакланов, А. Башкиров, Е. Шиллинг и др.). Над исследованием проблем культуры и решением практических задач культурного строительства активно трудятся представители дагестанской многонациональной интеллигенции (И. Абдуллаев, А. Алкадарский, Х. Гаджиев, С. Омаров, А. Бейбулатов, М. Темирханов, А. Скрабе, Г. Гаджиев, Н. Тарасевич, П. Ковалев и др.).

3. Прогресс культуры, и не только ее, напрямую был связан с решением крайне сложной для многонациональной республики проблемы национально-языкового строительства. Именно вокруг нее развернулась острая дискуссия в партийно-государственных структурах, среди научной и педагогической общественности, да и населения, продолжавшаяся вплоть до начала 30-х годов.

4. В 30-е годы в местной, региональной северокавказской и центральной периодической печати появилось множество статей по проблемам образования, культуры, науки и искусства Дагестана. Однако дагестанская историография не располагала еще ни одним специальным монографическим исследованием, посвященным не только комплексному

изучению культуры, но и разработке ее отдельных составляющих.

5. Лишь после окончания Великой Отечественной войны появились первые монографические труды обобщающего характера по истории культуры Дагестана нового и новейшего времени. В 1950 г. А.А. Абилов публикует статью, а спустя три года защищает кандидатскую диссертацию, в которой рассматривает вопросы о роли Коммунистической партии в осуществлении культурной революции в Дагестане, а затем издает ее в виде монографии.

Вслед за книгой А.А. Абилова, появляются работы Ш.Д. Хасбулатова, А.И. Эфендиева, Г.Ш. Каймаразова, монография А.А. Абилова "Очерки истории советской культуры народов Дагестана", большой обобщенный материал в соответствующих главах "Очерков истории Дагестана".

6. В 60-е и последующие годы историография культуры новейшего времени обогатилась рядом крупных монографических исследований, коллективных трудов, в которых с использованием разнообразных архивных и других документальных материалов освещались практически все важнейшие вопросы проблемы. (А. Абилов, Г. Каймаразов, А. Эфендиев., А. Исмаилов, Ш. Магидов, Д. Магомедов и др.)

К середине 80-х годов были защищены четыре докторские и более 20 кандидатских диссертаций, посвященных истории и актуальным проблемам народного образования, формирования национальной интеллигенции, развития художественной культуры, культуры дагестанского села. Широким фронтом проводились исследования о материальной культуре дагестанцев, появились исследования о развитии средств массовой информации и распространения культуры.

Следует однако признать, что труды по истории культуры, выполненные в этот период, страдают известной односторонностью в освещении историко-культурных процессов, в них в приукрашенном виде излагаются достижения в культурном строительстве, тогда как о недостатках, ошибках и деформациях в этой сфере говорится бегло или вовсе умалчивается.

7. Новый этап в изучении отечественной культуры новейшего времени начался во второй половине 80-х годов в связи с осуществлением курса так называемой перестройки, а в последующем и радикальных реформ в экономической, политической и духовной сферах. Процесс исследовательской деятельности в области культуры развивается в новых условиях сложно и противоречиво. С одной стороны, - расширение гласности, открывшее ученым доступ к ранее закрытым архивным материалам, возможности для более полного и углубленного изучения предмета исследования, освещения сюжетов, событий и фактов, которые считались запретными в условиях господства государственно-

социалистических, административно-командных форм и методов управления общественными науками. С другой, - все отчетливее проявляющееся нигилистическое отношение некоторой части исследователей, в том числе - историков, к бесспорным достижениям страны, ее регионов в области культуры при советской власти.

Важнейшей задачей отечественной исторической науки является, по нашему мнению, объективное, свободное от конъюнктурных соображений освещение историко-культурного процесса, руководствуясь принципом строго научного историзма, для которого чужды как искусственное приукрашивание исторических явлений, событий и фактов, так и отрицание и очернение реальных достижений. Сегодня историк располагает достаточно богатой источниковой базой для изучения истории культуры Дагестана новейшего времени. Дело за тем, чтобы он честно и серьезно относился к анализу и оценке документальных источников, памятуя, что фальшь в их толковании не может не сказаться негативно не только на развитии исторического знания, но и общественного сознания.

Булатов Б.Б., Ибрагимов М.-Р.А.

(Махачкала)

Изучение уровня социально-экономического развития Дагестана конца XIX - начала XX в. в трудах исследователей

Рубеж XIX и XX вв. - один из сложных и интереснейших периодов истории Дагестана, богат коренными социально - экономическими преобразованиями. В начале в равнинном, а затем в значительной части горного Дагестана происходит постепенная ломка, разложение традиционных феодально - патриархальных устоев, усиливается проникновение российского и иностранного капиталов и товарно - денежных отношений, все теснее приобщается Дагестан к российской экономике. Все эти и другие изменения в социально - экономической и культурной жизни населения Дагестана дореволюционными, советскими и современными исследователями описывались и оценивались не одинаково. Серьезным недостатком трудов некоторых историков по - прежнему остается некритический, необъективный подход к анализу явлений этого периода.

По степени изученности проблемы уровня социально - экономического развития народов Дагестана в конце XIX - начале XX вв. в исследованиях выявляются отчетливо пять основных периода: 80-

е годы XIX - начало XX вв.; 20-е - до конца 30-х годов; с 1941 до середины 50-х годов; с середины 50-х годов до 1985 г., современный период историографии - вторая половина 80-х - до наших дней. В рамках первого периода особый интерес представляют работы российских военных историков и других исследователей, освещающих историю русско-кавказских отношений (Н.Ф. Дубровин, А.Л. Зиссерман, А. Гассиев, Е.И. Козубский и др.). В их трудах политика царизма на Северном Кавказе заметно идеализируется, архаизирован уровень экономического и политического развития Дагестана. Большинство авторов работ, опубликованных в 80 - 90-е гг. XIX в., утверждают о господстве феодальных черт исключительно во всех областях общественной и экономической жизни Дагестанской области.

Несомненно, что в угоду правящим кругам России А. Белобородовым, П.В. Гилядуновым, Н.П. Тульчинским, П. Гавриловым, В. Линденом и другими исследователями выдвигалась "теория свободного от антагонизмов родового строя", согласно которой горцы представляли перед миром в качестве невежественных, темных и диких туземцев, которых надлежало "цивилизовать".

Подобные взгляды были характерными и для трудов кавказоведов великодержавно-монархического направления русской военной историографии, в частности, Р.А. Фадеева, В. Потто, Е.Л. Маркова. Так, Р.А. Фадеев видел в лице горцев "хищников", сохранивших "в своих бездонных ущельях первобытный образ... как сохраняются остатки старины в могилах.

Заметным шагом вперед в изучении интересующей нас проблемы явились исследования известного историка-марксиста М.Н. Покровского. В своих трудах он подверг острой критике исследования, искажающие Северо-Кавказскую действительность конца XIX - начала XX вв., показал захватнический характер политики царского правительства; при этом присоединение Кавказа к России однозначно оценивается им как абсолютное зло для нерусских народов.

В 20-е годы появляется ряд исследований, посвященных изучению социально - экономических и культурных процессов в Дагестане. Среди них прежде всего следует отметить работы Н. Самурского, А. Тахо-Годи, Н. Яковлева, Н. Бакланова, Е. Шиллинга, А. Скачко, в которых уделяется внимание социально - экономическому развитию города и села с конца XIX и до начала 20-х годов XX в. Правда, авторы продолжали придерживаться ошибочного мнения о том, что накануне октябрьских событий 1917 г. в Дагестане господствующими оставались якобы патриархально - родовые отношения, расслоения горского крестьянства не наблюдалось, то есть были приверженцами пресловутой "теории родового строя". Например,

Н. Самурский утверждал, что горцы Дагестана подошли к Октябрьской революции "с нетронутым от веков, окаменевшим патриархально - родовым бытом".

Отдельные аспекты социально - экономического развития Дагестана в различные периоды рассматриваются в исследованиях, вышедших в 50-60-е годы. Среди них труды И.Р. Нахшунова, А.Г. Мелешко, Р.М. Магомедова, Х.О. Хашаева, В.Г. Гаджиева, Г.Д. Даниялова, Г.И. Милованова, А.С. Гаджиева, А.А. Надирадзе и др. Авторы на основе анализа обширного материала пришли к заключению, что в пореформенном Дагестане, особенно к началу XX в., заметно проникновение капиталистических отношений в экономику, отчетливо проявляются новые веяния в социальных противоречиях. Таким образом, мы видим, что исследователи сделали шаг вперед в изучении актуальной проблемы.

Однако глубокого анализа социально-экономических отношений в Дагестане в исторических трудах, выполненных в рассматриваемые годы дать не удалось. В них не хватает и опирающихся на достоверный фактический материал обобщений.

Серьезный шаг в разработке проблемы сделан историками Г.Г. Османовым, Х.Х. Рамазановым, А.И. Алиевым, С.М. Гасановым, А.И. Османовым, А.Д. Данияловым. Особо следует выделить труд Г.Г. Османова, который отмечал, что капитализм, проникая в дагестанский аул, произвел переворот во всем социально - экономическом укладе, в общественных отношениях. По его мнению, в конце XIX - начале XX в. "общественно - экономическое отношения свидетельствовали о наличии всех противоречий, свойственных товарному хозяйству. Крестьянство распалось на экономические группы, резко отличающиеся друг от друга".

Ряд обобщающих исследований, посвященных исключительно истории Дагестана, или Северного Кавказа имеет непосредственное или близкое отношение к изучаемой теме. В этом плане большой интерес представляют "Очерки истории Дагестана" в двух томах, четырехтомная "История Дагестана" и вышедшие тома "Истории народов Северного Кавказа". В соответствующих разделах изданий рассмотрены и аспекты социально - экономических отношений.

Заметным вкладом в изучение социально-экономических отношений в дагестанском ауле явилась публикация Институтот ИАЭ ДНЦ РАН многопланового коллективного труда "История советского крестьянства Дагестана. 1917 - 1980 гг." В 2-х частях. В первом томе "Советское крестьянство Дагестана в 1917 - 1941 гг" показаны многогранные сферы крестьянской жизни: производственная деятельность, вклад в освоение

природно-сырьевых ресурсов, в развитие производительных сил, многовековой сельскохозяйственной опыт, духовная и материальная культура.

В 80 - 90-е годы появились многочисленные публикации, в основном научно - популярного характера, затрагивающие некоторые аспекты проблемы уровня социально- экономического развития народов Дагестана рубежа XIX и XX вв. В трудах и очерках этих авторов нередко встречаются полярные точки зрения в оценке рассматриваемой проблемы: от попыток архаизировать дагестанское общество того времени до его модернизации и идеализации.

Таким образом, к сожалению, в исторической литературе продолжает бытовать распространенное мнение о том, что в Дагестане вплоть до начала 20-х годов XX в. сохранялись и функционировали патриархально-родовые институты и господствовали феодально - зависимые отношения. Если дореволюционные исследователи архаизировали дагестанское общество в целях пока за "цивилизаторской миссии" царизма на Кавказе и, в том числе в Дагестане, то в советский период это делалось с целью оттенить "темное прошлое" и показать достижения и успехи Советской власти. В постсоветский период появляется другая крайность в оценке состояния Дагестана - модернизация и даже идеализация дагестанского общества досоветского времени.

Гаджиев А-Г.С.
(Махачкала)

Гражданская война в Дагестане (Вопросы историографии)

Определение гражданской войны. По этому вопросу среди историков, обществоведов нет единого мнения. В Советской исторической энциклопедии гражданская война характеризуется как "Яркое проявление классовой борьбы" (т.4,с.187). В Большой Советской Энциклопедии гражданская война определяется как "организационная вооруженная борьба за государственную власть между классами и социальными группами внутри страны". (т.4,с.218). Основной недостаток этих определений в том, что они основаны на классовом подходе к изучению гражданской войны, игнорирован общечеловеческий подход. В этих определениях ставится знак равенства между классовой борьбой и гражданской войной, в то время как последняя шире чем классовая борьба. В гражданской войне за государственную власть участвуют не только классы, социальные группы. Как об этом свидетельствует история

гражданской войны в Дагестане, на ее начало и ход большое влияние оказали религиозные и национальные, патриархальные особенности Дагестана.

О начале гражданской войны в Дагестане существуют различные мнения. По мнению одних историков она началась с Февральской революции, а другие начало гражданской войны связывают с Октябрьской революцией.

В исторической литературе до последнего времени гражданская война в России в 1918-1920 годах характеризовалась как борьба рабочих и крестьян под руководством Коммунистической партии за защиту завоеваний Октябрьской революции.

Когда началась гражданская война в России, в ее составной части - в Дагестане? И в этом вопросе так же существуют различные мнения. Ее начало одни связывают с Февральской революцией, другие с Октябрьской.

Если исходить из того, что гражданская война является "Ярким проявлением классовой борьбы", действительно после победы Февральской революции в развитии классовой борьбы в Дагестане наступил новый период, обострились противоречия между крестьянами, помещиками, между раятами и беками. Впервые в истории Дагестана раяты в массовом порядке захватывали бекские земли.

После победы Февральской революции наступил новый период, и в развитии борьбы рабочего класса в городах Дагестана. Рабочие боролись не только против предпринимателей, за 8 часовую рабочую неделю, за увеличение заработной платы. Рабочие боролись так же за торжество демократических порядков, устанавливали контроль над производством и распределением.

После победы Октябрьской революции гражданская война в Дагестане приобретает новый характер. В новых условиях центральное место занимают декреты советской власти о национализации земли, промышленных предприятий. Усиливается борьба за отделение Дагестана от Советской России.

Во всех опубликованных работах период от Февраля к Октябрю характеризуется с ошибочных позиций как период борьбы за установление Советской власти в Дагестане. При этом игнорировалось значение национально-освободительной борьбы народов Дагестана, считая ее националистической, пантюркской, панисламистской.

В марте 1918 г. гражданская война в Дагестане приобретает более ожесточенный характер. На исход борьбы в этот период решающее влияние оказали внешние силы, действия красновардейских отрядов из Баку и Астрахани, приведшие к установлению Советской власти в

городах и четырех округах Дагестана. Значительные слои населения области выступали против Советской власти, стремились к буржуазно-демократическим порядкам.

На ход гражданской войны в Дагестане значительное влияние оказало наступление с юга отряда, возглавляемого Л. Бичераховым. В результате Советская власть в Дагестане временно пала. Дашнакские силы, имевшиеся при Бичерахове, придали его действиям религиозный, антимусульманский характер, еще более обострили обстановку в Дагестане. При сложившейся обстановке Дагестан не располагал собственными силами, чтобы ликвидировать власть Бичерахова. Дагестанский областной исполком, областной милли обратились за помощью к Турции. Усилиями трудящихся Дагестана и турецких войск в ноябре 1918 г. бичераховцы были разгромлены. В Дагестане образовалось Горское правительство. Помощь Турции народам Дагестана историки характеризовали как интервенцию с целью завоевания Дагестана.

В результате оккупации Дагестана белогвардейской армией ген. Деникина борьба дагестанцев приобретает ярко выраженный освободительный характер. За влияние на массы боролись различные общественно-политические силы. Большевики стремились использовать борьбу народов Дагестана для установления Советской власти. Горский меджлис стремился к восстановлению Горского правительства, ликвидированного деникинцами.

В 1919-1920 гг. народы Дагестана боролись против белогвардейской армии Деникина за установление демократических порядков с соблюдением шариата, адатов.

С помощью частей Красной Армии большевики в конце марта 1920 г. установили в Дагестане Советскую власть.

Продолжением гражданской войны в Дагестане явилось антисоветское восстание, возглавляемое имамом Н. Гоцинским. Оно продолжалось с сентября 1920 г. по апрель 1921 года. Восстание, в котором принимали участие широкие слои населения ряда горных округов, носило антисоветский характер. Совместными усилиями краснопартизанских отрядов и частей Красной Армии восстание было подавлено.

Большой вклад в изучение истории борьбы народов Дагестана в годы революции и гражданской войны вносят сборники документов ("Борьба за установление Советской власти в Дагестане в 1917-1921 гг. М. 1958 г." "Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917-1918 гг), Горская республика (1918-1920 гг.)". Подлинные документы дают возможность восстановить историческую правду, объективно осветить события, происходившие здесь в годы революции

и гражданской войны. Но и эти сборники страдают недостатками.

Эмирова М.Н.

(Махачкала)

О некоторых проблемах изучения истории гражданской войны в Дагестане

Изучение этой темы, как и истории Дагестана в целом в советский период, должно подняться в настоящее время на принципиально новый качественный уровень. Это станет возможным, только вернувшись к истокам, т.е. к документам, источникам по истории Дагестана революционного периода. И уже без рамок "решений партии и правительства по идеологическим вопросам" постараться разобраться в перипетиях политической борьбы партий и течений, их социальном составе, программных документах и деятельности.

Принципиальное значение для изучения проблемы имеет тот неоспоримый факт, что известную роль в этой борьбе играли личные качества, черты характера отдельных руководителей, уровень их политической зрелости, мера их ответственности перед народом. В этом плане в дагестанской историографии прежних лет довольно подробно освещены действия лидеров большевистской партии, при почти полном отсутствии сведений о лидерах "лагеря контрреволюции" - Нажмудине Гоцинском, Узун-Хаджи, Гайдаре, Али-Гаджи Акушинском и других. Ликвидировать эти пробелы в значительной степени поможет мемуарная литература, частично опубликованная раньше, но репрессированная (книги А.Тахо-Годи, А. Авторханова, Н.Самурского и др.), но большей частью осевшая в спецхранах архивов и семейных коллекциях.

С этой проблемой тесно переплетается и другая - дагестанская интеллигенция в революции, ее дальнейшая судьба в послереволюционный период. Ведь, вопреки официальной историографии, большая часть интеллигенции не приняла революции и либо примкнула к оппозиции, либо покинула родные края и оказалась в эмиграции.

Но основной проблемой в изучении истории гражданской войны в Дагестане является процесс зарождения и становления новых форм демократии во всем его многообразии. Это законодательная работа Горского правительства с целью создать самостоятельное светское государство европейского образца, на основе объединения всех прогрессивных сил. Это также клерикальное движение, вылившееся в попытки мусульманского толка - имамат Н.Гоцинского. "Эмирская республика" Узун-Хаджи и т.д.

Не впадая из одной крайности в другую, современные дагестанские историки должны решать эти задачи, используя уже имеющуюся литературу (работы историков советского периода Н.П. Эмирова, Б.О. Кашкаева, Г.А. Аликберова, А.Д. Даниялова, А.И. Алиева и др.). Кроме того, следует заново с более объективной точки зрения, пересмотреть труды “буржуазных фальсификаторов” К.Бехофера, Д.Бринкли и др. - с целью извлечения из них полезной информации.

Предстоит трудная и кропотливая работа по изучению опыта решения вопроса становления новой политической системы в Дагестане. Изучение проблем переходного периода, хода революции во всех сферах общественной жизни позволит более аргументировано ответить на актуальные вопросы и современной истории Дагестана.

Исаев А.А. (Махачкала)

Новый источник по истории Гражданской войны в Дагестане

Одной из сложных фигур и трагических страниц истории Дагестана является история развернувшейся в 1917-1921 годах гражданской войны в Дагестане. Эта проблема привлекала к себе внимание многих ученых-дагестановедов и довольно широко освещена в научных трудах А.А. Тахо-Годи, Н.Самурского, Г.А. Аликберова, Н.П. Эмирова, Б.О. Кашкаева, А.-Г.С. Гаджиева, Г.Д. Даниялова и других дагестанских историков.

Однако не все вопросы этой многоплановой и сложной проблемы освещены в достаточной степени. К числу последних относится вопрос о роли и деятельности Али-Хаджи Акушинского и других представителей мусульманского духовенства в годы гражданской войны. При этом следует отметить, что в написанных в первые годы социалистического строительства в Дагестане трудах дагестанских ученых (С.И. Габиева, Н.Самурского, А.А. Тахо-Годи) довольно высоко оценена деятельность Али-Хаджи Акушинского.

В своем выступлении на съезде трудовых народов Терской республики (30 ноября 1918 г.) С.И. Габиев говорил: “Я слишком хорошо знаком с муллами, поэтому могу сказать, что не все шейхи плуты. Я должен заявить, что самыми лучшими спутниками нашими в Дагестане, кто нас поддерживал, были шейхи и муллы” (Народная власть, 4 декабря 1918 г., № 173).

Будучи членом Социалистической группы Дагестана, членом Областного ВРК, заведующим отделом Областного исполнительного комитета Советов, членом Совета обороны Северного Кавказа, активным

организатором подготовки трудящихся Дагестана к вооруженному восстанию против объединенных сил внутренней и внешней контрреволюции, А. А. Тахо-Годи был хорошо знаком не только со всеми событиями, происходившими в Дагестане в 1917-1921 годах, но и с взглядами и разносторонней деятельностью шейхул-ислама Али-Хаджи Акушинского. Поэтому в своей изданной в Махачкале 1927 году книге "Революция и контрреволюция в Дагестане" А.А. Тахо-Годи большое внимание уделил научному освещению взглядов и разносторонней деятельности Али-Хаджи Акушинского.

О роли Али-Хаджи Акушинского в общественно-политической жизни Дагестана и о его взглядах подробно сказано в дневниковых записях, которые вел в Дагестане в годы гражданской войны турецкий эмигрант Мустафа Бутбай ("Воспоминания о Кавказе". Махачкала, 1991. Перевод с турецкого на русский язык академика З.М. Буниятова).

Об этом же сказано не только в сообщениях Кавказского Крайкома РКП(б), руководителей революционных повстанческих сил Дагестана, но и в письмах и сообщениях генерала Халилова и других главарей контрреволюционных сил.

В дагестанской историографии 50-80-х годов признается "определенная роль" Али-Хаджи Акушинского и других духовных деятелей в борьбе с деникинщиной, в установлении тесных связей между трудящимися горцами и большевиками. Однако стереотипы воинствующего агнизма, очевидно, препятствовали дагестановедам показать шейху-л-ислама Али-Хаджи Акушинского как непосредственного организатора, вдохновителя и руководителя трудящихся горцев в борьбе с объединенными силами внутренней и внешней контрреволюции. А в 3-м томе четырехтомной "Истории Дагестана" (м., 1968. С.84, 104) деятельность Али-Хаджи Акушинского показана в черных тонах.

Ценные и уникальные сведения по истории гражданской войны в Дагестане, о мировоззрении и многогранной деятельности шейхул-ислама Али-Хаджи Акушинского и по многим другим вопросам содержатся в рукописи исторического произведения Сулеймана-Хаджи, сына Махмуда из Куши под названием "Сведения о военных событиях, происходивших в Дагестане в 1917-1920 годах". Рукопись в объеме 42 страниц, по 23 строки на каждой странице мелкого убористого почерка написана примерно в 1920-1921 годах на даргинском языке и арабографическом письме.

Из содержания самого произведения видно, что его автор Сулейман-Хаджи, сын Махмуда из Акуша является не только активным участником и очевидцем многих событий периода гражданской войны, но, будучи

доверенным лицом шейхул-ислама Али-Хаджи, многократно принимал участие в переговорах между противоборствующими сторонами.

Используя свои наблюдения и знания, а также широко привлекая письма, выступления и речи исторических личностей, решения и договора противоборствующих сил, Сулейман-Хаджи осветил многие вопросы истории гражданской войны и рассказал о многих исторических личностях. Главным героем его произведения является шейх-ул-ислам Али-Хаджи Акушинский. Путем рассказа о конкретных действиях и поступках, фиксации речей и духовных наставлений, эпизодов из повседневной жизни и деятельности Али-Хаджи Акушинского Сулейман-Хаджи не только раскрыл его взгляды и мировоззрение, но и воссоздал образ бесстрашного борца, воплотившего в себе лучшие традиции и обычаи горцев, убежденного демократа, смелого защитника интересов и чаяний обездоленных горцев; умудренного житейской мудростью и научными познаниями талантливого духовного наставника, дальновидного политического деятеля, умелого организатора, вдохновителя, предводителя и руководителя трудящихся горцев за свою свободу (хIурийат) в рамках шариата. *

По своему содержанию и композиции работа Сулеймана-Хаджи состоит из 35 взаимосвязанных тематических разделов, в которых события истории гражданской войны в Дагестане освещены в их хронологической последовательности.

Произведение Сулеймана-Хаджи из Акуша является новым источником, существенно обогащающим источниковедческую базу истории гражданской войны в Дагестане.

Духовный, морально-этический и политический образ шейхул-ислама Али-Хаджи Акушинского воссоздан также в замечательной исторической повести дагестанского писателя Раджабали Омарова “Шейх-ул-Ислам ГIяли-ХIяжи” (Махачкала, 1993), и в поэме талантливого поэта Писки МяхI “Шайх -ул-Ислам ахъушан ГIялиХIяжи” (“Замана”. 14 января 1993 г.) на даргинском языке.

Искендеров Г.А. (Махачкала)

Крестьянство Дагестана в 20-е годы XX века: вопросы социального развития

Всестороннее изучение экономических, социальных и культурных преобразований на селе на всех исторических этапах является важнейшей задачей представителей гуманитарных наук.

Обратимся к проблеме исследования истории крестьянства в 20-е

годы. к основным изменениям в социальном облике сельских тружеников.

Наиболее изучаемыми в дагестанской историографии можно считать проблемы социальной дифференциации крестьянства, развитие аграрного производства, процессы сельскохозяйственной кооперации, общественно-политической активности крестьянства.

Однако проблема социального развития крестьянства в 20-е годы остается недостаточно разработанной. Даже в таких фундаментальных трудах, как "История советского крестьянства Дагестана" Махачкала, 1986. Г. Османов "Социально-экономическое развитие доколхозного аула" и др., нет количественных данных о составе крестьянства, не определен и удельный вес колхозников в социально-классовой структуре общества в 20-х годах. Духовное развитие крестьянства, его самобытия практически не изучена. Между тем целостное изучение жизнедеятельности крестьянства в трудные и противоречивые 20-е годы многое может объяснить в ставших перед страной сегодня проблемах реформирования села.

Для Дагестана 20-х годов решение "крестьянского вопроса" было одной из главных задач его успешного экономического развития. Республика являлась аграрной, к началу 1926 г. 88,1 % ее населения было сельским. В большинстве районов сохранялись экстенсивные формы хозяйствования. Основным типом хозяйства и основным собственником средств производства в горном Дагестане по данным на начало рассматриваемого периода было мелкое крестьянское хозяйство, имеющее от 25 до 100 овец, до 2 голов рогатого скота и до 0,5 дес. земли. Такие хозяйства составляли 55,6 %.

В результате аграрных преобразований Советской власти в дагестанском ауле существенно меняется соотношение социальных групп в земледелии. По данным бюджетного обследования Наркомзема Дагестанской АССР, проведенного в 1927 г., удельный вес различных социальных групп в экономике дагестанского аула характеризовался такими данными: бедняцкие хозяйства составляли 48,5 %, середняки - 46,7 %, кулаки - 5,1 %. На одно бедняцкое хозяйство приходилось 2, 68 дес. земли, 0,77 дес. посевов, на 294 руб. средств производства и на одно хозяйство середняка 4, 53 дес. земли, 1,9 дес. посевов, на 534,6 руб. средств производства, а на одно хозяйство кулака 10,0 дес., земли, 5,2 дес. посевов, на 2 422 руб. средств производства.

Анализ распределения средств производства между различными социально-экономическими группами крестьян приводит к выводу, что сохранявшаяся в ауле большая неравномерность в распределении средств производства между крайними группами служила почвой для развития капиталистических отношений, экономического давления зажиточного

крестьянства на бедноту. Особенно это проявлялось в вопросах найма-сдачи средств производства.

В условиях Дагестана в сельскохозяйственном производстве преобладала продукция животноводства, в основном овецводства. Материалы налоговых сводок по единому сельхозналогу за 1925-1926 гг., показывают, что кулацкие хозяйства концентрировали у себя более 51 % всего поголовья овец и 19,8 % рабочего скота. Зажиточные крестьянские хозяйства предпочитали вкладывать свои капиталы в овецводство, обеспечивающее получение больших доходов в короткий срок.

В середине 20-х годов в Дагестане складывается довольно настороженное отношение к организации больших коллективных хозяйств - сельхозартелей, коммун, совхозов. Крестьянство в 20-е годы накопило большой опыт рационального ведения своего хозяйства в специфических условиях НЭПа.

Устойчивое крестьянское хозяйство укрепляло и поддерживало кооперативное строительство, через которое дагестанское село шло к социально-культурным улучшениям.

Требует глубокого исследования жизнедеятельность крестьянства, связанная с участием их в общественно-политической и культурной жизни, его социальной психологией, духовностью, милосердием, особенно распространенным в Дагестане, с процессами развития трудовой взаимопомощи и взаимовыручки во время сельхозработ, а также в строительстве домов, проведении традиционных обрядов, праздников и т.д.

Возникает вопрос о характере крестьянского образа жизни в 20-е годы. Невозможность однозначного ответа объясняется не только глубокими переменами в судьбах горцев во всех сферах их жизни, но и многослойной классовой панорамой тогдашнего дагестанского аула.

В научной разработке проблемы крестьянства и переустройства сельского хозяйства на социалистических началах определенней интерес представляет изучение тех конкретных форм, в которых оно проходило.

Появление нескольких форм коллективных хозяйств в 20-е годы в процессе революционной ломки аграрных отношений, объяснялось неоднородной социальной структурой дагестанского аула, что нашло отражение и в различии социального состава коммун, артелей и тозов. Появление в 20-е годы каждой из этих форм было оправдано, целесообразно, каждая из них сыграла большую роль в судьбах горского крестьянства.

Межнациональные отношения в Дагестане: проблемы и перспективы

Главное в межнациональных отношениях - это воспитание людей любой национальности - соблюдать полное равноправие между народами, искать у всех народов то, что их объединяет, а не то, что разъединяет, всегда исторически правдиво отражать события минувшего и настоящего, неустанно повышать культуру межнационального общения, то есть не оскорблять национальное достоинство, уважительно относиться к другим народам, не допускать грубость, нетактичность в оценке чужих обычаев и традиций.

Дружба и сотрудничество, прочное интернациональное единство народов, как известно, не свалились нам на голову как манна небесная, а являются результатом гигантской ежедневной преобразующей работы всех властных и общественно-политических структур в области развития межнациональных отношений. Как бы там сейчас не писали, наша дружба, рожденная в годы крупных поворотов истории, развивалась и крепла в трудовых буднях, она закалялась в огне Отечественной войны, превратившись в могучую созидательную силу общества, ее отстаивали советские люди, заплатив за это миллионами преждевременно погибших жизней.

Если говорить о новой России, то созидательная сила национальной политики в новых условиях должна находить свое яркое воплощение в новом подходе к республикам в составе федерации, в предоставлении им больше прав и самостоятельности и, при этом не нарушая, а усиливая сложившиеся экономические взаимодействия всех областей, краев и республик, в углублении разделения труда, производственной кооперации, в сочетании различных форм собственности, в изыскании новых форм и методов межреспубликанской хозяйственной, научно-технической интеграции в условиях рыночных отношений.

Надо признать, что именно прочная материальная основа, в первую очередь, способствовала укреплению дружбы и сотрудничества всех народов, единению их труда и воли в борьбе за осуществление совместных заданий.

Как мне кажется, для успешного осуществления стратегического курса реформ в России необходимо прежде всего социально-политическая и интернациональная сплоченность россиян. В этом новаторском курсе, соответствующем переломному характеру нынешнего времени, воплощены общие цели и устремления всех наций и народностей, единство их интернациональных интересов.

Но курс на рыночную экономику не сводится только к экономическим преобразованиям. Он включает постоянное совершенствование национальных отношений, активную во всех регионах страны сильную социальную политику. Осуществляя реформу, необходимо учитывать социальные особенности и возможности различных наций и народностей, национальных и этнических групп, хозяйственные и трудовые традиции.

Говоря о настоящем и будущем, не следует чернить и проклинать прошлое, как это сегодня стало модным, ибо никто не может отрицать царившего во многие годы Советской власти энтузиазма и огромного желания народных масс обеспечить быстрые темпы развития экономики и культуры, построить новое общество. Лучшие сыны Страны Гор отдавали свою жизнь за народное счастье, за процветание родного Дагестана.

Никто не может и не должен отрицать и поистине великие свершения наших дедов и отцов. Вспомним некоторые страницы истории, повествующие о том, как многонациональные рабочие коллективы создавали первенцы дагестанской индустрии. Система коллективного ведения хозяйства неплохо обеспечивала людей хлебом и другими продуктами сельского хозяйства, позволила оснастить его современной сельскохозяйственной техникой.

Думаю, что не подлежит сомнению и то, что в каждом виде промышленной, сельскохозяйственной и иной продукции, производимой в нашей республике, зримо и незримо присутствует труд, воля, энергия, вклад народов всех регионов, что эти достижения - итог совместных усилий всех людей, десятков национальностей, их интернационального братства. Так, например: в каждом киловатт-часе электроэнергии, вырабатываемом каскадом электростанций на реке Сулак объединены усилия дагестанцев, а также представителей других народов, более сорока наций и народностей бывшего многонационального Союза ССР. В каждой янтарной грозди дагестанского винограда содержится труд не только виноградарей, но и труд металлурга и конструктора, создававших сельскохозяйственные машины, и труд работников химической промышленности, и труд мелиоратора, и труд селекционера, и труд ученого.

Неоспоримы впечатляющие завоевания народов Дагестана в области духовной жизни и культурного строительства. Впервые на нашей земле появились вузы и техникумы, широкая сеть школ и детских учреждений, родились профессиональные организации писателей, композиторов, художников. Развивалась наука во многих ее отраслях. Сегодня можно назвать целую плеяду выдающихся деятелей науки.

литературы, искусства, которые внесли весомый вклад не только в дагестанскую, но и в мировую культуру.

Мы не вправе также отрицать свойственный дагестанцам высокий дух патриотизма, предавать забвению подлинный интернационализм, изначально присущий всем народам нашего благородного края. Ведь неспроста не только в нашей стране, но и во всем мире Дагестан стал олицетворением дружбы, мира и согласия народов.

Это не означает, что в нашей истории все было легко и гладко. На тернистом пути развития было допущено немало ошибок. Не избежал их и Дагестан, как часть огромной державы. Порождены они были, прежде всего тоталитарным режимом, установившемся в стране. Сегодня не легко говорить о допущенных ошибках, крупных просчетах и злодеяниях, пережитых нашими народами в известные десятилетия. Вспомнить только, сколько честных, преданных Дагестану и стране людей было объявлено врагами народа, и уничтожено. Сколько невинных было сослано. Жестокие репрессии в отношении одних народов и их депортация, принудительное выселение с мест исторического проживания других, искусственное разделение единого народа на несколько частей - все это пережили народы Дагестана. Последствия этой антигуманной политики по сей день не устранены, что является постоянным источником межнациональной напряженности в республике и поныне. Да, действительно, тяжкими были расчеты, допущенные при осуществлении национальной политики. Политика убыстрения темпов искусственного сближения и слияния народов, произвольного перемещения населения в обстановке принуждения и репрессий создали такие проблемы, над решением которых и сегодня приходится много трудиться, отвлекая на это огромные материальные и духовные силы.

И все же надо объективно и по достоинству оценить наше прошлое, извлечь уроки из допущенных ошибок, предпринять все, чтобы избежать новых ошибок и просчетов.

Копание в прошлом, поиски врагов, как показывает опыт, не могут привести к межнациональному миру и согласию. Решения внутренних и внешних проблем Дагестана должны быть найдены совместными поисками на основе демократических принципов.

Главное, на мой взгляд, заключается в том, чтобы правильно проанализировать сегодняшнюю обстановку, исходя из нее построить политику, направленную на благо народа, на быстрейшую стабилизацию экономики, оздоровление политической и духовной жизни, на реализацию программы социальной защиты населения.

Являясь одним из могучих источников ускорения социально-

экономического развития страны, братского сотрудничества, дружба, взаимопомощь народов неуклонно ведут к усилению идейно-политического единства нашего общества.

В его сплочении все большее значение приобретает решение проблем социального и культурного строительства, совершенствование во всех регионах народного образования, рост и сближение национальных культур, улучшения изучения русского языка, как языка межнационального общения.

Весьма рельефно это видно на примере многонационального, многоязычного Дагестана. Здесь еще полнее и душевнее понимаешь и чувствуешь, на какую великую историческую высоту поднял нас наш опыт. Эта та высота, куда реальной действительностью стало то, о чем веками мечтали лучшие умы человечества - преодоление национальной вражды и розни, подлинное равноправие, интернациональное братство и дружба народов. В нашей республике еще полнее и глубже ощущается единство неповторимых, многообразных черт национальных культур, их широкие многосторонние взаимосвязи

В настоящее время, в условиях реформ и преобразований, думается, вопрос должен стоять так: каждый работник, тем более руководитель, должен проявлять максимум изобретательности в интернациональном воспитании; чтобы она порождала дела, способные сближать людей различных национальностей, объединять их. Если же руководитель стоит в стороне от создания в коллективе атмосферы дружбы и сотрудничества, то следовательно, он не обладает необходимыми политическими качествами, а значит, не вправе быть во главе коллектива. Каждый руководитель должен стремиться все более совершенствовать формы и методы работы по интернациональному воспитанию трудящихся и дальнейшему упрочению дружбы народов, по ликвидации пережитков национализма и шовинизма в сознании людей, сориентировать наши кадры на правильное понимание того, где проходит граница между законной национальной гордостью и ее непомерным раздуванием.

Вопросы межнациональных отношений, как и другие вопросы общественной жизни, требуют постоянного совершенствования. Поэтому сложившиеся межнациональные отношения в нашем государстве нельзя считать чем-то застывшим, неизменным, не подверженным влиянию новых обстоятельств и времени. Развивая существующие, оправдавшие себя организационные формы и методы работы, видимо, надо постоянно искать и другие, способствующие расцвету наций и их сближению.

К изучению вопроса о социально-экономических последствиях технического прогресса на железнодорожном и морском транспорте Дагестана

Роль современной научно-технической революции как фактора экономического и социального развития человечества быстро возрастает. Поэтому закономерен огромный интерес, проявляемый общественными науками, в том числе и исторической наукой, к теоретическому наследию крупных ученых по вопросам науки и техники, технического прогресса, выявлению закономерностей развития науки и техники при различных социально-экономических формациях, влиянию научно-технического прогресса на социальные процессы и к другим аспектам проблемы ("Современная научно-техническая революция". Историческое исследование. М. 1970; Бляхман Л.С., Шкаратан О. И. НТР, рабочий класс, интеллигенция. М. 1973 и др.).

Однако следует отметить, что до сих пор почти не затронуты исследователями главные и основные вопросы: разработка и осуществление политики в области техники и сопредельных с нею наук, вопросы соотношения, связей и границ научно-технической и экономической политики государств", политики в области науки и культуры; основных этапов развития, их особенностей (Гвишиани Д. Социальная роль науки и научная политика. М. 1968; Хейнман с. А. Актуальные вопросы технической политики. - "Экономика" и организация промышленного производства. 1970. № 1; Программы и мероприятия научно-технического прогресса в трудообеспеченном регионе. Махачкала. 1987; Региональные проблемы ускорения научно-технического прогресс" в ДАССР. Махачкала". 1967; Гамзатов М.Г, Квинт В.Л., Юзбеков З.К. Научно-техническое развитие экономики Дагестана. Махачкала. 1988 и др.).

Научно-техническая революция затронула все отрасли народного хозяйства и, следовательно, в большей или меньшей степени оказала воздействие на развитие транспорта" и его основных производств, массовое внедрение новой техники и передовой технологии в производственные процессы, формирование единой сети путей сообщения как основного элемента инженерно-технической (производственной) инфраструктуры.

60-70-е годы явились важным этапом коренной технической реконструкции железнодорожного и морского транспорта. Основные направления использования достижений науки и техники на транспорте

- широкая автоматизация производственных процессов и управления ими, оборудование линий, железнодорожных станций и узлов, морских и речных портов устройствами автоматики, создание новых типов специализированных судов и вагонов, обеспечивающих лучшую сохранность грузов и снижение стоимости погрузочно-разгрузочных работ, развитие контейнерных перевозок, усиление тяговых средств. Так, например, основным звеном технической реконструкции железнодорожного транспорта являлось внедрение прогрессивных видов тяги - электрической и тепловозной, что повлекло за собой техническое совершенствование всех других отраслей железнодорожного хозяйства.

Новая техника давала возможность резко повысить производительность труда железнодорожников. Так, производительность труда работников локомотивных депо повышалась при переходе на электрическую тягу в 2-3 раза, а на тепловозную - в 1,5 - 2 раза по сравнению с паровой тягой.

Барже-буксирная транспортно-технологическая система, внедренная благодаря достижениям в развитии судостроительной техники, позволяет уменьшить на 10-15 % транспортные издержки при перевозках массовых грузов (леса, угля, строительных материалов, различных удобрений и т.д.).

Единство технической политики на транспорте предполагает учет региональных особенностей НТП. Внедрение его достижений в регионах, где дефицит трудовых ресурсов (Арктика, Дальний Восток и т.д.), должно быть ориентировано на трудосберегающие факторы, в Дагестане же, где трудовых ресурсов избыток - на социальные аспекты НТП, а во всех регионах - на ресурсосбережение, улучшение условий и рост производительности труда.

Технический прогресс на железнодорожном и морском транспорте привел также к количественным и структурным сдвигам в составе работников этих отраслей экономики, оказал большое влияние на характер и содержание труда, их профессиональный состав и квалификацию, то есть на качественный рост этих отрядов трудящихся. Анализ данных об изменении степени механизации труда на Махачкалинской железной дороге и в Махачкалинском морском порту показал, что здесь проявляются те же тенденции, что и в промышленности. Так, за 1970-1975 гг. удельный вес рабочих, выполняющих работу при помощи машин и механизмов, увеличился с 19 до 28,6 % на железной дороге и в морском порту с 24,3 до 27,8 %. Соответственно сократилась доля рабочих ручного труда на обоих крупных объектах народного хозяйства Дагестана*.

Важнейшим выражением качественного роста работников являлись прогрессивные изменения в их квалификационном составе. Во второй половине 60-х и в 70-е годы наблюдалось увеличение удельного веса высококвалифицированных рабочих 4-6 разрядов и снижение удельного веса рабочих 1-2 разрядов. Значительно улучшился также качественный состав ИТР, насыщенность дипломированными инженерами на железной дороге, например, увеличилась с 32,6 % до 58,4 %.

Поступательное развитие и изменение производства на железной дороге и в морском порту под влиянием научно-технического прогресса сопровождалось позитивными переменами в условиях труда работников этих отраслей по различным социальным показателям.

Однако предстоит ликвидировать тяжелый физический труд во всех видах деятельности и в первую очередь на вспомогательных работах, улучшить условия труда, усовершенствовать режим труда и отдыха железнодорожников и портовиков.

Важная роль должна отводиться улучшению обеспеченности работников отраслей жильем, объектами культурно-бытового назначения, совершенствованию системы материального и морального стимулирования, и т.д.

Мирзабеков М.Я. (Махачкала)

Социально-культурное развитие дагестанского села в 20-30-е гг (опыт и задачи исследования)

Проблема культуры и культурного строительства в дагестанском селе послеоктябрьского периода многогранна и многоаспектна, требует пристального исследовательского внимания и анализа. Однако до недавнего времени она не выделялась, как объект специальных научных изысканий и всесторонней характеристики. Вопросы социально-культурного развития сельского населения затрагивались в исследованиях, посвященных истории культуры народов горного края за годы социалистического строительства и реализации социально-экономических реформ. В этих трудах значительное место отводилось освещению усилий партийных и советских органов по созданию новой для уклада жизни дагестанского села социально-культурной инфраструктуры. Показано внимание и усилия по повышению культурного уровня населения республики, в том числе сельского в 20-30-е годы. В условиях жесткого идеологического давления исследовательская мысль ограничивалась, была направлена на показ преимущественно положительного опыта, недостатки и упущения умалчивались или о них говорилось мимоходом, трудности и нерешенные проблемы связывались нередко с происками враждебных и темных сил. Многие аспекты

традиционной культуры этносов Дагестана оставались вне исследовательского внимания или о них говорилось в негативном плане, как о явлениях и фактах, не совместимых с новыми реалиями жизни. Были вопросы, которые находились под запретом и не получали отражения в исследованиях, посвященных культурному строительству в республике. К таким, в частности, относилась трагическая судьба и участь духовной мусульманской интеллигенции, цвет которого в прямом смысле был уничтожен в 20-30-е годы.

Исключительно сложным, противоречивым и во многом переломным этапом культурного строительства в дагестанском селе являются 20-30-е годы. Руководствуясь установками центральных директивных органов властные структуры республики развернули целенаправленную работу по повышению культурного уровня трудящихся. Несмотря на остроту и нерешенность многих общественно-политических проблем, трудности в восстановлении экономики, вопросы культуры и культурного строительства рассматривались как приоритетные. В Дагестане, как и в других мусульманских регионах страны, была поставлена и осуществлялась стратегическая задача - отказ от многих традиционных ценностных ориентаций и арабоязычной культуры, ускоренное внедрение в общественное сознание и культурной деятельности населения и прежде всего сельского новой системы образования, светской культуры. Создавалась широкая сеть учреждений, призванных внедрить их. Деятельность учреждений образования и культуры должна была быть пронизана коммунистической идеологией. При этом многовековой уклад жизни дагестанских этносов и степень их психологической готовности к восприятию и усвоению новых духовных ценностей в практике деятельности партийных и советских органов недооценивалась. Этот процесс особенно ускорился со второй половины 20-х годов - после упрочения новой власти в дагестанском селе и роста материально-финансовых возможностей для развертывания в широких объемах социально-культурных мероприятий в республике. Надо признать, что властным структурам Дагестана постепенно удалось преодолеть непонимание и неприятие довольно значительной частью сельского населения новых духовных ценностей, особенно в сфере образования и достичь впечатляющих результатов в повышении уровня грамотности всех его слоев. Уровень грамотности сельского населения республики по данным Всесоюзной переписи населения 1939 г. составил 81,2 %, тогда как по итогам переписи 1987г. 7,9 % (с учетом грамотных на арабском языке). Достижения в других сферах социально-культурного развития дагестанского села были значительно скромнее. Например, не

приходится говорить о полном утверждении социалистического сознания и новой культуры в сельской местности республики к концу 30-х годов.

В условиях демократизации, гласности и расширения источниковой базы исследований перед историками встает задача углубленного всестороннего анализа социально-культурных процессов в дагестанском селе в 20-30-е годы. При этом следует воссоздать объективную картину реализации политики культурного строительства в дагестанском селе. Показ бесспорных достижений и результатов в повышении культурного уровня сельских тружеников необходимо восполнить всесторонней характеристикой трудностей и нереализованных возможностей на этом пути. А самое главное реализация этой политики, наряду с исключительно важными для социально-экономического и духовного развития горного края и самой личности результатами, было сопряжено значительными и во многом невосполнимыми потерями в традиционных духовно-нравственных ценностях дагестанских этносов.

Булатов Б.Б. (Махачкала)

Изучение проблемы изменения социальной структуры населения Дагестана в 30-е годы XX в

Одной из важнейших функций исторической науки является исследование социальных проблем общества. Анализ вышедшей литературы по основным социально-экономическим проблемам рассматриваемого периода показывает, что для более полного осмысления происходящих процессов необходимо проследить коренные изменения социально-этнической, социально-классовой и внутриклассовой структуры горского крестьянства и рабочих в результате коллективизации, индустриализации и культурного строительства.

Изменение социальной структуры населения, как сельского, так и городского, дает возможность увязать социальные процессы не просто в особой ситуации того трудного и сложного времени (становление командно-административной системы в экономике, раскулачивание, политические репрессии), а в таком аспекте, который позволяет дать им более глубокую и всестороннюю оценку, сравнить и рассмотреть их в интегрированном виде.

Данные статистики свидетельствуют о быстром росте населения Дагестана, которое увеличивалось не только под воздействием социально-экономических процессов, протекающих как в городе, так и в сельской местности, но и за счет притока в республику представителей русского, украинского и других народов. Между двумя переписями населения.

которые проводились в 1926 и 1939 гг., заметно увеличилась рождаемость и несколько снизилась смертность населения. Смертность горского населения упала с 24 % в 1913 г. до 17 % к 1940 г.

В 30-е гг. довольно быстрыми темпами протекал процесс урбанизации. Таково было следствие индустриализации, строительства и реконструкции фабрик и заводов, формирования национальных отрядов рабочего класса в городах республики. Коллективизация и механизация сельского хозяйства высвобождала трудовые ресурсы в селе. Приток крестьян в города происходил путем оргнаборов, через различные технические курсы, школы профессионально-технического обучения.

Процесс миграции молодежи и людей старших возрастов из села в город был прогрессивным явлением. В свою очередь сельское население пополнялось специалистами сельского хозяйства, прибывающими в колхозы и совхозы, а также работниками народного образования и медицинских учреждений.

Формирование национальных кадров рабочего класса изменило классовую структуру населения республики. Решающую роль в их формировании сыграла помощь русского рабочего класса. Она была крайне необходима, потому что в республике из-за слабого промышленного развития до революции и в 20-е годы еще не сформировался квалифицированный рабочий класс из коренных народов, не было своих технических специалистов, которые могли осуществить профессиональное обучение поступающих на производство. Русские специалисты, посланные в республику, руководили стройками, предприятиями, учили вчерашних крестьян овладению сложной техникой. Некоторая часть национальных кадров приобретала рабочую квалификацию на промышленных предприятиях в центральной России.

В результате наметившихся тенденций изменилась структура населения Дагестана. За период между переписями 1926 и 1939 гг. численность населения Дагестана выросла с 744,1 тыс. человек в 1926 г. до 1023,3 тыс. человек в 1939 г. Городское население увеличилось с 85,0 тыс. до 220,5 тыс. человек, сельское - с 659,1 тыс. до 802,8 тыс. человек. В 1926 г. городское население составляло 11,4 %, а сельское - 88 %, а в 1939 г. соответственно - 21,5 % и 78,5 %.

Перепись 1939 г. выявила увеличение процента городского населения по сравнению с 1926 г. в два раза. Несмотря на столь значительное увеличение, удельный вес городского населения Дагестана продолжал оставаться одним из самых низких на Северном Кавказе.

По данным Всесоюзной переписи населения 1939 г. в сельском хозяйстве было занято в среднем 68,3 % населения Дагестана. в

промышленности - 17,2 %, в кустарных промыслах - 2,7 %. К 1937 г. удельный вес рабочих и служащих из коренных народов Дагестана составлял 31,6 всех рабочих и служащих промышленных предприятий.

О росте числа представителей горских народов на объектах промышленного и сельскохозяйственного производства можно судить по изменению национального состава членов профсоюзов Дагестана. В числе членов профсоюзов в 1926 г. насчитывалось кумыков 8,9 %, а в 1939 г. - 10,8 %, аварцев - 4,2 % и 8,9 %, лезгин - 7,1 и 8,2 %, даргинцев - 2,9 % и 7,7 %, лакцев - 1,3 % и 2,1 %, русских - 43,4 % и 37,8 %. Как видно из этих статистических данных, удельный вес дагестанцев в профсоюзных списках значительно повысился.

В конце 30-х годов наибольший удельный вес в городском населении составляли русские (76,3 %), а доля горожан среди большинства коренных народов Дагестана к общей численности была меньше 5 %. Лишь у кумыков и лакцев она составляла соответственно 14,3 и 8,1 %.

Изучение процессов изменения социально-классовой структуры населения отдельных национальностей осложняется рядом обстоятельств, в частности, наблюдавшимися отливами и приливами населения в колхозы, недоступностью соответствующих статистических данных за рассматриваемый период.

К числу решающих факторов, обусловивших социальное развитие населения Дагестана, относится культурное строительство. Только с помощью повышения культурного, и в первую очередь образовательного, уровня горского крестьянства, национальных кадров рабочих можно было подготовить их к ведению крупного механизированного коллективного хозяйства, к работе на объектах индустрии.

Происшедшие изменения выразились и в приметах нового в жизни населения республики. В дагестанском ауле появилась новая категория рабочего класса, отличная от трудящихся на производстве - отряд рабочих, занятых сельским хозяйством. На государственных сельхозпредприятиях - в совхозах, МТС, в промышленных, культурно-бытовых и других предприятиях.

Заметное место в составе населения заняли также специалисты. Перепись населения 1939 г. показывает, что число лиц с высшим и средним специальным образованием составило 93,7 тыс. человек, 46 % их составляли представители народов Дагестана.

К концу 30-х годов сложилась новая социально-классовая структура населения Дагестана. Рабочие и служащие составляли 29 % населения, а колхозное крестьянство вместе с кооперированными кустарями и ремесленниками - 67,4 %. Доля единоличников и некооперированных

кустарей-ремесленников составляла 3,6 %.

Таким образом, в конце 30-х годов в Дагестане произошли коренные изменения в социальной структуре населения в экономике, общественной и культурной жизни. Начал меняться и быт горцев. На месте убогих жилищ стали возводить новые дома из двух, трех и более комнат. В дома сельских и городских жителей стали уверенно входить приметы нового быта: электричество, радио, стала меняться одежда дагестанца, обретая общеевропейский вид. Начал развиваться процесс стирания граней между аулом, селением и городом.

Ананьева Е. С. (Махачкала)

Тенденции и проблемы совершенствования подготовки квалифицированных рабочих в системе профтехобразования Дагестана 70 -90-х гг. в исторической литературе

Процессы реформирования экономики напрямую связаны с принципиально новыми требованиями, предъявляемыми к системе профессиональной подготовки специалистов всех уровней. В связи с этим актуальными становятся и проблемы совершенствования всей системы профессионально-технического образования и подготовки молодых рабочих.

Изучение истории и современного состояния подготовки главной производительной силы общества имеет большое теоретическое и практическое значение.

Историография вопроса создания национальных кадров рабочих в советских республиках возникла, развивалась и прошла основные этапы в неразрывной связи с общей историографией формирования многонационального рабочего класса страны.

Различные аспекты развития профтехобразования, теоретические и практические вопросы планомерной подготовки квалифицированных рабочих кадров рассматривались многими авторами, однако не было специальных исследований, посвященных этой проблеме. В исторических работах последних лет почти не освещается бедственное положение учебных заведений системы профессионально-технического образования и причины этого.

В связи с этим проблемы подготовки квалифицированных рабочих в системе профтехобразования республики, также, как и развитие самой системы профтехобразования, продолжают оставаться актуальными и в современных условиях.

Государственная система профессионально-технического образования прошла определенный путь развития и совершенствования.

Качественно новый этап в развитии этой системы начался с конца 60-х - начала 70-х годов - планомерный перевод профессионально-технических училищ в категорию средних. Укреплялась материально-техническая база учебных заведений, совершенствовался процесс подготовки кадров.

Однако, несмотря на достигнутые успехи, подготовка рабочих в профтехучилищах отставала от потребностей народного хозяйства и нуждалась в существенных изменениях. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров (1984г.) "О дальнейшем развитии системы профессионально-технического образования и повышении ее роли в подготовке квалифицированных кадров" была поставлена задача "обеспечить дальнейшее развитие и совершенствование системы профтехобразования как основной формы планомерной подготовки квалифицированных рабочих кадров".

Насущной необходимостью стало готовить рабочих высокой квалификации широкого профиля (рабочего-профессионала, рабочего интеллигента) и давать им такой запас знаний, умений и навыков, который помогал бы осваивать новую технику и прогрессивную технологию; способствовал бы постоянному внедрению более совершенных приемов труда, новой организации производства и передовых отношений на современных промышленных и сельскохозяйственных предприятиях.

Анализ материалов, освещающих состояние работы по профориентации молодежи в городах Дагестана в 80-е годы, показывает, что ориентация на выбор узкой специальности перестала отвечать запросам социального и научно-технического прогресса, затрудняла обеспечение кадрами ведущих отраслей экономики и оперирование трудовыми ресурсами внутри отрасли.

Госкомитет по труду и социальным вопросам установил 318 наименований укрупненных унифицированных профессий, причем 92 из них - это так называемые сквозные, т.е. общие для всех отраслей экономики профессии. Вобрав в себя ряд узких специальностей, унифицированные профессии стали более емкими, требующими значительно более высокого культурно-технического уровня рабочих.

Поэтому, ориентируя молодежь на массовые рабочие профессии, важно группировать их по видам деятельности, составлять примерные перечни профессий и специальностей, охватывающих ряд однотипных трудовых операций.

В 80-е годы наблюдался дефицит в рабочих кадрах высокой квалификации по ряду профессий в промышленности, в других отраслях

экономики по современным, сложным специальностям: ремонтники электронно-вычислительной техники, операторы станков с ЧПУ и другие.

Проблема подготовки рабочих широкого профиля - комплексная. Однако несомненно, что совершенствование подготовки и воспитания молодых рабочих в учебных заведениях профтехобразования зависит прежде всего от мастерства инженерно-педагогических работников СПТУ. То есть одна из важнейших, первоочередных проблем - подготовка самих инженеров - педагогов в высшей школе.

Важным направлением улучшения подготовки квалифицированных кадров и обеспечения потребностей различных отраслей экономики республики является совершенствование размещения сети учебных заведений системы профтехобразования, т.е. создание СПТУ в горной и предгорной зоне республики, ориентированных на подготовку рабочих массовых профессий индустриального и аграрного профиля, что может стать важной предпосылкой и условием повышения территориальной и социальной мобильности местной молодежи, расширения их занятости внутри республики. Из-за невозможности устроиться на учебу или на работу молодые люди вынуждены были уезжать за пределы республики. Отток из республики молодых работников ухудшал демографическую ситуацию и оказывал неблагоприятное влияние на половозрастной состав рабочей силы на промышленных предприятиях.

В 90-е годы в связи с ухудшением общей экономической ситуации в стране, особенно обострились проблемы профессионально-технического образования. Разрушается материальная база училищ, невостребованными остаются выпускники профтехучилищ из-за спада промышленного производства.

В этих условиях учебным заведениям необходимо перестраивать свою работу с учетом потребностей сегодняшнего дня.

Юнаева В. Д. (Махачкала)

Индустриальное развитие Дагестана и изменения в составе рабочего класса в 20-30-х гг (историографический аспект)

Социалистическая индустриализация Дагестана осуществлялась на основе общих для всей страны закономерностей и в то же время имела специфические черты, обусловленные как природными условиями, так и особенностями его исторического развития.

С восстановлением Советской власти и созданием национальной государственности народов Дагестана на первый план встали вопросы социально-экономических преобразований.

Неразрывной составной частью экономической политики было восстановление и развитие промышленности, способной обеспечить сельское хозяйство необходимой материально-технической базой

Из предприятий, перерабатывающих сельскохозяйственное сырье, в 1921-1922 г. работало 3 консервных завода в Буйнакске, в 1924 г. был пущен вновь построенный фруктово-овощной консервный завод в Буйнакске, в 1925 г. рыбконсервный завод в Махачкале. Это был завод, оборудованный новейшими машинами и полностью механизированный. Консервная промышленность Дагестана выработала в 1927 г. продукции в стоимостном выражении в 24 раза больше, чем в 1921 г.

Уже к весенней путине 1924 г. были приведены в рабочее состояние все 27 промыслов рыбной промышленности.

Возрождались существовавшие и строились новые электростанции. В январе 1926 г. был пущен в эксплуатацию крупнейший в стране механизированный стекольный завод "Дагестанские огни".

С каждым годом увеличивались средства, направляемые на развитие промышленности Дагестана. В 1923-24 гг. они составили 351 тыс. руб.; в 1924-25 гг. они увеличились до 1222,7, в 1925-26 гг. - до 2184 тыс. руб.

Вместе с развитием промышленности росла и численность рабочего класса. Число постоянных и сезонных рабочих в 1920-21 гг. было 2319, в 1924-25 гг. - 4455 человек. Число дагестанцев составляло в 1923-24 гг. - 1150, в 1924-25 гг. - 1740 человек. В 1925 г. на промышленных предприятиях республики женщины составляли 6 %, в 1926 г. - 13 %. Формирование рабочего класса проходило в условиях недостаточного развития крупной промышленности и при большом количестве мелких кустарных предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья и немногочисленной прослойке кадровых рабочих.

До конца двадцатых годов ряды рабочих пополнялись за счет вовлечения в производство сельского населения, кооперирования ремесленников, трудоустройства безработных, в том числе и стихийно прибывших из других районов страны.

Огромное экономическое значение в деле индустриального развития республики имела подготовка квалифицированной рабочей силы. Профессиональное образование шло по двум направлениям: подготовка в стационарной сети профтехобразования и непосредственно на производстве путем индивидуально-бригадного обучения.

В 1923 г. в республике работало 10 профшкол, где обучалось 283 человека, в 1927-28 гг. - 14 школ с 1404 учащихся. К концу 1925 г. страна завершила в основном восстановление народного хозяйства.

Задания по дальнейшему развитию социалистической экономики определялись пятилетними планами. За первое пятилетие в Дагестане вступили в строй новые заводы и фабрики: химический, ремонтно - механический заводы, три крупных консервных завода, хлопкоочистительный в Хасавюрте, шерстепрядильная фабрика в Дербенте, буровые скважины - нефтяные и газовые, 20 предприятий по первичной обработке сельхозпродукции, энергетическая база республики пополнилась 20 сельскими станциями. В народное хозяйство Дагестана было вложено - 211,7 млн.рублей, в том числе в промышленность - 65,5 млн.руб., ее доля в народном хозяйстве составляла в 1928 г.- 39,2 %, в 1923 г. - 50,4 %.

Ускоренными темпами шло индустриальное развитие Дагестана и в годы второй пятилетки. С 1933 по 1939 г. в промышленность и энергетику было направлено более 265 млн., что составило 68 % всех капиталовложений в народное хозяйство республики.

Удельный вес продукции промышленности в народном хозяйстве увеличился до 55,7% в 1937 г.

В 1930 г. в промышленности республики было занято 3374 человека, в 1933 г. - 11 тысяч, в 1937 г. - 52 тысячи человек. Процент женщин - рабочих в фабрично-заводской промышленности составлял в 1929 г. - 23,6 %, в 1930 г. - 25 %.

Произошли качественные изменения в формах пополнения рабочего класса.

За годы двух пятилеток произошли изменения в общеобразовательном и культурно-техническом уровне рабочих.

В обучении взрослого населения использовались различные формы.

Строительство новых предприятий, реконструкция уже действующих, рост промышленного производства требовали и наличия технически грамотных рабочих кадров.

В 1929-30 гг. в промышленности удельный вес квалифицированных рабочих составлял 38 %. Среди рабочих коренных национальностей удельный вес квалифицированных был уже 42 %.

В Дагестане трудности решения проблемы квалифицированных кадров вытекали прежде всего из быстрых темпов развития индустрии республики при отсутствии квалифицированных кадров рабочих для новых отраслей промышленности. Строительство промышленных предприятий и подготовка кадров для них представляло единый процесс. Многим рабочим приходилось как осваивать строительную профессию, так и приобретать необходимую квалификацию для работы на этом предприятии

Квалифицированную рабочую силу школы ФЗУ и другие стационарные учебные заведения готовили из подростков, молодежи

Основная масса рабочих готовилась непосредственно на производстве. С этой целью на предприятиях создавались и действовали различные курсы и кружки индивидуально-бригадного ученичества.

Массовое внедрение на предприятиях передовой техники и необходимость ее освоения вызвали к жизни массовые формы теоретического обучения рабочих и повышения их квалификации - техминимум и общественно - технический экзамен.

В процессе социалистической индустриализации систематически рос удельный вес национальных кадров рабочего класса. В 1931 г. они к общему числу производственных рабочих составили 26,7 %, к началу 1936 г. более 59 %. Индустриализация страны открыла новые возможности для вовлечения в промышленное производство горянок. Процент женщин рабочих в фабрично-заводской промышленности составлял в среднем - 37,6 %.

Говоря о рабочем классе Дагестана следует отметить, что с самого начала он формировался как интернациональный.

Проблемы индустриализации и развития рабочего класса Дагестана в 20-30-е годы получили освещение в исследованиях дагестанских историков.

В частности, они нашли отражение в обобщающих коллективных исторических трудах, монографиях, сборниках научных статей.

Изменения в дагестанском рабочем классе, как отмечается в этих работах, были обусловлены коренными преобразованиями в экономике и культуре республики.

Однако, имеющиеся работы, при всей значительности затронутых в них вопросов, не исчерпывают темы формирования рабочего класса и всей динамики его состава в процессе осуществления индустриализации Дагестана.

Изучение изменений в составе дагестанского рабочего класса на всех этапах развития республики, продолжает оставаться одной из важнейших и актуальных исследовательских проблем новой и новейшей истории народов региона.

Каймаразова Л.Г. (Махачкала)

Педагогическая интеллигенция Дагестана в 20 - 30 гг. XX в (некоторые вопросы истории и историографии)

1. Дагестанская историография накопила определенный опыт в

исследовании проблем формирования национальной интеллигенции. В частности ее наиболее многочисленного отряда - педагогической. Однако, этот сложный и противоречивый процесс освещался в литературе несколько однобоко, в мажорных тонах, не в полной мере вскрывались трудности, причины допускаявшихся ошибок в деформаций. Ныне же во многих публикациях, посвященных данной проблеме, наблюдается другая крайность - нигилистическое отношение к совершенно очевидным достижениям страны и республики в подготовке педагогических кадров в 20-30-е гг.

2. Как известно, после победы Октябрьской революции и установления Советской власти Коммунистическая партия и новые государственные органы приступили к осуществлению радикальных преобразований системы народного просвещения. Важнейшей задачей этих преобразований провозглашалось обеспечение общедоступности общеобразовательной и профессиональной школы, создание условий для приобщения широких масс трудящихся к достижениям культуры, науки, искусства.

3. Решить глобальные и сложные образовательные задачи в стране, где около 2/3 населения было неграмотным, предполагалось путем привлечения имеющихся педагогических кадров, использования их опыта и подготовки в короткий срок многочисленной новой армии учителей, воспитанных на социалистической идее. Однако, не все старое учительство оказалось готовым идти на работу в советскую школу, часть его эмигрировала, другая была отстранена за нелояльность к новой власти. Да и общая численность дореволюционного учительства была недостаточной для решения предстоящих задач школьного образования.

Чрезвычайно трудной и сложной оказалась также проблема подготовки новых педагогических кадров. Она упиралась в острую нехватку материально-технических средств, а в таких регионах, как Дагестан, - и квалифицированных преподавательских сил. нерешенность вопросов национально-языкового строительства, многих организационных, учебно-методических и других вопросов, относительно низкий уровень грамотности и образования населения.

4. Уже в первые послереволюционные годы органы советской власти Дагестана приняли ряд мер по восстановлению и расширению школьной сети и созданию курсов для обучения грамоте взрослого населения. Школьная сеть вплоть до 1922 г. развивалась стихийно, опиралась не на экономические и финансовые возможности республики, а на энтузиазм жаждущего образования населения. В школы хлынули учителями не только лица, получившие известное образование и

педагогическую подготовку, но и малограмотные люди. Параллельно со светскими школами росла и сеть традиционных мусульманских школ. Лишь к середине 20-х годов органам власти республики удалось ввести плановое начало в регулировании школьной сети.

5. Одновременно предпринимаются шаги для подготовки педагогических кадров, вначале на краткосрочных и годичных курсах, а затем и в педтехникумах. На преподавательскую работу, помимо учителей светских школ дореволюционного формирования, вовлекались люди, прошедшие подготовку в мусульманских мектебах и медресе. В 1927 г. дагестанская национальная школа получила первое учительское пополнение со специальным педагогическим образованием - выпускников Буйнакского и Дербентского педтехникумов

6. Введение в начале 30-х годов всеобщего обязательного начального школьного обучения потребовало резкого увеличения численности учительских кадров республики. В связи с этим был увеличен прием в педагогические техникумы. Создается новый тип педагогического учебного заведения - педкомбинат. Уже в 1931 г. в национальных педкомбинатах Дагестана обучалось свыше 1,5 тыс. человек. В том же году в Махачкале открывается первое высшее учебное заведение - педагогический институт. Кроме того, в педвузы за пределами республики было направлено 80 дагестанцев. К этому времени в 798 школах трудилось около 3-х тысяч учителей, из которых 42% имели специальное педагогическое образование.

7. С введением всеобщего начального обучения стала расширяться сеть школ повышенного типа: фабрично-заводских семилеток, школ крестьянской молодежи, а позднее неполных средних и средних общеобразовательных школ. Систему школьного образования уже не могло удовлетворить лишь численное приращение учительского корпуса. Нужны были педагоги с более высокой профессиональной квалификацией. Начатая в 1936 г. аттестация учительских кадров призвана была прежде всего способствовать повышению профессионально-квалификационного уровня учительства республики. В ходе проведения аттестации сотни учителей были освобождены от работы из-за слабой профессиональной подготовки, а те, которые были аттестованы условно, должны были в определенные сроки окончить педагогический вуз или техникум путем заочного обучения.

8. Однако в 30-е годы учителя вынуждены были оставлять школу не только из-за недостаточной профессиональной квалификации. Их нередко лишали работы по анонимному доносу, могли ложно обвинить в принадлежности к антисоветской организации, вредительской

деятельности. В те годы много дагестанских учителей, работников органов народного образования было репрессировано, чем нанесен большой ущерб делу школьного и в целом культурного строительства.

9. При всей сложности и противоречивости социально-культурных процессов в рассматриваемый период в республике были достигнуты значительные успехи в подготовке новых учительских кадров. Только в 1936-1939 гг. педагогические училища Дагестана выпустили 1067 молодых специалистов, а Дагестанский педагогический и учительский институты (1935-1940 гг.) 750 преподавателей для средних и неполных средних школ. С каждым годом повышались уровень знаний, успеваемость учащихся. Учительский коллектив ДАССР тех лет, как и последующего времени был интернациональным по своему составу. Значительную его часть составляли русские педагоги, а также учителя других национальностей страны, внесшие огромный вклад в развитие народного образования в республике. В 1940-1941 учебном году в школах Дагестана работало 5830 учителей, подавляющее большинство которых было подготовлено в 20- 30-е годы.

Золотарева И.Д.(Краснодар)

Вклад Б.М. Городецкого в библиографо-краеведческое изучение Северного Кавказа

Имя Бориса Митрофановича Городецкого было хорошо известно краеведческой общественности 20-30-х годов на Северном Кавказе. Он активно сотрудничал в Обществе любителей изучения Кубанской области (1908-1928 гг., Екатеринодар), был редактором кубанских журналов: "На Кавказе" (1909-1910), "Кубанская школа" (1914-1917), "Сельскохозяйственная кооперация" (1923-1925), опубликовал библиографические обзоры литературы о Северном Кавказе, участвовал в библиографических съездах и краеведческих конференциях.

Практическую деятельность по составлению библиографических указателей Б.М. Городецкий начал сразу же после переезда на Северный Кавказ, в результате чего появились его первые библиографические очерки: "Обзор литературы о Северном Кавказе за 1906-1907 гг.", "Очерк развития русской периодической печати на Северном Кавказе", "Кавказ в русских журналах", "Кавказская библиография" и др. Им был собран и опубликован материал о литературных и общественных деятелях Северного Кавказа. В периодической печати Б.М. Городецкий печатал юбилейные заметки, некрологи о наиболее видных общественных деятелях, краеведах, специалистах, внесших наибольший вклад в

изучение и освоение Северного Кавказа. Еще со студенческих лет он был знаком с К. Хетагуровым, о встречах с которым он написал в статье "Пионер осетинской поэзии".

В научной литературе практически не отражена научно-публицистическая деятельность Б.М. Городецкого, связанная с его работой в Дагестанском научно-исследовательском институте национальных культур при ЦИК ДАССР. В 1928 г. в г. Махачкале, на заседании оргбюро этого института принимается решение о приглашении проф. Б.М. Городецкого на должность заведующего экономическим отделом. Ему было отдано предпочтение перед другими кандидатурами на эту должность, как ученому, "работавшему по Кавказу, в частности, в горской обстановке".

Б.М. Городецкий переезжает в Махачкалу, но из-за отсутствия средств в институте в течение двух лет работал в Даггосплане, а с сентября 1931 г. назначен он был научным сотрудником по библиографическим работам в ИДК.

В статье "Горские вопросы в русской журналистике и полиграфии", напечатанной в журнале "Революция и горец", Б.М. Городецкий отмечал, что "усилился приток литературы о горских народах примерно с 1925 г. В большинстве случаев она носит научно-исследовательский и краеведческий характер со значительным уклоном в экономику. Многие печатные работы последнего времени основаны на специальных исследованиях, недавно произведенных и сопровождаются богатейшим цифровым материалом. Отсутствие библиографической сводки литературы по Северному Кавказу, вышедшей в свет после 1912 г, тормозило всякие научные исследования и изучения края". Б.М. Городецкий понимал, что систематизация такого печатного материала была необходима молодой республике, которая развивала свою промышленность, сельское хозяйство, готовила своих специалистов.

В 1933 г. Б.М. Городецкий опубликовал библиографический обзор "Дагестан в советской литературе. Источники для изучения Даг. АССР", в котором отражено более 2030 названий книг и статей. Обзор разбит на 25 разделов, даны хорошо написанные аннотации. Выход в свет этого обзора был воспринят современниками как ценный подарок и демонстрировал успехи молодой республики. К сожалению, не были опубликованы работы Б.М. Городецкого: "Библиография Кавказа за 1912-1925 гг.", "Библиографический путеводитель по Северо-Кавказскому краю", указатель "Путешествия по Кавказу", но подготовленные к печати, они находились в библиотеке Дагестанского научно-исследовательского института национальных культур, использовались сотрудниками библиотекой.

Б.М. Городецкий имел большой опыт организации краеведческой работы и приложил много усилий к тому, чтобы поднять ее на должный уровень в Дагестане. Выступая на азербайджано-дагестанском совещании с докладом "О содержании и формах краеведческого движения в ДАССР и АССР", он отметил, что "краеведение в национальных окраинах имеет особенно актуальное значение... Культурно-хозяйственное строительство может пойти вперед лишь при том условии, что трудящиеся массы коренного населения будут хорошо знать свой край и самих себя в настоящем и прошлом".

Командировки по республике и изучение постановки краеведческой работы позволили ему сделать неутешительный вывод: из 7 зарегистрированных краеведческих организаций работало лишь 3.

В статье "Задачи института Дагестанской культуры" Б.М. Городецкий отмечает, что созданный институт возглавит краеведение, будет планировать свою научно-исследовательскую работу в соответствии с задачами культурно-хозяйственного строительства. Особое значение он придавал публикации краеведческих материалов. В "Бюллетене института Дагестанской культуры" он поднимает вопрос об издании материалов краеведческого характера в зависимости от их научной ценности. Он считал, что свои научные труды институт должен публиковать в своих "Известиях", информационный материал о деятельности института в "Бюллетене", а материал общекавказского характера издавать на паритетных началах с другими национальными объединениями Северного Кавказа.

В 1929 г. журнал "Северо-Кавказский край" поднял вопрос об издании "Северо-кавказской энциклопедии". В статье "Письмо из Дагестана" Б.М. Городецкий выступил с поддержкой этой инициативы и заметил, что хотя Дагестан и не входит в состав Северо-кавказского края, но материал о нем должен быть помещен в этом издании. Он настаивает на том, чтобы "Северо-кавказская энциклопедия" носила в основном краеведческий характер и статьи были бы написаны не компилятивно - по старым печатным материалам, а составлены на основе свежих данных, выверенных и проверенных. Большинство статей должно сопровождаться соответствующими картами, диаграммами, портретами и другими иллюстрациями, которые облегчат усвоение материала".

Б.М. Городецкий имел большой авторитет как ученый, краевед, поэтому его постоянно приглашали для работы в различных комиссиях: по реорганизации библиотечной работы и подготовке библиотечных съездов, организации музеев местного значения, по ковровому промыслу.

на заседания Вседагестанского съезда Советов.

Б.М. Городецкий щедро делился своими знаниями, опытом и внес значимый вклад в культурное развитие Дагестана.

Щетнев В.Е. (Краснодар)

“Шестидесятники” в исторической науке

“Шестидесятники”, “шестидесятые”... Уже около трех десятков лет вокруг этих понятий не утихают споры и дискуссии. И не случайно. Речь идет не столько о хронологическом отрезке времени и людях, работавших тогда, сколько о поколении, влившемся в сложные историко-культурные, историко-общественные, политические процессы, порожденные хрущевской оттепелью”.

О “шестидесятниках” много пишут в сфере литературы и искусства. Значительно меньше - в исторической науке. И напрасно. Феномен “шестидесятничества” в исторической науке заслуживает внимательного и всестороннего изучения. В предлагаемом докладе такая попытка делается на материалах аграрной историографии Северного Кавказа 20-х годов.

“Оттепель” в историографии выразилась в расширении доступа к архивным источникам, литературе спецхранов, оживлении издательской деятельности, особенности в публикации документов, преодолении сталинских схем в истолковании прошлого, проведении дискуссий по актуальным проблемам истории. Бюрократические и идеологические рогадки оставались, действовала цензура. Проводились “установочные” совещания, в лучших “знатоках” истории ходили секретари ЦК и обкомов по идеологии. Мы знаем немало примеров, когда от их прихоти зависело проведение научной конференции, издание книги. Но перемены в исторической науке происходили. У их истоков стояли “шестидесятники”. Среди них выделялись участники Великой Отечественной войны, ставшие после демобилизации студентами исторических факультетов. Жажда познания в соединении с жизненным опытом, здравым смыслом, кругозором помогли им стать пытливыми профессионалами, а “оттепель” совпала с их вступлением в пору научной зрелости.

Традицией является рождение научных идей и направлений в столице, а затем их приход и развитие на периферии. В аграрной историографии 20-х годов такое случилось благодаря энергичной и многосторонней деятельности группы историков-аграрников в Институте истории АН СССР (ныне - Институт российской истории РАН) под руководством В.П. Данилова. Научные публикации, издание сборников

документов. проведение научных конференций. координаторская работа. помощь исследователям с мест - все это принесло результаты, заложило базу для движения историографии.

Работа "шестидесятников" вовсе не была гладкой. Твердокаменные сталинисты упрекали их в "правом оппортунизме", чрезмерном свободомыслии, отступничестве от идеалов. Сегодня все происходит с точностью до наоборот: "шестидесятников" упрекают в консерватизме и чрезмерном пристрастии к марксистским идеям.

Научная деятельность "шестидесятников" нашла благодатную почву на периферии. Для Северного Кавказа аграрная проблематика была особенно важна. Сегодня даже нет возможности перечислить всех историков-аграрников, оставивших след в историографии "нэповской" северокавказской деревни (Гугов Р.Х., Гирдев М.И., Даниялов Г.Д., Даниялова Н.В., Джанибекова Р.Х., Исмаилов А.Р., Керимов И.К., Кожанов А.П., Овчинникова М.И., Осколков Е.Н., Перехов Я.А., Османов А.И., Османов Г.Г., Раенко Г.Е., Смагина С.М., Текуев А.К., Цыганаш Н.Г., Чернопицкий П.Г. и другие). Многие из них продолжают трудиться и сейчас.

Вклад "шестидесятников" в "нэповскую" аграрную историографию 20-х годов достаточно весом.

Во-первых, они "реабилитировали" наследие 20-х годов - современников событий, поставив его в ряд ценных источников и в то же время не лишив ранга исследований.

Во-вторых, они вернули и стали развивать проблематику, намтившуюся в 20-е годы и преданную забвению в 30-е и 50-е (казачье, крестьянское и горское хозяйство, формы сельскохозяйственного производства, землеустройство, социально-экономическое расслоение, проблемы советизации и др.). Изучение названных тем возобновилось на базе нового архивного материала.

В-третьих, появилась новая проблематика (вопросы психологии крестьянства, различные проявления общественно-политической жизни, разные проявления сельской культуры и др.).

С высоты сегодняшнего дня видны слабые стороны работы "шестидесятников". Их идеи не выходили за рамки "социализма с человеческим лицом". Да и не могли выходить, ибо они были сплошь атеистичны (автор относит сказанное прежде всего в свой адрес). Идеологическое смягчение не привело к усвоению новой методологии. Но восьмидесятые годы начинались с продолжения шестидесятых, заложивших идейное многообразие будущего развития. Поэтому не во всем справедливой выглядит оценка шестидесятых, как "модернизация

сталинских идей" (Ю. Н. Афанасьев). Нельзя "перепрыгнуть" через свое время, стать зрелым, не пройдя юности.

Абдуллаев М-З Н (Махачкала)

Этноцентризм и современная историческая наука

В последние годы в Республике Дагестан стали иметь место некоторые явления националистического толка, которые к счастью, еще не сложились в цельную общественно-политическую тенденцию. Одним из таких негативных проявлений межэтнических отношений является этноцентризм, который не будучи доминирующим в палитре межнациональных отношений республики все же оказывает определенное влияние на взаимоотношения дагестанских народов.

Современный этноцентризм, как сложное этнопсихологическое явление, возник в постперестроечный период на волне бурного роста национального самосознания. В Дагестане он зародился в узких кругах научной интеллигенции во многом как ответ на былое принижение истории и культуры народов, составляющих национальные окраины бывшего СССР. Немалую роль в создании почвы для этноцентризма, равно как и некоторых других националистических проявлений, сыграли и перегибы в национальной политике и в самой РД, приведшие к неравномерности социально-экономического развития его народов.

Закономерно, что процессу роста национального самосознания как правило сопутствует активизация интереса к истории. В трудный период своего развития народы, народности, малочисленные этнографические группы, обращаясь к своему, прошлому пытаются определить свою национальную нишу, стремятся найти решение современным проблемам и наметить пути своего развития в перспективе.

С начала 90-х годов у дагестанских народов отмечается заметное повышение внимания к истории, к своему близкому и далекому прошлому. Несомненно, это в целом позитивный процесс, способствующий духовному возрождению и нравственному оздоровлению народов. Но вместе с тем необходимо отметить, что движимые благородным порывом узнать об истории своего народа как можно больше, некоторые авторы ударились в очередную крайность: занялись чрезмерной героизацией прошлого. Более того, в последние годы участились случаи тенденциозного отношения к истории, когда игнорируя все то доброе, что объединяло людей, особое внимание уделяется тем страницам и фактам, которые связаны с нанесенными в прошлом обидами и национальной несправедливостью. В результате

виновность другого народа (или народов) в собственных неудачах прямо или косвенно "обосновывается" историческими экскурсами и конкретным социально-историческим "анализом". Таким образом, некоторые исследователи, экстраполируя историю на современность, по своему трактуют в свете прошлых событий современные процессы и характер взаимоотношений с соседями.

На сегодняшний день проблема этногенеза дагестанских народов Международной Академии наук (АМАН). Автором этих строк представлен проект плана-проспекта, который принят за основу.

В создании восьмитомного фундаментального труда будут участвовать специалисты трех указанных республик, специалисты - кавказоведы России (Академии наук и университетов республик Кавказа). Особую и очень важную часть авторского коллектива составят ученые - адыги проживающие в Турции и арабских странах.

Исходя из того, что за прошлые десятилетия проделана большая научно - исследовательская работа, выросли значительные отряды ученых - историков, языковедов, литературоведов, социологов, этнографов и других специальностей, создание такого многотомного издания в течение предстоящих 5-6 лет представляется вполне назревшим и реальным, стала очень модной. Явление это в условиях бурного роста национального самосознания, закономерное и в целом позитивное. Мы не согласны лишь с тем, что ныне некоторые исследователи опираясь на гипотезы освещают вопросы происхождения того или иного народа таким образом, что необоснованно ставят под сомнение историческую общность дагестанских этносов. В результате у национал-сепаратистов и этноцентристов, стремящихся разделить Республику Дагестан на карликовые национал-политические образования, появляется возможность исторического обоснования своих целей.

С начала 90-х годов в Республике Дагестан некоторые политиканствующие элементы активно используют этноцентристские идеи во имя достижения узконациональных, а порой и личных корыстных интересов. Ведь идеи национального превосходства, этнической исключительности, если даже они подаются в завуалированной форме, являются наиболее привлекательными и доступными для широких масс, особенно молодежи. Отсюда большие возможности влияния националистических идей, тем более в "смутные" времена, на сознание людей, на их повседневную деятельность. В частности, в Республике Дагестан националисты муссируют идеи о "генетической предрасположенности" одного

из его народов выдвигать общедагестанских лидеров, об особых уникальных достоинствах того или иного народа, о политике "этноцида" по отношению к одним дагестанским народам со стороны других дагестанских народов и т.д. Все эти идеи, как нам представляется, крайне опасны для настоящего и будущего дагестанских народов и поэтому недопустимы.

Хамицасва А.А. (Москва)

К истории русско-осетинских отношений:

осетинское посольство в Санкт-Петербурге в 1844-1845 гг

Изучение истории взаимоотношений народов Кавказа с Россией остается актуальной проблемой исторической науки. Одним из важнейших аспектов этой проблемы является процесс развития русско-осетинских отношений. Однако в истории этих отношений до сих пор имеются неизвестные страницы, которые являются весьма показательными для характеристики процесса развития русско-осетинских связей. Одной из них является история отправления осетинами в Санкт-Петербург своих представителей в 1844-1845 гг.

18 марта 1844 года, тагаурские старшины (старшинами именовались в документах русской администрации в Осетии представители социальной верхушки общества - А.Х.), подпоручик Кавдин Кундухов и прапорщики Беслан Тулатов, Пацы Кануков и Габис Дударов от имени Тагаурского общества Осетии, подали прошение на имя командующего войсками на кавказской линии и в Черномории генерал-лейтенанта В.О.Гурко с просьбой разрешить им "по примеру соседственных обществ Кабардинского и Назрановского", "послать в Санкт-Петербург депутатов для личного принесения Всемилостивейшему Государю всеподданнейшей благодарности и для высказаня Его Императорскому Величеству некоторых общественных дел". Мотивируя свою просьбу, тагаурцы особо подчеркивали заслуги представителей общества перед российской империей: "...есть редкий тагаурский житель, - писали они, - который бы не имел какой-либо награды от Правительства".

В Зимнем дворце благосклонно отнеслись к подобной инициативе осетин-тагаурцев, с той лишь оговоркой, что было предложено повременить с отправлением делегации. Владикавказскому коменданту полковнику Нестерову было поручено "назначить 4-х человек поверенных от Тагаурского общества", которые бы удостоились предстать перед императором. Полковником Нестеровым были предложены кандидатуры поручика Кави-Магомета Дударова и прапорщиков Беслана Тулатова.

Нафи Шанаева и Кучука Дударова, как "самых достойных представителей из Тагаурского общества".

Однако, за то время, пока кавказской администрацией велась подготовка к отправке в Санкт-Петербург делегации осетин-тагаурцев, ситуация несколько осложнилась. Известие о готовящемся мероприятии "произвело некоторое волнение в прочих обществах Владикавказского округа (Куртатинском и Алагирском - А.Х.), которые также пожелали отправить своих представителей в составе делегации в Санкт-Петербург. Последовал новый запрос в столицу с просьбой о разрешении отправить делегацию и от других обществ Владикавказского округа.

Император повелел "предоставить это дело" кавказскому наместнику генерал-адъютанту графу Воронцову, с тем, чтобы разобравшись в нем, отправить уже общую делегацию от всех осетинских обществ.

28 апреля 1845 года, во время проезда графа Воронцова через Владикавказ ему были представлены владикавказским комендантом генерал-майором Нестеровым 16 человек - делегатов от трех осетинских обществ. Встреча имела весьма положительные последствия, поскольку наместник "благодарно выслушал" все просьбы депутатов и пообещал, что "удовлетворит все просьбы осетинского народа по соображению обстоятельств и по мере заслуг, оказанных ими Его Императорскому Величеству".

Об "общественных просьбах", которые осетины хотели высказать в Санкт-Петербурге, известно лишь то, что одна из них касалась одной из самых острых проблем в Осетии - земельного вопроса. Сведений о других просьбах, с которыми осетины хотели обратиться к императору, в источниках не имеется.

Сразу же после встречи кавказский наместник приказал отправить всю делегацию в составе 16 человек в Петербург немедленно, с тем, чтобы они прибыли туда не позже июня 1845 г. В конечном итоге в состав делегации "горских народов Владикавказского округа" вошли 12 человек - представителей трех осетинских обществ - Тагаурского, Куртатинского и Алагирского и 4 человека от ингушей Галгаевского, Кистинского и Джераховского обществ, также входивших во Владикавказский округ и находившихся в административном подчинении владикавказскому коменданту.

Тагаурское общество имело посольское представительство: высшее сословие представляли поручик Казим-Магомед Дударов, подпоручик Кавдин Кундухов и прапорщики Беслан Тулатов и Нафи Шанаев. Сословие фарсаглагов представляли прапорщик Гака Кусов и Цуки Козров, а сословие кавдасардов - Хусина Баев. Куртатинское

общество представляли войсковой старшина Петр Гайтов, подпоручик Ахмет Цаликов и цимитинскую общину представлял Дабек Гусов. От Алагирского общества были делегированы Кавдин Козров и Мулдар Макеев. Все делегаты, кроме того, что они были влиятельными людьми и пользовались уважением и доверием в Осетии, имели особые заслуги перед российской администрацией - участвовали в военных действиях русской армии на Кавказе или занимали достаточно высокие административные должности, как например войсковой старшина Петр Гайтов и поручик Кази-Магомет Дударов, которые в разное время (первый с 1832 по 1845 г., а другой с 1845 г.) занимали должность пристава горских народов Владикавказского округа.

Делегация отбыла в Санкт-Петербург из Владикавказа в середине мая 1845 года. В "Открытом листе", которым делегация была снабжена всем местным начальникам по пути следования ее, от имени командующего войсками на кавказской линии и в Черномории генерал-лейтенанта Завадовского предписывалось "оказывать ей всевозможное пособие к безостановочному следованию", а также "всяческое пособие, привет и гостеприимство". На дорожные расходы для делегации была выделена из казначейства Штаба войск кавказской линии немалая по тем временам сумма в 2 тыс. 331 руб. серебром.

Делегация прибыла в С.-Петербург 21 июня 1845 года и была "представлена императору и всей августейшей фамилии". В ознаменование особенного "монаршего благоволения к депутатам, прибывшим в Санкт-Петербург от обществ Владикавказского округа", им были "высочайше пожалованы" различные награды и чины. Так, поручик Кази-Магомет Дударов и подпоручик Кавдин Кундухов были удостоены следующих чинов - соответственно штабс-капитана и поручика и по 150 руб. серебром каждому. Куртатинец Петр Гайтов был награжден орденом Св. Станислава и 200 руб. серебром. Хусина Баев, Дабек Гусов и Пуки Козров были произведены в прапорщики с содержанием по 100 руб. серебром в год каждому.

В конце августа 1845 г. осетинская делегация благополучно вернулась во Владикавказ.

Политической целью поездки осетинской делегации в С.-Петербург было подтверждение осетинами своей верности России. Это было важно и для России в тот сложный период, когда на Кавказе велась кровопролитная война.

О спекуляции вокруг этногенеза и этнической истории

Переломные моменты истории, как правило, отмечаются сплесками различных лжетеорий, эзотерических и иррациональных знаний, шовинизма и национализма. Наиболее ядовитыми и вредоносными являются последние два, проявляющиеся в различных формах в постсоветской России и странах СНГ. Особую тревогу они вызывают на полиэтническом Кавказе, где определенным политическим силам удалось создать множество очагов напряженности. На Северном Кавказе уже полыхается война в идеологии, особенно в исторической науке. Началась она с казалось бы объективной необходимости пересмотра многих процессов - осветить ранее слабо разработанные или запретные темы, а вылилось в ревизию всей исторической науки, в том числе правдиво освещенных событий и явлений, основанных на прочном источниковом фундаменте. Появились работы, в том числе написанные людьми, далекими от исторической науки, но претендующими решать проблемы неподдельные специалистам-историкам. Они содержат претензии на большую древность того или иного народа, его культурное превосходство над соседями и т.д. В Дагестане эта компания началась с празднований юбилеев сел.

В республиках Северного Кавказа стали издаваться работы с претензиями отдельных народов на их выдающуюся роль и значимость в истории. Особое внимание привлекли труды археолога И. Мизиева, в которых автор доказывал происхождение тюркских народов от древних шумер. Методические пороки этих работ, необоснованность претензий на родство с шумерами, скифами и др. народами достаточно убедительно аргументированы в статьях В.И. Морковина, И.М. Чеченова, В. Каминского, В.А. Шнирельмана и мн. других. Несмотря на это в Дагестане появились последователи И. Мизиева. Сначала в националистических газетах ("Къумукъ иш"), а потом в различных брошюрках стали муссировать положения о происхождении кумыков от шумеров, киммерийцев, скифов, гуннов и половцев (см.: Кадыраджиев К.С. Загадки кумыкской и тюркской истории от Эгейского до Каспийского морей. Махачкала, 1926. 64 с.). Эти "исследования" получили объективную оценку со стороны

ученых. Р.Г. Магомедов, например (По поводу одних историко - лингвистических загадок // Алародии: этногенетические исследования. Махачкала. 1995. С. 126-142) убедительно показал методологическую несостоятельность и ущербность работы К.С. Кадыраджиева. Резкую отповедь получили и работы, написанные М. Аджиевым ("Мы из рода половецкого", "Полюнь поля половецкого", многочисленные статьи в газетах и журналах), проповедующего происхождение кумыков от половцев и рассматривающего их, балкарцев, карачаевцев, казаков, украинцев, большинство русских и т.д. в качестве родственных народов - потомков половцев. Проф. А. Кузьмин назвал этого и подобных ему авторов "мародерами дорогах истории" ("Родина". М., 1996).

В последнее время появилась монография Г.А. Абдурагимова "Кавказская Албания-Лезгистан. История и современность" (СПб., 1995. 60 с.). Это всеохватывающий труд, в котором автор - профессор, физик по образованию пытается решать чуть ли все проблемы истории и культуры лезгин с древнейших времен до современности. Эта книга наполнена социальной демагогией, логическими подтасовками и выводами о национальной исключительности и культурном превосходстве лезгин над всей окружающими народами. При этом он смело судит специалистов по различным дисциплинам. Языковедов д. филол. н. И.Х. Абдуллаева и к. филол. н. К.Ш. Микаилова, например, он отчитывает за то, что они легов считают предками всех народов Дагестана, как это следует из источников и материалов языкознания и прослеживают трансформацию этнонима "лег", "лаг" в "лезгин". Ему не правится, что раньше лезгины именовались иным названием и закрепленное ныне за ними этноним имел к ним такое же отношение какое имел ко всем народам Дагестана. И здесь логика автора напоминает суждения "этого не может быть, потому что этого не может быть никогда" чеховского героя из рассказа "Письмо к ученому соседу".

Основной в работе, видимо, следует считать часть, посвященная Кавказской Албании. В состав Албании он включает территорию Азербайджана и Южного Дагестана, согласившись включить в состав Албании горный Дагестан с условием, если признать, что он подчинялся албанским царям, не входя в состав албанских племен. У него албанские племена - это лезгины. Он утверждает, не утруждая себя доказательством: "Албания была многоплеменным лезгиноязычным государством", "из 9 племен Кавказской Албании 6 наиболее крупных - албаны, каспии, гелы, леги, утии, гаргарей, являлись

предками нынешних лезгиноязычных народов”, “каспий не исчезли бесследно ... а просто в греко-римской истории получили новое название - албаны”, “расселение албанских народностей на территории Кавказской Албании показывает, что вышеупомянутые 5 народностей занимали почти всю территорию Албании”.

Прежде всего обращает на себя внимание странный торг автора. Разве в физике, специалистом которой является он, истина зависит от признания или не признания кем-либо каких то фактов? Он не замечает, что как равнозначный рассматривает этнические и географические понятия. Ни один ученый не утверждал, что лезгины генетически не связаны с племенами Кавказской Албании. Вместе с тем у нас нет основания для отождествления лезгин с албанами, как впрочем и других народов Дагестана. Бесмысленны споры о том, предками каких современных народов Дагестана являются леги, гелы, албаны, гаргареи и т.д. как и от какого корня происходит та или иная ветка дерева. Лезгины, как впрочем и другие народы Дагестана, генетически связаны с племена Кавказской Албании, но они не могут быть рассмотрены в качестве единого этноса ни по языку, ни по характеру культуры, ни по этнической психологии и самосознанию.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Содержание

Османов А.И. Историческая наука Дагестана: проблемы и перспективы	3
Магомедов Р.М. Взгляд историка на Дагестан на рубеже двух веков	6
Шнирельман В.А. Уроки националистической археологии.	9
Колл Ф. Использование далекого прошлого на Кавказе для этнической идентификации	12
Чеченов М.И. Причинно-следственные аспекты фальсификации историко-археологической науки на Северном Кавказе (сер. 80-х - 90-х гг.)	13
Гаджиев М.Г. Проблема происхождения народов Дагестана в свете новых исследований.	16
Магомедов Р.Г., Сагитова М.Д. Об опасности политических и националистических манипуляций археологическими данными.	18
Гаджиев М.С. Современные тенденции в изучении проблемы этнической дефиниции племен Кавказской Албании.	25
Гасанов М.Р. Вопрос о северной границе кавказской Албании в литературе.	27
Биджиев Х.Х., Биджиева М.К. Раннесредневековые торки и этногенез карачаевцев и балкарцев.	30
Федоров Г.С. Половецко - кыпчакская проблема в этногенезе кумыков.	32
Гмыря Л.Б. Проблема гуннов Прикаспия в историографии Северного Кавказа	33
Гаджиев М.С. Письменность Кавказской Албании: факты и фальсификации.	36
Козлов А.И. Казачество: политиканство и наука.	39
Иноземцева Е.И. Об истории и источниках формирования русского населения Дагестана в XVI-XVIII вв.	41
Мансуров М.Х. К освещению в исторической литературе вопроса о заселении терско-сулакского междуречья в XVI - XVIII вв.	44
Трпавлов В.В. Предки ногайцев на Северном Кавказе (XIV в.).	48
Кидьирнязов Д.С. Расселение ногайцев Северного Кавказа в XV-XVIII вв.	50
Маммаев М.М. Проблема происхождения кубачинцев в историко-этнографической литературе XVIII-XX вв.	52
Магомедов Д.М.К проблеме происхождения андо-цезов: вопросы	

историографии.	54
Умаханов М.-С.К., Алиев Б.Г. Дискуссионные проблемы формирования этнического состава населения Терско-Сулакского междуречья.	55
Ибрагимов М.-Р. А. Об изучении этнической истории дагестанских чеченцев - аккинцев.	60
Агаширинова С.С. Некоторые проблемы этнологической науки в Дагестане.	63
Мусаев Г. М.-С. Российская и зарубежная историография о происхождении народов Дагестана.	65
Магомедов А. Дж. Традиционное ремесленное производство Дагестана: состояние изучения и новые подходы.	66
Магомедов А.Р. Земледелие - основа хозяйства в средневековом Дагестане.	69
Атаев Г.Д. Об извращениях и фальсификации истории хозяйства горцев Дагестана и их взаимоотношений с соседями.	69
Гусейнов Г.-Р. А.-К. Некоторые языковые и исторические данные о территории первоначального проживания кумыкского этноса	71
Гусейнов Г.-Р. А.-К., Мугумова А.Л. Тюркские и русский языки - коммуниканты в истории народов северо - восточного Кавказа и Дагестана (XVI - XIX вв).	74
Сотавов Н.А. К вопросу об освещении политики России на Северном Кавказе в XVIII в. в зарубежной историографии.	77
Сулейманов Б.Б., Шигабудинов М.Ш. К вопросу изучения истории сельского управления в Дагестане 2-й пол. XIX в.	80
Гамзаева Г.Ш. О некоторых аспектах исследования политических взаимоотношений феодальных владений Дагестана и России в начале XIX в.	82
Омаров А.И. К вопросу о русско-дагестанских взаимоотношениях в начале XIX века.	84
Рамазанов А.Х. Русско - дагестанские отношения XIX - XX веков в исторической литературе.	86
Акаев В.Х. Об антинаучных концепциях в освещении Кавказской войны в исторической науке.	89
Гапуров Ш. А. Некоторые спорные вопросы в российско - северокавказских отношениях в XVI - XIX вв.	93
Яндаров А.О. Идеология национально - освободительного движения горцев Северо-Восточного Кавказа (1824-1859 гг.)	95
Амиров М.Г. Хакурн Д. Хроника Али кади из Салта	

о восстании 1877 года в Дагестане.	98
Магомеддадаев А.М. Актуальность изучения дагестанской диаспоры.	100
Абдуллаева М. И. Основные этапы и особенности переселения горцев северо-восточного Кавказа в османскую империю во второй половине XIX века.	101
Шихсайдов А.Р. Исламизационный процесс в Дагестане и проблема историко - культурных контактов.	103
Наврузов А.Р. Дагестанские адагы на страницах газеты “Джирадат Дагестан”.	105
Аутлев М. Главная проблема исторической науки об адыгах	107
Ахмадов Ш.Б. О переселенческом движении в Северном Дагестане, Чечене и Ингушетии во второй половине XIX - начале XX в.	110
Шигабудинов Д.М. Переселенческая политика России на Северном Кавказе в первой половине XIX века.	113
Баглиев З. Социально - экономические последствия переселенческой политики в Дагестане (на материалах селения Куруш).	117
Болохина Н.И. К вопросу об аграрной реформе в Дагестане.	119
Юнусова П.С. Изучение переселенческой политики в исторической науке Дагестана.	122
Каймаргазов Г.Ш. Проблемы историографии культуры Дагестана новейшего времени.	125
Булатов Б.Б., Ибрагимов М.-Р.А. Изучение уровня социально-экономического развития Дагестана конца XIX - начала XX вв. в трудах исследователей	127
Гаджиев А.-Г.С. Гражданская война в Дагестане: (вопросы историографии).	130
Эмирова М.Н. О некоторых проблемах изучения истории гражданской войны в Дагестане.	133
Исаев А. А. Новый источник по истории гражданской войны в Дагестане.	134
Искендеров Г.А. Крестьянство Дагестана в 20-е годы XX века: вопросы социального развития.	136
Мусаева С.И. Межнациональные отношения в Дагестане: проблемы и перспективы.	139
Вагабов М.М. К изучению вопроса о социально-экономических последствиях технического прогресса на железнодорожном и морском транспорте Дагестана.	143

Мирзабеков М.Я. Социально-культурное развитие дагестанского села в 20-30-е гг.: опыт и задачи исследования	145
Булатов Б.Б. Изучение проблемы изменения социальной структуры населения Дагестана. (30-е годы XX вв.).	147
Ананьева Е.С. Тенденция и проблемы совершенствования подготовки квалифицированных рабочих в системе профтехобразования Дагестана 70 - 90 - е гг. в исторической литературе.	150
Юнаева В.Д. Индустриальное развитие Дагестана и изменения в составе рабочего класса в 20-30-е гг.: историографический аспект.	153
Каймаразова Л.Г. Педагогическая интеллигенция Дагестана в 20 - 30 - е гг. XX в. (некоторые вопросы истории и историографии).	156
Золотарева И.Д. Вклад Б.М. Городецкого в библиографо-краеведческое изучение Северного Кавказа.	158
Щетнев В.В. "Шестидесятники" в исторической науке.	161
Абдуллаев М.-Н. Этноцентризм и современная историческая наука.	163
Хамицаева А.А. К истории русско-осетинских отношений: осетинское посольство в Санкт-Петербурге в 1844- 1845 гг.	165
Давудов О.М. О спекуляции вокруг проблемы этногенеза и этнической истории.	168

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Состояние и перспективы развития исторической науки Дагестана и Северного Кавказа: актуальные проблемы. Тезисы докладов./ Дагестанский научный центр РАН. Институт истории, археологии и этнографии.- Махачкала, 1997, 175 с.

Подписанов печать 10 июня 1997 г. Формат 60 x 84 $\frac{1}{16}$ Бумага типографская 1. Печ. лист 10,09.

Тир. 150 экз. Отпечатано с готовых диапозитивов
в тип. "Промстройинвест", г. Махачкала, ул. Багырая, 11.